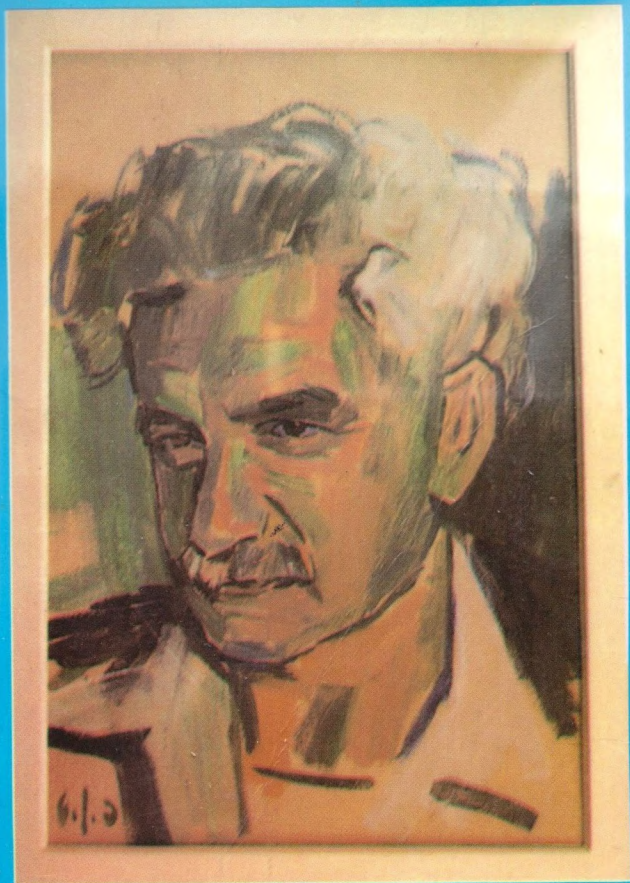

АНИТА ШАПИРА

Анита Шапира

Б Е Р Л

II
127

БЕРЛ

עבריה וצבי עופר
קבוץ יפעת

Анита Шапира
Б Е Р Л
Биография
II

Анита Шапира

Б Е Р Л

Биография

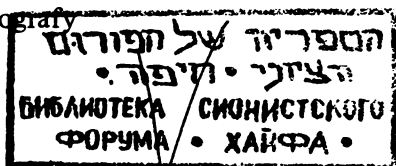
II

Библиотека-Алия
1987

אניטה שפירא
ברל

A. Shapira
Berl Katznelson
a biography

Сокращенный перевод с иврита *Симы Векслер*
Под общей редакцией *Ицхака Леви*

Издано при содействии Общества им. П.Литвиновского

Фотографии любезно предоставлены Музеем диаспоры
(из коллекции семьи Слуцкий, Эйн-Харод)

На обложке:

Берл. Художник *П.Литвиновский*

ISBN 965-320-011-9

©

All rights reserved.

כול הזכויות שמורות

לספריית-עליה

ת.ד. 4140, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

Printed in Israel

OCR Давид Титиевский, июль 2020 г., Хайфа

С о д е р ж а н и е

Вождь против партии. 1931—1935	7
Молодежный центр. 1933—1935	63
”Возражения против существующего положения вещей”. 1935—1939	96
Час, предвещающий рождение государства. 1936—1939	141
Припертые к стене. 1939—1944	
1. В эпицентре бури	203
2. Горькие годы	269
Сила и слабость	321

Вождь против партии 1931—1935

С момента опубликования "Послания Макдоналда" деятельность сионистов развернулась в государственной плоскости. "Послание Макдоналда" отменяло большинство пунктов Белой книги Пасфилда. Начался новый период успешного строительства еврейского национального очага в Эрец-Исраэль. Однако успех Вейцмана парадоксальным образом проложил дорогу его отставке с поста президента Всемирной сионистской организации. До тех пор, пока на повестке дня стояли переговоры с англичанами, Вейцман был жизненно необходим. Теперь же независимый характер Вейцмана, его спорные высказывания в интервью для печати, самостоятельность его мнений мешали сплочению движения и созданию эффективной коалиции на Сионистском конгрессе, который должен был состояться в Базеле (30 июня — 15 июля 1931 г.).

Берл активно участвовал в дискуссии, проводившейся в центральном комитете Мапай перед конгрессом, и был одним из авторов принятой резолюции: бороться на конгрессе за создание коалиции, независимо от того, поддержит ли ее Вейцман, при условии, что она будет антиревизионистской. Эта резолюция отражает изменение проблем, стоящих перед сионистским движением. События 1929 года и два года политической борьбы, последовавшие за ними, отвлекли внимание от происходившего в окружающем мире.

Мировой экономический кризис, захвативший Сое-

диненные Штаты Америки, а вслед за ними Германию, Австрию и в той или иной степени остальные европейские страны, лишь слегка коснулся палестинской экономики. Концентрация на проблемах Эрец мешала разглядеть разрушительные процессы, имевшие место в странах Центральной и Восточной Европы: в Германии поднялась волна антисемитизма, возросла сила нацистской партии; в Польше, где была наибольшая в Европе концентрация евреев, ненависть к ним являлась составной частью "культурных традиций" населения. Для растущего в странах Центральной и Восточной Европы национализма евреи стали козлом отпущения, на котором можно было сорвать досаду и злость, вызванную тем, что долгожданная государственность не принесла благоденствия. На Семнадцатом сионистском конгрессе впервые заявили о себе две массовые партии — Мапай и ревизионисты. Обе они символизировали собой процесс демократизации, произошедший в сионистском движении, глубину проникновения сионистских идей в широчайшие слои еврейства. Обе они выражали настроения масс, для которых сионизм стал вопросом жизни и смерти, как в проблеме превращения Эрец-Исраэль в национальное убежище, так и в том, что дело это не терпит отлагательств. Изменился характер сионистского движения — после периода медленного накапливания сил оно вышло на твердую дорогу. Ощущение необходимости немедленных действий, вызвавшее к жизни оба эти движения, привело их впоследствии к столкновению друг с другом.

На выборах в конгресс ревизионисты собрали 21% голосов членов Всемирной сионистской организации, платящих членские взносы — "шекели", а рабочее движение — 29%. Существенное значение имели результаты выборов в Польше: здесь процент избирателей резко возрос по сравнению с предыдущим, Шестнадцатым конгрессом — с 48 905 до 72 550, причем ревизионисты получили 20 498 голосов

(по сравнению с 4229 перед Шестнадцатым конгрессом), а Мапай — 22 487 голосов (по сравнению с 14 163 перед предыдущим конгрессом).

Казалось, что ревизионисты представляют собой растущую силу, завоевывают еврейские массы, только что обратившиеся к сионизму. Жаботинский призывал делегатов Семнадцатого конгресса поднять знамя еврейского государства, но другие руководители сионистского движения не видели смысла идти на риск ради лозунгов, которые невозможно было немедленно осуществить. Опасаясь создания излишней напряженности между евреями, арабами и англичанами, представители рабочего движения выступили против требований Жаботинского о проведении общей дискуссии по вопросу о "конечной цели" сионизма, и это предложение не было принято. Относительно "конечной цели" руководители рабочего движения предпочитали придерживаться политики Гамбетты в вопросе об Эльзас-Лотарингии — "никогда не говорить о ней, но всегда думать о ней".

После того, как Жаботинский драматическим жестом разорвал свой делегатский мандат, были проведены выборы нового Правления и нового президента, продолживших политическую линию Вейцмана, смещенного с президентского поста из-за всеобщего недовольства его умеренной политикой. Новым президентом стал Нахум Соколов. Новое Правление было коалиционным: к нему примкнули рабочие партии, объединившиеся тем временем в Мапай. Представителями рабочих партий в Правлении были избраны Хаим Арлозоров и Берл Локер.

Поездка на конгресс предоставила Берлу уникальную возможность наблюдать крах экономики и общественных устоев в государствах Центральной и Западной Европы и влияние этих революционных процессов на настроения, царящие на улице. Из Базеля Берл направился в Вену — на социалистический конгресс. После первых отрицательных впечатлений ("...этот конгресс не прибавляет веры в значение

социализма в наши дни”) Берл проникся радостью встречи с социалистами различных стран и особенно с социалистической Веной. Увидев экономический кризис и нужду, охватившую массы, Берл стал выше ставить социалистическое движение: ”Я понял, что социалистическое движение, несмотря на все свои ошибки и слабости, все-таки мощное движение и в пору переживаемой нами нужды оно, быть может, сохраняет человечество от полного краха”. Берла поразила народный праздник в память Маттеотти, павшего жертвой итальянского фашизма, устроенный социалистическим муниципалитетом Вены. Берл увидел в нем ”росток социалистической культуры”, ту особую культуру, которую он стремился отыскать в рабочем движении Эрец.

Пребывание в Вене и непосредственное знакомство с настроениями молодежи привели Берла к важным выводам. С чуткостью сейсмографа отметил он перемену, произошедшую в рабочих массах и особенно в молодежи. Сквозь завесу противоречивых идеологических систем увидел Берл нечто, свойственное им всем: ”Мы живем в такой период, когда каждое движение — коммунизм, фашизм, социализм, сионизм — пытается осуществить себя на деле. Нынче сердца молодежи не привлекают те теоретические, умозрительные аргументы, которые захватывали молодежь во времена нашей юности. Главные споры ведутся не в сфере идеалов”. Если молодежь тянется к левым, то причиной тому не коммунистическая идеология, а известия из Советского Союза об успешном выполнении пятилетнего плана и о том, что в России нет безработицы. Потребность людей в конкретных ответах на главные вопросы жизни распространяется и на сионистское движение. Польские евреи примкнули к тому течению, которое пообещает им немедленно ответить на вопросы жизни и смерти, стоящие перед ними, а идеология, исповедуемая этим течением, не имеет особой важности.

Поэтому, если рабочее движение не добьется возобновления алии в массовых масштабах, то "нам не помогут никакие фонды на ведение пропагандистской и воспитательной работы", — писал Берл. Молодежь отойдет "от сионистского движения и бесповоротно пойдет за ревизионистами". [Подчеркнуто в оригинале]. Ощущение необходимости немедленных действий неотступно преследовало Берла ("Чувство это гонится за мной по пятам каждый день, с ним я ложусь и с ним встаю"). Он без конца теребил своих товарищей в Эрец, заставляя их позаботиться о получении новых сертификатов (въездных виз), ибо если их не будет, "мы пропали".

Действительно, заслон перед распространением ревизионизма и господство над душами подрастающего поколения сионистов представляли собой две взаимообусловленные проблемы. В продолжение четырех последующих лет они будут занимать главное место в жизни Берла, а их решение приведет его к глубокому кризису в личном и партийном плане.

Причиной поездки Берла на конгресс и его длительного пребывания в Европе летом 1931 года (сперва в Вене, а затем в Лондоне) был выдвинутый им план широкой и разносторонней деятельности среди еврейской молодежи Европы. Берл предложил подготовить в Эрец сто инструкторов и послать их для проведения пропагандистской и воспитательной работы среди молодежи диаспоры. Фактически, Берл надеялся таким образом получить в свои руки орудие, с помощью которого можно будет сформировать мировоззрение юношей и девушек сначала в Эрец-Исраэль, а затем во всех странах еврейского рассеяния.

По своему темпераменту Берл не подходил для систематической работы. Не нужно особой наблюдательности, чтобы подметить характерную особенность Берла — он создавал ту или иную организацию, а затем "сбегал" от своих начинаний, едва они стано-

вились реальностью. Быть может, это было проявлением непостоянности натуры, возвратом к душевному беспокойству, обуревавшему Берла в годы Второй алии, гнавшему его с места на место, возможно, это была реакция на повседневную работу, в которой мало творчества и много наводящей скуку рутины, а может, и следствие разочарования от осознания того, как далеки рисовавшиеся ему мечты от его реальных достижений.

Берл бежал и от органов устоявшейся власти. Его увиливание от участия в работе Правления Всемирной сионистской организации, которое будет повторяться почти после каждого сионистского конгресса, вовсе не было притворным. В нем отражалось стремление Берла сохранить личную свободу, не сковывать себя определенным руководящим постом, который накладывает строгие обязанности и ограничения. Эту работу он предпочитал оставлять на долю других.

Не следует заключать отсюда, что Берл был лишен властолюбия, возможно, как раз наоборот. Так же как, избегая участия в Правлении, Берл отнюдь не отказывался от влияния на него, так и его бегство от руководящих органов не означало, что Берл стремился к безвестной скромности домашнего очага. Он не удовлетворялся каким-то определенным постом с ограниченными полномочиями, а потому предпочел отказаться от канцелярии и секретаря, но делать то, что ему заблагорассудится, живя в духе древнегреческих философов, считавших "школу", то есть время, свободное от всякой обязательной работы, непременным условием творчества. Берл не стремился к официальной власти, он был "ловец душ" и желал формировать коллективный облик нации, складывавшейся в Эрец-Исраэль, — никак не меньше.

Более всего заботился Берл о развитии трудового поселенчества. Он видел уникальность этой формы жизни не только в том, что там была достигнута

гораздо большая, чем среди городских рабочих, кооперация, но, главным образом, в том, что там создавался новый исключительный тип человека, ставящего общественные интересы выше индивидуальных, обладающего высокой рабочей нравственностью, готового к ежедневному самопожертвованию ради воплощения сионистских идеалов в действительность. Отдалившись от Киннерета, Берл остался верным духу этого дружеского кружка, идеям, выплавленным в горниле испытаний времен Первой мировой войны. Теперь Берл мечтал воспитать халуцианскую молодежь — готовящуюся к алие в Эрец, по образу и подобию людей киннеретской группы.

Берл придавал своему плану воспитания молодежи первостепенное значение. Ради выполнения этого плана остался он в Европе по окончании сионистского и социалистического конгрессов, когда ему, казалось, нечего было там делать. Он с нетерпением ждал ответа Хаима Вейцмана, обещавшего найти источники финансирования разработанного Берлом плана.

На этом фоне можно понять, почему так встревожился Берл, когда ему сообщили, что Арлозоров требует назначения Моше Чертока своим помощником по политическому отделу Еврейского агентства. Берл ведь надеялся, что сможет целиком посвятить себя молодежным делам, передоверив свои обязанности в "Давар" Моше Чертоку. Перевод Чертока в политический отдел Еврейского агентства означал, что Берлу придется вернуться к постоянной работе в "Давар", отложив осуществление намеченного плана.

В споре, разгоревшемся по этому вопросу в центральном комитете Мапай, Берл оказался в одиночестве. Хотя все по-прежнему ходили вокруг него на цыпочках и соглашались, что он прав, возражая против переезда Чертока в Иерусалим, да и сам Черток в чрезвычайно продуманной речи пытался как-то согласовать позиции Берла и Арло-

зорова, тем не менее все товарищи Берла, включая Бен-Гуриона, высказались за переход Чертока на политическую работу.

Провели голосование, и против перевода Чертока в отдел Арлозорова был подан один голос — голос Берла. Резолюция эта, рушившая его мечты, и отношение товарищей глубоко задели Берла. С тех пор засела в его душе устойчивая неприязнь к Чертоку. Берл, как всегда, не пожелал отделять принципиальной позиции товарищей от их личного отношения к нему и поспешил наказать их, объявив, что отныне он будет отвечать исключительно за выпуск "Давар" и не возьмет на себя никаких других партийных поручений.

Видимо, товарищи Берла понимали огорчение и разочарование, охватившее его, ибо месяц спустя после этих событий Шпринцак (ездивший вместе с Берлом на конгресс и ожидавший вместе с ним ответа Вейцмана) предложил, чтобы партия взяла на себя организацию семинара для молодежных инструкторов, сократив число его участников со ста до пятидесяти. Семинар этот состоялся, и хотя бы внешне желание Берла было выполнено.

Тем не менее, Берл становился в партии все более одиноким. В 1930 году начался период ожесточенной борьбы в поселениях по вопросу о еврейском труде. Отношения между работодателями и рабочими резко испортились, участились забастовки, сопровождавшиеся вспышками насилия.

С самых первых дней своей жизни Берл не принадлежал к проповедникам классовой борьбы и уж, разумеется, не принимал ее жестоких, грубых и одновременно упрощенных форм, когда взаимоотношения между работодателями и рабочими рисуются черно-белой краской. Взгляды Берла на трудовые отношения сформировались под воздействием различных источников: зарождающегося еврейского рабочего движения в России первого десятилетия

двадцатого века, его опыта физического труда в Эрец в период Второй алии, системы взаимоотношений, сложившихся у Берла с крупнейшими палестинскими предпринимателями — Рутенбергом, Шенкаром и другими; высоких социальных идеалов и инстинктивной солидарности со слабыми, наконец, под влиянием присущих Берлу ответственности за судьбу народа и ощущения границ реального, практически возможного.

Берл являлся свидетелем волны забастовок, охвативших еврейских рабочих России. Эти стачки укрепили классовое сознание еврейских рабочих, но нанесли серьезный ущерб слабой еврейской промышленности, что принесло вред самим забастовщикам: когда предприятия потерпели крах в результате забастовок, рабочие оказались на улице. В Эрец Берл столкнулся с другой системой трудовых отношений. На опыте киннеретской стачки Берл понял, что в Эрец, кроме рабочих и предпринимателей, имеется еще и третий существенный фактор. В Киннерете его олицетворял собою Артур Руппин.

Интересы сионизма, строительства Эрец-Исраэль побуждали представителей Всемирной сионистской организации удовлетворять справедливые требования рабочих. Поэтому ВСО являлась потенциальной, а подчас и действенной союзницей рабочих в их борьбе против предпринимателей за отстаивание человеческого достоинства. В Эрец общество не делилось на два лагеря по принципу "классового происхождения", оно реагировало на существо событий и его можно было убедить в правоте рабочих, если они были в самом деле правы.

Кроме того, отношения Берла с крупными предпринимателями, такими как Рутенберг, были далеки от стереотипных взаимоотношений между рабочими лидерами и капиталистами. Предприниматели, связавшие свою судьбу с еврейским трудом, были, как и Берл, проникнуты чувством ответственности за судьбу еврейского народа и внимательно прислушивались к

справедливым требованиям рабочих. Существовали, конечно, предприниматели старого закала, подлецы, старавшиеся всемерно эксплуатировать рабочих, и против них, считал Берл, надо идти в беспощадный бой. Таким был, например, владелец фабрики "Нур", нанимавший евреев и арабов. Он даже специально разместил свою фабрику вблизи Акко, чтобы иметь под боком "избыток" арабов, что позволило ему подвергать их чудовищной эксплуатации. Однако Берл отрицал обобщающую формулировку, гласившую, что каждый капиталист — кровопийца и ему надо объявлять войну.

С другой стороны, Берл не питал и романтических иллюзий в отношении рабочих. Склонность рабочих поспешно кидаться в борьбу, не взвесив обстоятельств дела, и особенно привычка местных рабочих лидеров чуть что объявлять забастовку, которую надлежало бы использовать как последнее, а не первое средство профсоюзной борьбы, казались Берлу проявлением безрассудства и безответственности.

Берл мог целиком и полностью поддержать гневную вспышку недовольства голодных рабочих против тель-авивского муниципалитета или в защиту требования еврейского труда. Страдания голодных оправдывали, по мнению Берла, спонтанный взрыв насилия. Однако Берл видел принципиальное различие между "единичной" вспышкой, вызванной тяжелым положением, и линией, которую должно проводить рабочее движение, линией на коллективное соглашение.

В тридцатые годы (а тем более в предшествующие годы) идея о всеобъемлющем соглашении между предпринимателями и Гистадрутом воспринималась как сомнительное новшество. Она не только казалась неприемлемой предпринимателям, желавшим сохранить независимость и боявшимся любых ограничений своей свободы; рабочие и их местные руководители также опасались ее.

Берл считал, что коллективные договоры оказывают исключительно большое влияние на воспитание

чувства национальной ответственности как у рабочих, так и у предпринимателей. Он всегда действовал в интересах достижения национального согласия, идя вразрез с коммунистическим учением о классовой борьбе, всячески нагнетающим романтику классовых противоречий, подчеркивающим исключительную силу пролетариата. Берл утверждал, что строительство национального очага требует сотрудничества между различными классами. Он стремился привить своей части общества, рабочим, разумное отношение к трудовым проблемам.

Рабочие Эрец приехали из Восточной Европы, привезя с собой радикальные концепции, источником которых являлась революционная идеология, юношескую бескомпромиссность и опыт рабочего движения тех стран, откуда они прибыли. Их радикализм проявлялся в радостной готовности к бою, в подозрительности к каждому капиталисту, они желали лучше силой навязать предпринимателям свою волю, нежели пойти с ними на компромисс, неизбежно связанный с любым соглашением. Они провозглашали способы профсоюзной борьбы, отвечавшие условиям действительности европейских профсоюзов, но, по мнению Берла, непригодные в условиях Эрец, где арабские рабочие составляют мощную конкуренцию неопытным еврейским рабочим, нуждающимся в профессиональной подготовке.

Если руководство Гистадрута, состоявшее из "стариков" Второй алии, проявляло умеренность и стремилось к соглашению с предпринимателями, деятели Третьей, а особенно Четвертой и Пятой алии рвались в бой. Поэтому Берл предлагал заключать с предпринимателями коллективные договоры на общем для всей страны уровне, что способствовало ослаблению влияния лидеров среднего и низшего звена на систему трудовых отношений. Однако этот результат имел лишь второстепенное значение. Главная цель Берла состояла в том, чтобы воспитать рабочие массы в духе конструктивизма, присущего Второй

алие.

Мапай отвергла эту концепцию Берла. Хотя теоретически все приняли его положение о тождестве классовых и национальных интересов, но на деле большинство отрицало основополагающую концепцию Берла о том, что в Эрец существует сионистское общество, "нейтральное" с классовой точки зрения, которое поневоле должно встать на позицию рабочих. Большинство членов Мапай предпочитало полагаться на имеющиеся в руках рабочих рычаги принуждения, а не на силу убеждения.

Таким образом, хотя система коллективных договоров считалась общепринятой профсоюзной политикой партии Мапай, но на практике коллективные договоры не соблюдались. Когда же Берл предложил вынести вопрос о трудовых соглашениях и нейтральной инстанции на рассмотрение всеобщего собрания в качестве программы, провозглашенной Мапай, полемика на партийном совете достигла такой остроты, что, в конце концов, Берл вынужден был снять свое предложение, дабы на открытых дебатах не выявились внутренние разногласия в партийных рядах.

Этот случай, когда предложение Берла по такому важному вопросу, как трудовые отношения, было отвергнуто подавляющим большинством его товарищей, предвещал падение влияния Берла в партии. Он отражал произошедший в рабочем движении Эрец сдвиг центра тяжести от его халуцианских основ в сторону рабочих советов и их руководства, представляющих трудящиеся массы. Эти новые руководители, например Мордехай Немировский, Зяма Аронович, Ахарон (Роня) Рабинович, Абба Хуши, Меир Грабовский, не говорили с Берлом на одном языке.

Оправдывать рабочих только оттого, что они — рабочие, Берл не привык. Так, он пришел на митинг протеста рабочих обувной промышленности против деятельности крупной компании "Батя", занимав-

шейся импортом обуви, с парой разодранных ботинок, сделанных в Эрец, и, вместо того, чтобы поддержать гневный пафос собравшихся, прочел им мораль о скверном качестве выпускаемой ими продукции. Не случайно сердились на Берла рабочие Нахараим из-за трудового соглашения, подписанного им с Рутенбергом. Не случайно владелец фабрики "Лодзия" Шенкер согласился доверить Берлу арбитраж между ним и рабочими.

Невозможно представить, что Берл потерпел бы поражение во внутрипартийной борьбе по вопросу о коллективных договорах, если бы не расхождения между ним и его старыми товарищами — Табенкиным и Бен-Гурионом. Табенкин не принял концепции, ставящей во главу угла соглашение и национальную ответственность. Он считал главным независимость и сплоченность рабочего класса. А Бен-Гурион, теоретически принимая концепцию Берла, внутренне склонялся к более воинственной позиции и говорил "на двух языках" — на одном в присутствии Берла, на другом — в его отсутствие.

Берла стало преследовать ощущение, что в партии происходит внутренний распад, что на первый план выдвигаются местные силы — в исполнительном комитете Гистадрута, в Сельскохозяйственном центре, в "Давар", в Киббуц ха-меухад, в городах и поселениях — и что вследствие местнических интересов игнорируются коренные проблемы воплощения сионизма. Берл заявлял, что в партии есть лидеры, но нет руководства, имея в виду коллективное обсуждение всех важных вопросов и коллективное принятие решений, существовавшее в партии со времен Ахдут ха-авода.

Отсутствие коллективных договоров особенно остро дало себя знать в двух больших вопросах трудовых отношений в еврейском хозяйстве страны между 1930 и 1935 годами: вопросе о бирже труда и вопросе взаимоотношений с находящимися вне

Гистадрута рабочими организациями, в первую очередь, с бетаровскими.

* * *

Трудно вообразить себе более чуждое характеру Берла политическое движение, чем движение ревизионистское, и более чуждого ему вождя, чем вождь ревизионистов Владимир Жаботинский. Первая встреча Берла с Жаботинским произошла в опьяняющие времена Еврейского легиона. Жаботинский, создатель легиона и его неутомимый деятель, должен был, казалось, вызвать симпатию Берла, высоко ценившего активность в своих соплеменниках. Но почему-то с первой минуты между ними возникла какая-то отчужденность. Призыв Жаботинского к слепой дисциплине, его приверженность к мундиру, ко всему военному не находили отклика в душе Берла, хотя он и подпал под обаяние личности Жаботинского*.

*В письме к Рахел Кацнельсон, написанном в период службы Берла в Еврейском батальоне, читаем: "Как жаль, что вы не были вчера со мной на лекции Жаботинского о произношении, которую он прочел для небольшого кружка. Он привлекает меня не своими воззрениями, не своим талантом, а тем, что он — это он. Даже вопрос о произношении у него "политический", внешнее явление. Но красота и возвышенность этого внешнего явления — это его суть. ...Он прелесть. Что за живость, что за острота восприятия, что за чуткость к тому, на что другие — мы все — глядим сонными глазами... Он требует красоты и точности в ивритском произношении. И как он этого требует, какое значение придает этому, какая в нем готовность сражаться за это!

Я сказал Жаботинскому, что вместо учительского совещания я ему лучше устрою на эту тему собрание в рабочем объединении, и там он, пожалуй, будет иметь большой успех".

(Берл Кацнельсон — Рахел Кацнельсон, Иерусалимская овощеводческая группа — архивы: 58 701/1).

Между этими двумя людьми существовали кардинальные различия. Один — воспитанный на коренной еврейской традиции, выросший на иврите и идиш. Другой — мальчик из ассимилированной семьи, воспитанный на русской культуре, который лишь в зрелом возрасте потянулся к братьям по крови, к их языку и культуре. Иврит Берла был перенасыщен ассоциациями и идиомами из всех периодов еврейской литературы: Библия, затем Талмуд с комментариями к нему и, наконец, современные писатели. А иврит Жаботинского был ясен, блестящ, точен — и ограничен по своим источникам.

Обоих природа одарила литературным талантом, особенно Жаботинского. Знание русской литературы и любовь к литературе вообще должны были бы стать мостом между ними, но и тут вкусы их разнились. Берл обожал русскую классическую литературу, в особенности Толстого и Достоевского, Жаботинский же интересовался итальянской и английской литературой, которой Берл совсем не знал. Не случайно из всей литературы двадцатого века Берла привлекал именно Кафка*, а Жаботинского душевная глубина не прельщала. Он ценил красоту стиха, совершенство архитектоники литературного произведения.

Бросается в глаза и различие Берла и Жаботинского. Жаботинский был настоящим оратором-художником. Речи его были всегда продуманы, каждое слово взвешено и выверено. Любое выступление Жаботинского являло собой совершенство стиля, строения, логического развития мысли, даже театральности. Выходя на сцену, Жаботинский скрупулезно следил за верностью интонаций, за драматизмом и

* В январе 1931 (или 1932 года) Берл писал Дову Садану о Кафке: "Он для меня единственный. После величайшего русского писателя (Достоевского. — *Прим. пер.*) никто из европейских художников и мыслителей не захватывал меня так, как он".

неожиданностью изложения, за жестикуляцией, как актер на сцене. Берл же вовсе не обращал внимания на структуру своих выступлений, даже не записывал их заранее. Речи Берла тоже отличались продуманностью, он вкладывал в их подготовку огромный труд, только он продумывал содержание, а не форму.

Он не столько произносил речь, сколько беседовал со слушателями, объяснял им свою точку зрения, убеждал их. В отношении ораторского искусства Берл намного уступал Жаботинскому — он даже не старался говорить медленно и внятно. Не случайно Жаботинский производил впечатление на любую аудиторию, а Берлу, чтобы показать себя во всей красе, нужен был свой слушатель.

Жаботинский воспитывался на идеях европейского либерализма, впитанных им во время учебы в Италии. В юношеские годы Жаботинский увлекался революционными идеями, но вскоре забросил мир русской революционной мысли со всеми ее изгибами и тупиками. Еврейская традиция и ее символика тоже были далеки от него, ничего не говорили его сердцу.

А Берл был учеником русских бунтовщиков с одной стороны и Бердичевского — с другой. В его мировоззрении рационализм Бердичевского смешивался с верой в то, что за пределами разума, он был глубоко связан с традиционной национальной символикой, уходящей истоками в иудаизм. Поэтому, если Жаботинский тяготел к внешнему блеску, к эстетическому, к красоте формы, то Берл как верный сын еврейской традиции пренебрегал внешним великолепием, видя в нем лишь оболочку, а не суть. Со временем, когда Жаботинский поселился в Париже, он заразился духом русской антиреволюционной эмиграции. А Берл, хоть и не был поклонником большевиков, не питал никакой любви к русским белогвардейцам, среди которых было множество антисемитов и погромщиков.

Но кроме внешних различий, между Жаботинским и Берлом существовали и принципиальные расхождения в подходе к сионизму. Жаботинский вырос в вольной атмосфере Одессы, относительно молодого портового города, где отсутствовали обычные ограничения, налагающиеся на евреев в старых губерниях России. В нем было что-то от гоя и уж, во всяком случае, он не знал страха, мешавшего евреям черты оседлости вести деловые переговоры с гоями. Жаботинский с доверием относился к иноверцам, в особенности к англичанам. Возможно, на него оказали известное влияние контакты с английскими офицерами во время Первой мировой войны. Должно быть, произвели на него впечатление и демократические институты Великобритании, британский либерализм. Жаботинский верил, что раз Англия взяла на себя перед Лигой Наций обязательство создать национальный очаг для еврейского народа в Палестине и получила на этих условиях мандат на нее, — значит, Англия сдержит слово.

Если же англичане станут упираться и отказываться от данных ими обязательств, то следует мобилизовать английское общественное мнение и с его помощью заставить правительство выполнить их. Жаботинский не верил в то, что можно создать национальный очаг без активной помощи Англии, а потому не придавал особого значения кропотливой повседневной работе в Эрец, ставя во главу угла политическую деятельность. В политической же деятельности сионистских организаций он считал главным демонстрации, разного рода символические акты и жесты, ибо они помогают завоевывать общественное мнение.

Напротив, Берл, как уже говорилось, впитал в себя исконную подозрительность евреев черты оседлости к любому гою. Недоверие к чужакам заставило его с самого начала поставить под сомнение готовность англичан помогать евреям в строительстве национального очага. Сионизм Берла, вытекавший из стремления к личному, а затем национальному самоосвобождению,

покоился не на доброй воле иностранного правителя, а прежде всего на незаметных повседневных делах, которые, сливаясь воедино, образуют фундамент строительства страны и народа.

Если Жаботинский обуславливал еврейскую поселенческую деятельность достижением соответствующих политических гарантий, то Берл требовал заселить Эрец-Исраэль силами сионистского движения. Практические дела были для Берла неизмеримо значительнее, чем любые политические акты, и уж, конечно, важнее демонстраций, драматических жестов и обращений к мировому общественному мнению, в справедливости отношения которого к евреям Берл неизменно сомневался. Путь Жаботинского представлялся Берлу неправильным и с точки зрения его практической полезности, так как он считал его бесплодным, и с воспитательной точки зрения, ибо он приучал к бездействию и надежде на чужую силу.

Ведь суть сионизма состоит именно в том, что евреи наконец берут свою судьбу в свои руки. Поэтому путь Жаботинского, предлагавшего положиться на мандатные власти, казался Берлу возвратом к старым нормам поведения еврея, существовавшим до появления лозунга автоэмансипации.

И еще: существо сионизма по Жаботинскому — это еврейское самоуправление в рамках самостоятельного государства (ибо он говорил об Эрец-Исраэль как о "седьмом доминионе"). Для Берла существо сионизма состояло прежде всего в строительстве новой еврейской нации. И первой стадией этой огромной созидательной работы являлся, по мнению Берла, переход еврейских масс к трудовой жизни в Эрец-Исраэль.

Отсюда делал Берл заключение о важной роли рабочих в строительстве нации и о том, что сионистское движение должно либо стать социалистическим, либо прекратить свое существование. Поэтому, добиваясь социальной справедливости и человеческих условий жизни для рабочих, Берл боролся за

осуществление сионистской идеи. Жаботинский же требовал отсрочить борьбу за социальную справедливость до образования государства, а в переходный период, вплоть до его создания, подчинить классовые интересы интересам национальным.

Все эти противоречия начали, выявляться уже в двадцатых годах. Впервые они проявились в 1920 году, в споре об обороне Тель-Хая. Жаботинский предлагал доверить защиту поселенцев Тель-Хая французам, которые управляли Сирией, или отступить, ибо третьего не дано. А Берл и его товарищи призывали ускорить переброску подкреплений защитникам Тель-Хая, так как придавали особую важность развитию еврейского поселенчества во всех уголках Эрец-Исраэль и считали, что евреи не имеют права отказываться от какого бы то ни было участия, если они заложили новое поселение.

Этот спор отражает в миниатюре все различия между двумя лагерями — их отношение к иностранным властям, к поселенчеству и даже к вопросу об обороноспособности евреев. Ведь пока Жаботинский ратовал за создание Еврейского легиона в рамках английской армии, руководители рабочего движения организовали Хагану — подпольную, слабую, но самостоятельную.

Спор продолжался вокруг вопроса о Еврейском агентстве. Если Жаботинский видел в учреждении Еврейского агентства нарушение демократических принципов сионистского движения, то Берл и его товарищи отступились от принципа ради возможности ускорения строительства Эрец-Исраэль с помощью денежных средств, которые предоставят несионистские члены Еврейского агентства.

Следующей стадией спора между двумя лагерями была история демонстрации у Котеля. В день Девятого Ава бетарцы организовали демонстрацию у Котеля, которая потом послужила англичанам и арабам предлогом, чтобы свалить на евреев вину за беспорядки (1929 года). Демонстрация должна была

показать, что Стена Плача принадлежит евреям. Она была проведена вразрез с мнением широких слоев ишува, считавших, что она лишь попусту раздражит арабов.

На Семнадцатом сионистском конгрессе Жаботинский, как уже указывалось, потребовал провозгласить "конечную цель" сионистского движения, и это в тот момент, когда только что закончилась дипломатическая война за "Послание Макдоналда", а борьба вокруг его толкования и практических выводов из него была еще в разгаре. Выступая по поводу речи Жаботинского, Берл рассказал притчу о человеке, который идет по лесу, где полно медведей, и кричит во все горло, привлекая к себе хищников. С уходом Вейцмана "в отставку" рабочее движение загрозило Жаботинскому путь в Правление Всемирной сионистской организации.

Параллельно с ростом враждебности между Жаботинским и рабочим движением в Эрец стал расти новый побег ревизионизма. Его отцами были три человека: Ури Цви Гринберг, Абба Ахимеир и Иехошуа Хешел Евин. Все они прежде активно участвовали в рабочем движении.

Ревизионизм в Эрец-Исраэль, сплотившийся вокруг Ури Цви Гринберга, Ахимеира и Евина, был близок тем течениям мирового рабочего движения, которые от синдикализма и анархизма перешли к ницшеанским элитарным воззрениям, к культуре вождя, обожествлению героизма, презрению к демократии и к принятию буржуазной морали, к пренебрежительному отказу от законных способов борьбы. Главным содержанием деятельности ревизионистов являлось раздувание в ишuve враждебности к рабочему движению и всяческие поклепы на него.

Если Жаботинский подчеркивал отличия своих политических концепций от линии рабочего движения, местные ревизионисты выдвигали на первый план различия в области социальной и экономической, свое отрицание классовой борьбы, ненависть к

организованной силе Гистадрута. Способам политической работы они учились, как ни странно, у своих заклятых врагов — русских большевиков. Они стремились соединить крайний национализм с выводами из практики Ленина. Тогда как Жаботинский оставался верен либерализму и рационализму, ревизионисты, считавшие себя его учениками и провозглашавшие Жаботинского своим вождем, ударились в крайний радикализм массового толка, стали применять методы итальянского фашизма.

Одной из самых дерзких их выхонок была книга "Иерусалим ждет", написанная И. Х. Евиным и вышедшая в свет в 1933 году, после того, как она публиковалась в виде романа с продолжениями в газете "Хазит ха-ам" ("Народный фронт"). Стиль "Хазит ха-ам" отличался исключительной агрессивностью. Лидеры рабочего движения фигурировали в этой газете только под презрительными кличками. Арлозоров именовался в ней "красным наследником" и "необрезанным раввином" (такой кличкой прозвали недруги деда Арлозорова, когда тот стал раввином Харькова, а Ури Цви Гринберг узнал об этом, видимо, от Давида Заккаи и Берла в бытность свою одним из сотрудников "Давар"). Бен-Гуриона "Хазит ха-ам" окрестил кличкой "Сталин" и т. д. и т. п.

Наконец дело дошло до опубликования книги "Иерусалим ждет". Это была злая карикатура на руководителей рабочего движения и, в первую очередь, на Берла. Берл, или "Берша", играл в этой сатире роль злодея и мерзавца. Имя его антагониста и главного героя было Ури Цви Гринберг. Редакция "Давар" рисовалась в виде партии, члены которой, хотя и носили вымышленные имена, но были вполне узнаваемы, благодаря прозрачным описаниям. Читая о приключениях персонажей, каждый мог вволю насладиться сплетнями по политическим и личным поводам.

В продолжение 1931—1933 годов, когда "Хазит ха-ам" непрерывно атаквала Берла, редакция "Да-

вар” проводила по отношению к этим нападкам политику полного игнорирования. Берл и Бейлинсон быстро отождествили поступки членов Союза имени Трумпельдора с действиями итальянских фашистов. Когда группа бетарской молодежи напала на участников коммунистической демонстрации и силой разогнала ее, Бейлинсон написал: ”Точно так же начинались подвиги фашистов в Италии”, прибавив, что в конце концов эти фокусы приводят к попытке захватить власть.

В 1928 году Жаботинский, находившийся тогда в Палестине, выступил с речью ”Строительство общества и исправление общества”, где, по-своему интерпретируя понятие ”монизма”, потребовал, чтобы в переходный период строительства Эрец-Исраэль справедливость и мораль были подчинены достижению одной, национальной цели. По следам его выступлений ”Давар” напечатала серию критических статей, самая резкая из которых была написана Шломо Левковичем и называлась ”Эрец-Исраэль или Гергашия”. Образование двух враждующих лагерей стало явным и открытым.

Однако борьба против идей Жаботинского, нападок Ахимеира и его друзей — сама по себе, а попытки понять характер бетарской молодежи — сами по себе. Осенью 1930 года Берл посетил Литву и Латвию. В Риге по его инициативе состоялась встреча с бетарцами. Они пригласили Берла осмотреть их лагерь и проговорили с ним всю ночь напролет. Впечатления Берла были таковы: ”Великолепная молодежь, несмотря на все ее путаные воззрения. Отношение ко мне, противнику, было чрезвычайно культурное. Дай Бог, чтобы наша молодежь умела так принимать своих политических противников”.

Кажется, посещение Берлом рижских бетарцев и прекрасный прием, оказанный ему, были одним из последних проявлений вежливости в отношениях между рабочим движением и ревизионистами.

В октябре 1932 года в ишуве началась миниатюрная

гражданская война, продолжавшаяся около двух лет. На фабрике Фрумина в Иерусалиме вспыхнула забастовка, вызванная требованием иерусалимского рабочего совета, чтобы владелец фабрики признал полномочия местной рабочей организации и уволил одну работницу, не являющуюся членом Гистадрута. Фрумин отказался уволить ее и предложил передать дело на арбитраж, но рабочие отклонили его предложение. Тогда Фрумин обратился к бетарцам и пригласил их работать вместо бастующих рабочих.

Бетарцы утверждали, и достаточно справедливо, что требование о том, чтобы на фабрике трудились только рабочие, входящие в Гистадрут, имеет целью закрыть ворота фабрики перед ними, ибо Гистадрут не признал их права создать отдельную профсоюзную организацию. Им оставалось либо отказаться от своего мировоззрения — ревизионизма — и вступить в Гистадрут, либо пытаться получить работу через предпринимателей. Некоторые пошли по первому пути, а другие, более воинственные, — по второму. Когда Фрумин обратился к бетарцам с просьбой сорвать забастовку, они согласились, утверждая, что забастовка носит политический, а не экономический характер.

Во время забастовки на фабрике Фрумина Жаботинский опубликовал несколько статей в поддержку нарушителей забастовки, в том числе известную статью "Да, сломить", где узаконивалась практика срыва забастовок, ибо таким образом подрывалась монополия Гистадрута на рынке труда. Подстрекательские статьи в "Хазит ха-ам", двусмысленная позиция объединения промышленников и резкие ответные статьи в "Давар" — все это превратило "Фруминскую стачку" и ее срыв в предмет обсуждения в каждом еврейском доме Эрец. Вскоре спор перекинулся в диаспору, где тоже поднялась волна взаимных обвинений. В конце концов забастовка закончилась поражением Гистадрута, который вынужден был смириться с тем, что бетарцы продолжали

работать на фабрике.

Зимой 1933 года началась забастовка строительных рабочих Петах-Тиквы. Она проходила в рамках профсоюзной борьбы за организацию и улучшение условий труда. Строительные подрядчики обратились за помощью к бетарцам, призывая их съехаться со всей страны и сорвать забастовку, причем прибегали они к тем же аргументам, что и в случае "Фруминской стачки". Страсти разгорелись, начались потасовки и дело даже дошло до кровопролития.

"Давар" заняла однозначную позицию в отношении срыва забастовки. Бетарцы изображались как сторона нападающая, а члены Гистадрута — как обороняющаяся. В отчетах "Давар" намеренно отбирались "нужные" факты и затушевывалась истинная картина событий. В марте 1933 года Берл находился в отпуске, и Бейлинсон писал ему: "Ты видел, в какую трясиину вогнала нас история в Петах-Тикве? Или лучше, почувствовал ли ты это? Потому что целый ряд фактов мы не публикуем". Бейлинсон предлагает устроить разбирательство в Исполнительном комитете, где были бы рассмотрены случаи применения насилия и характер проведения забастовок, и прибавляет: "Коммунисты сделали бы из этой забастовки "показательный процесс" и сместили бы ее организаторов. И были бы правы".

27 и 28 марта 1933 года на затянувшемся заседании Исполнительного комитета Гистадрута состоялись длительные дискуссии по вопросу о забастовке в Петах-Тикве и ее уроках. Открыл заседание Бен-Гурион, предложивший лишить бетарцев работы на всех предприятиях Палестины, если они не обязуются прекратить штрейкбрехерство. Бен-Гурион готов был бросить все силы Гистадрута в решительный бой против бетарцев и поддерживающих их предпринимателей, даже если это будет связано с угрозой самому существованию ишува.

Против Бен-Гуриона выступил Берл. Он провел грань между партиями типа ревизионистов, которые

заинтересованы в "потрясениях", и партиями, предотвращающими "потрясения", например Мапай. Известия о том, что евреи вступают в рукопашные схватки с евреями, подрывают веру народа в ишув и его будущее, приводят к замедлению алии, к сокращению пожертвований в национальные фонды и, разумеется, наносят ущерб экономике ишува и поселенчеству. Движение, поставившее своей целью строительство страны и народа, не может позволить себе романтическую борьбу вроде той, которой увлекалось рабочее движение в России или в Польше.

Против Бен-Гурионовского призыва к войне Берл снова выдвинул свое старое предложение взять быка за рога и перехватить лозунги бетарцев: Гистадрут должен провозгласить лозунг "национальных полномочий" в трудовых спорах, призвать все стороны к соглашению, учредить нейтральную позицию по решению трудовых конфликтов, наконец, сесть с бетарцами за стол переговоров и договориться о создании федеративной организации. Особенность нашего рабочего движения состоит в том, что оно сумело абсорбировать самые разнообразные рабочие течения, пришедшие в Эрец с разными волнами алии. Оно умеет на определенном этапе идти на уступки ради того, чтобы на более позднем этапе достичь единства своих рядов, говорил Берл.

Слушатели были потрясены предложенным Берлом решением вопроса. Немногие: Ремез, Бейлинсон, Шпринцак, до некоторой степени Арлозоров — встали на его сторону. В лагере противников Берла оказались Бен-Гурион, Табенкин, Зяма Аронович, Иосеф Ванкувер, Берл Репетор и, видимо, многие другие, не участвовавшие в прениях. Табенкин резко выступил против лозунга "национальных полномочий" и нейтральной инстанции по арбитражу, потребовав энергичных действий против штрейкбрехеров, ибо в противном случае эта зараза станет распространяться, как лесной пожар. Он не согласился с утверждением Берла, что речь идет о "наших ближайших родичах",

и наотрез отказался считать бетарцев идеалистами.

С другой стороны, Табенкин возражал также против поспешной тактики Бен-Гуриона и призвал готовиться к длительной борьбе.

Зяма Аронович обрушился лично на Берла, обвинив его в проповеди капитуляции. Даже старый друг Берла Элияху Голомб считал его предложения иллюзорными, ибо у Берла нет сил обуздать такое движение, как бетарское. К этой точке зрения присоединились, по существу, все более молодые лидеры рабочего движения, главы рабочих советов и поселений, которые вели повседневную войну с бетарцами. Они на своей шкуре испытывали трудности профсоюзной борьбы и больше всего боялись, как бы не были наложены ограничения на проведение забастовок или запрещены проявления насилия, которые обычно сопровождали любую стачку и служили первейшим средством против штрейкбрехеров.

Пожалуй, Бейлинсон был прав, заявляя, что осложнения в Петах-Тикве возникли из-за страха, вызванного победой Гитлера в Германии и разгроме немецкого социалистического движения. Сравнение бетарцев с фашистами, которое первыми позволили себе именно Берл и Бейлинсон и которое часто повторялось бетарцами, особенно Ахимеиром и его товарищами, стремившимися подчеркнуть остроту противоречий между двумя лагерями, приобретало теперь, после срыва забастовок и победы фашизма в Германии, удвоенную силу.

Прения продолжались непрерывно в течение двух дней. В первый день, как уже говорилось, Берлу пришлось выдержать тяжелую атаку. На следующий день заседание возобновилось в том же духе. Бен-Гурион снова подчеркнул свою прежнюю позицию, отвергая идеи Берла, ведущие к развалу Гистадрута. И тут Берл взял слово. Сперва он начал играть на самой чувствительной струне — отношении товарищей к нему лично. "На этот раз между мной и товарищами, с которыми я привык работать в

течение долгих лет, нет полной гармонии. Один товарищ, выслушав мое вчерашнее выступление, предсказал мне, что если я буду и дальше продолжать в том же духе, то я потеряю свою репутацию среди рабочих”.

Однако Берл не может отказаться от своих взглядов. Более того: он принимает вызов. Я согласен с тем, говорит Берл, что срыв забастовки — это аморальный, насильственный поступок, на который позволительно отвечать насилем. Но, если какое-то действие даже и позволительно, следует взвесить, полезно ли оно. Нет никакого смысла призывать к гражданской войне, если ее можно отсрочить, даже если вы убеждены, что она неизбежна. Иногда отсрочка помогает избежать несчастья. Наше движение сошло с верной дороги в вопросе профсоюзной борьбы и даже не ощущает этого. Встав на путь насилия, мы включаемся в процесс неминуемой моральной коррупции. Еврейское рабочее движение Соединенных Штатов дошло до того, что стало нанимать гангстеров для убийства штрейкбрехеров.

Вместо культа насилия Берл предложил обратить внимание на усиление организованности и увеличение привлекательности конструктивных сторон движения. Наше движение должно найти способ договориться с рабочими-ревизионистами, так же, как оно пришло в свое время к договоренности с Ха-шомер ха-цаир, с ”крымчаками”, с основателями Гдуд ха-авода и Поалей мизрахи.

Выступление Берла прозвучало последним и было, видимо, принято в качестве заключительного слова. Исполнительному комитету Гистадрута предлагалось усилить контроль за деятельностью местных рабочих советов и приложить усилия к поиску путей договоренности с рабочими-ревизионистами.

Не прошло и месяца после бурных дебатов в Исполнительном комитете Гистадрута, когда грянули события ”Седьмого дня праздника Песах”. Во время праздника Песах в Тель-Авиве состоялся слет бетар-

цев. Конец слета, приуроченный к седьмому дню пасхальной недели, предполагалось ознаменовать шествием по улицам Тель-Авива. Берл не находился в Тель-Авиве в первую часть праздничной недели. Он вернулся накануне седьмого дня праздника, и ему тут же сообщили, что активисты тель-авивского рабочего совета во главе с Зямой Ароновичем и Довом Хозом готовятся помешать шествию бетарцев. Попытка Берла предотвратить инцидент не удалась.

Шествие состоялось 17 апреля 1933 года. Среди людского моря — рабочих, киббуцников, членов социалистического и молодежного движения — затопившего обе стороны улицы, строем проходили небольшие колонны одетых в форму бетарцев. Сперва зрители демонстрировали свой протест, ограничиваясь презрительными криками и плевками, пока кто-то не додумался сорвать шапку с головы одного из бетарцев. Тут же закипела долгожданная драка. Было ранено много подростков и детей — членов младшей секции Бетара, замыкавшей шествие.

Что происходило с Берлом в три последующие дня, нам неизвестно. 18 апреля 1933 года — на следующий день после шествия, газета Берла "Давар" вышла под заголовком: "Долой поганые гитлеровские мундиры (коричневые рубашки бетарцев) — потребовал вчера Тель-Авив". Этот заголовок, плод творческих усилий Залмана Рубашова, свидетельствует, что Берл затворился дома и не переступал порога редакции "Давар".

Через три дня он послал в Центральный комитет Мапай письмо, где извещал о своем выходе из ЦК и всех рабочих организаций, где состоял по поручению партии. "Я душевно неспособен отныне считать себя представителем нашего движения, — писал Берл. — В том, в чем другие видят выход массовых чувств, заслон врагу, укрепление и сплочение рабочего класса, я вижу псевдоклассовую политику, подрывающую силу класса изнутри, отдающую пролетариат на волю самых темных его элементов, рушащую

самые основы жизни общества, без которых невозможно национальное и социалистическое строительство. Я не верю в то, что изгнания дьявола можно добиться, подражая его приемам”.

Вопрос, поставленный Берлом, гласил: что происходит с людьми и с политическим движением, когда они обращаются к насилию? Картина, нарисованная Берлом, была мрачной и отталкивающей: “Наши чудные дети, которых тысячами отправляют на улицу, чтобы они, дождавшись дурацкой демонстрации других детей, стали ее освистывать, оплевывать, с перекошенными ненавистью лицами врываться в ее ряды, размахивать кулаками и срывать шапки — разве эти дети сумеют построить социалистическую экономику, создать новое общество, разве сумеют они разделить горе обиженного или в нужный час проявить истинную силу?”

За немногими исключениями (такими, как Иосеф Аронович, Моше Бейлинсон и Моше Черток, открыто осудившими происшедшее), товарищи Берла в той или иной степени оправдывали вспышку насилия среди рабочих — кто необходимостью дать выход гневу, накопившемуся против штрейкбрехеров-бетарцев, кто страхом оставить улицу на произвол все тех же наглых бетарцев, кто опасением перед тем, чтобы общественность, привлеченная демонстрацией мнимой мощи противника, не потянулась бы за ним.

Иное дело Берл. В сердце его были живы исторические воспоминания российского революционного движения. Как мы помним, уже в начале двадцатых годов Берл пришел к выводу, что водоразделом в революционном движении был момент, когда оно, отчаявшись в созидательной деятельности, обратилось к террору. По мнению Берла, террор — это бесплодный путь, на который становятся нетерпеливые, жаждущие подхлестнуть события. Можно увидеть общее между бескомпромиссным отношением Берла к варварской жестокости большевист-

ской революции и его позицией в вопросе о применении насилия против ревизионистов.

Берл не признавал такой цели, которая оправдывала бы преступные средства. Он считал насилие болезнью целого поколения, коренящейся и в левых, и в правых радикальных течениях и получившей столь широкое распространение, что люди уже не могут отличить добра от зла. "С некоторого времени меня занимают мысли о зле, которое не является специфической особенностью какой-то одной греховной секты или течения", — писал Берл вскоре после описанных событий. Он рассматривал происшедшее как проявление разнузданности, неуправляемости рабочего движения и делал вывод: "Если я был не в силах спасти наше движение от такого несчастья, значит, руки моей не будет у его руля".

Исполнительный комитет Мапай собрался для обсуждения заявления Берла в тот же день. Слухи о письме Берла и его уходе точно на крыльях разлетелись по Тель-Авиву. Рабочие пришли в смятение. Да и Центральный комитет был в растерянности. Бен-Гурион находился в тот момент в Польше, и при открытии заседания казалось, что на этот раз слово останется за противниками насилия — Шпринцаком, Ароновичем, Бейлинсоном и другими и что под влиянием заявлений Берла об уходе заседание приобретет характер демонстрации протеста против сил, ответственных за проявление насилия.

Однако вскоре развернулись дебаты вокруг двух вопросов: стратегии борьбы против ревизионистов и об отношении к Берлу. По первой проблеме подавляющее большинство присутствующих не согласилось с однозначной критикой поведения сторонников Мапай во время демонстрации ревизионистов. Даже те члены Центрального комитета, которые критиковали вспышку рабочей толпы и не считали ее разумной, все же находили, что она ослабила напряжение, накопившееся в сердцах рабочих, позволила им выплеснуть затаенную злобу, долго не

находившую законного выхода.

Все выступившие по второму вопросу высказались за то, что Берл не имеет права отходить от общественной деятельности и что он должен вернуться к исполнению своих обязанностей в руководящих органах партии. Товарищи обвиняли Берла в уклонении от ответственности. Именно в тот момент, когда рабочие пребывают в растерянности и нуждаются в руководстве, Берл не имеет права своевольно уходить с поста — утверждал Элияху Голомб.

Пожалуй, именно тот факт, что Берл отсутствовал на дебатах, дал возможность членам Центрального комитета Мапай с большей легкостью выразить свое мнение о нем. Хотя возвращение Берла к руководству движением было важно и само по себе, и с точки зрения реакции, которую его уход вызвал бы во враждебном стане, все же после первого удара, нанесенного письмом Берла, в ЦК Мапай снова возобладали силы, считавшие беспощадную борьбу против ревизионистов вообще и бетарцев в особенности тем лозунгом, вокруг которого следует сплотить рабочих, усилить их преданность движению.

Центральной темой в повседневных отношениях между бетарцами и членами Гистадрута оставалась профсоюзная борьба. Товарищи Берла по партии отвергали выраженное им стремление к "миру в ишуве" даже под угрозой его отставки.

Приход фашистов к власти в Германии поставил перед сионистским движением новые неотложные задачи. В такое время Берл не мог позволить себе настаивать на своей отставке. Уже 1 мая 1933 года, через десять дней после своей формальной отставки, Берл выступал с речью на массовом митинге. Большую часть своей речи он посвятил борьбе против паники, начавшейся в рабочем движении после победы Гитлера на выборах в Германии, а также против аналогий между фашизмом и ревизионизмом.

Широкие круги ишува охватили ужас и ненависть

перед варварской силой, победившей в Германии, а может, и тайное преклонение перед ней. Против Гитлера ничего поделать было нельзя, но ведь бетарцы — ”это свои доморощенные фашисты”, и потому на них обрушились вся досада, ужас и стыд за поражение немецких рабочих партий. Поражение демократических сил и победа тоталитаризма в Германии подталкивали людей к вере в то, что насилие — это путь к победе, к тому, чтобы остановить доморощенный фашизм. Против этих-то настроений и выступил Берл, причем в основе его речи лежала вера в необходимость победы рабочих в сионистском движении, ибо они составляют в нем творческую, созидательную силу.

Но все изменилось субботним вечером 16 июня 1933 года, когда во время прогулки с женой по тель-авивскому взморью был убит заведующий политическим отделом Еврейского агентства Хаим Арлозоров. Убийство произошло всего день спустя после его возвращения из поездки в Лондон и Германию, где он заложил основы соглашения с германскими властями о ”трансфере”, которое должно было урегулировать вопрос о вывозе имущества немецких евреев, направлявшихся в Эрец-Исраэль.

Улицы бурлили. Повсюду носились и передавались из уст в уста слухи о виновности ревизионистов в убийстве. Берл пытался предупредить возможную вспышку насилия и охладить страсти. Он составил несколько прокламаций, самая известная из которых ”Братья по скорби”, где призывал сохранять ясность мышления, а главное, сдержанность. Прошли считанные дни, и следствие сосредоточилось на Аврааме Ставском, молодом бетарце из Польши, в котором жена убитого, Сима Арлозорова, опознала человека, направившего фонарь на ее мужа в тот момент, когда другой участник преступления выстрелил в него. Вторым подозреваемым в убийстве был Цви Розенблат. Ставского арестовали в комнате Аббы Ахимеира в Иерусалиме, где он проживал. Потрясение

было ужасным. Дов Садан сравнивал свои переживания с чувствами сынов Израиля, собравшихся в Бет-Эль, стоявших перед проблемой мести и отделения колена Биньямина от израильского народа. И в продолжение судебного разбирательства и после него, в течение всех прошедших с тех пор лет все громче звучали голоса, заявлявшие, что обвинение Ставского, Розенבלата и Аббы Ахемеира в убийстве Арлозорова — это кровавый навет, возведенный на ревизионистов левыми ради того, чтобы затормозить рост влияния ревизионистской партии в Польше перед выборами делегатов на 18 Сионистский конгресс. Такое подозрение если даже не абсолютно необоснованно, то, во всяком случае, крайне преувеличено. Действительно, существовала среди членов рабочего движения внутренняя готовность видеть ревизионистов виновниками убийства. Однако от такой готовности до злонамеренного кровавого навета — весьма большая дистанция.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что поведение ревизионистов, особенно Ахемеира и его товарищей по "Союзу бунтарей", вызывало подозрения. Показания Ахемеира во время следствия и анализ изъятых у него бумаг выявили мрачную, террористическую по характеру идеологию его группы, придающей первостепенное значение террористическим актам и количеству пролитой крови. Нетрудно было поверить в то, что такая организация способна сделать практические выводы из подобных теоретических установок.

В продолжение первого года после убийства Арлозорова Берл искренне верил в вину Ставского. Берл видел корень зла в развращающей души, разрушительной идеологии, в духе которой воспитывал Ахемеир своих товарищей, и считал, что необходимо навсегда вырвать этот ядовитый корень, прежде, чем он даст новые побеги и поразит здоровую часть еврейского народа. С другой стороны, Берл старался предотвратить распространение среди рабочих призы-

вов к кровавой мести и не допустить бесчинств по отношению к ревизионистам.

Именно потому, что Берл более всего страшился того, как бы рабочее движение не увлеклось фашистскими методами борьбы, он неустанно искал конституционных путей предупреждения террора, мертвящего душу его носителей, извращающего в них все святое. Берл добивался изгнания тех, кто применяет и отстаивает террор, из сионистского движения. Этой цели должен был послужить Восемнадцатый сионистский конгресс, проходивший в Праге летом 1933 года под знаком убийства Арлозорова.

Обстановка на Конгрессе была напряженная: опасались нападения ревизионистов на руководителей рабочего движения. В письме к Лее Берл успокаивал ее: "С точки зрения "безопасности" мы устроились отлично — собрались все в одном отеле". 17 августа 1933 года состоялось первое заседание Исполнительного комитета. Берл требовал назначить комиссию по расследованию, которая изучила бы находящиеся в его распоряжении документы, доказывавшие, по мнению Берла, существование террористических групп внутри ревизионистской партии. Исполнительный комитет образовал из числа своих членов комиссию в составе шести человек, и 20 августа 1933 года она заслушала Моше Чертока и Берла. Берл передал комиссии папку с шестнадцатью документами. Папка эта исчезла и до сих пор не найдена.

Ревизионисты были преданы на Конгрессе анафеме. Рабочая фракция не допустила их представительства в президиуме конгресса, где до тех пор имелись представители всех партий, и приложила все усилия для образования широкой коалиции без ревизионистов.

Работа в "комиссии шести" была нелегким испытанием для всех ее членов, в том числе для Лео Моцкина (председатель), Менахема Усышкина и раввина Меира Берлина. На них произвели тяжелое впечатление факты, свидетельствовавшие о том, что

в Эрец-Исраэль имеется "группа сионистов", признающая насилие средством проведения политики. С другой стороны, комиссия постановила, что представленные ей документы не доказывают существования связи между группой террористов и официальными организациями Союза сионистов-ревизионистов. Усышкин считал эту группу крайне опасной и потребовал, чтобы 18 Конгресс исключил ее из состава Всемирной сионистской организации.

Однако многие члены Исполнительного комитета опасались, что однозначное осуждение может повлиять на результаты судебного процесса об убийстве Арлозорова, проходившего тогда в стране, и потому Исполнительный комитет решил рекомендовать Конгрессу учреждение трибунала, который изучит обстоятельства дела и сделает соответствующие выводы. Конгресс принял эти рекомендации и назначил комиссию по расследованию во главе с Лео Моцкином.

Десять лет спустя Берл утверждал, что никогда, ни на минуту не соглашался с "изгнанием одного из колен Израилевых". Тем не менее, поведение Берла на Конгрессе, а также некоторые обрывочные сведения и намеки, дошедшие до нас, говорят, что, видимо, был момент, когда под влиянием совершившегося убийства и ужаса перед тем, как бы террор не просочился в сионистское движение и евреи не стали бы проливать еврейскую кровь, Берл готов был покончить с этим раз и навсегда.

Берл не сомневался в виновности обвиняемых Ставского, Розенבלата и Ахимеира. Различие между намерением, желанием — и поступком, которое проводил в письме к нему Дов Садан, не нашло отклика у Берла. Но с каждым прошедшим после убийства месяцем в душе Берла, как видно, закрадывались все новые тяжелые сомнения в том, кто же несет за него ответственность. "Сердце мое все еще не успокоилось после убийства Арлозорова.

Глубокая душевная подготовка требовалась от людей, достигнувших такой степени. И кто знает, не

ускорили ли мы эту подготовку?” Намекал ли он на забастовочные конфликты на седьмой день Песах? Не подумывал ли он об Ахимеире, которого оттолкнул? Берл об этом ничего не сказал.

Имеются некоторые признаки того, что в течение 1934 года Берл изменил свое отношение к процессу об убийстве Арлозорова. На него заметно повлияла история с Ривкой Фейгиной. Эта неуравновешенная девушка заявляла, что у нее есть проверенные сведения, доказывающие виновность Розенבלата. В конце концов, когда выяснилось, что на ее слова нельзя полагаться, Фейгину, по совету Берла, отправили за границу. Вероятно, после этого случая Берл стал иначе смотреть и на других свидетелей обвинения. Возможно, что у него появились сомнения относительно Ахимеира, а потом и других подозреваемых. Быть может, тут сказалось влияние раввина Кука.

Как бы то ни было, руководители Гистадрута и Мапай твердо верили в виновность Ставского и его товарищей, а если у них и появлялись сомнения на этот счет, то их не выражали публично. Никто не осмеливался открыто усомниться в виновности подозреваемых, и Берл не составлял исключения из этого правила. Но уже тот факт, что, вернувшись в Эрец в начале 1934 года, Берл стал обходить эту тему молчанием и не потребовал возобновления работы назначенной Сионистским конгрессом комиссии после завершения суда, говорит, пожалуй, о том, что сомнения в виновности обвиняемых у него были.

1934 год стал очень важным в истории Всемирной сионистской организации, ишува и рабочего движения. Это был год избрания нового правления ВСО под руководством Бен-Гуриона и начала его плодотворной деятельности, год массовой алии, экономического процветания, год начала крупномасштабного поселенчества в долине Хулы. Начало этого года ознаменовалось вспышкой ненависти между рабочим движением и ревизионистами, сопутствовавшей процессу

об убийстве Арлозорова, а его конец — попыткой примирения между вчерашними врагами Бен-Гурионом и Жаботинским.

Для Берла это был год трагической раздвоенности. Выступая на внешней арене непримиримым противником ревизионизма и сопутствующих ему течений, Берл оказался одиноким среди ближайших товарищей из-за своей позиции по вопросу, который считал главным для рабочего движения, — по вопросу о применении насилия.

Какой меркой следует мерить роль вождя в возглавляемом им движении? Если мерка эта — официальный пост, то Берл мог выбирать себе любую должность, какую пожелает. Перед пражским конгрессом и во время его работы Берл, как уже не раз случалось, изо всех сил боролся за то, чтобы не входить в состав Правления ВСО, выдерживая упорный натиск товарищей по делегации и тех, кто остался в Эрец. Берл уклонялся от участия в Правлении, не желая сковывать себя должностью, требующей рутинной работы. А когда было выдвинуто предложение о том, чтобы Берл стал членом Правления, не отвечая за какой-либо определенный отдел, он, видимо, опасался, что ему придется взять на себя дополнительную работу, кроме той, которая уже лежала на нем, — и снова отказался.

Тем не менее Берл занимал важные посты в Исполнительном комитете Всемирной сионистской организации и Директорате Керен каемет. Внутри Мапай его по-прежнему избирали во все по-настоящему важные органы. Когда была учреждена "Узкая комиссия" и "Политическая комиссия" внутри Центрального комитета, с которыми должны были советоваться члены Мапай, работающие в Правлении ВСО, само собой разумелось, что Берл станет их членом. Он всегда был естественным кандидатом на любое назначение, требующее неоспоримо высоких нравственных качеств, человечности и здравого рассудка. Так что, если мерить положение Берла в

партии его обязанностями, мы придем к заключению, что роль его не только не уменьшилась, но, наоборот, возросла.

Однако можно мерить положение Берла и двумя другими мерками: отношением к нему товарищей и его собственным мнением о себе. И в этих двух измерениях 1934 год положил начало процессу отчуждения между Берлом и значительной частью его товарищей по партии. То, чего пару лет назад невозможно было представить, — что мнение Берла не будет принято, что будут поступать наперекор его воле, что в обход Берла и вопреки его желанию будут решать важные вопросы, — все это теперь происходило в действительности. А, с другой стороны, в душе Берла засело гложущее чувство отчуждения, боли, краха.

Спор, возобновившийся в Мапай в начале 1934 года (в продолжение процесса об убийстве Арлозорова), был, в значительной степени, возвращением к дебатам, проводившимся в марте 1933 года после забастовки в Петах-Тикве и ее срыва бетарцами. В партии сложилась сильная группа молодых руководителей, которая проповедовала, что народ склонен к насилию, что народ — это разношерстная толпа, поклоняющаяся силе. Поэтому проявления насилия необходимы и даже желательны. Таков путь, отвечающий чаяниям масс, таков урок из поражения социал-демократии в Германии. Эта группа базировалась на работе в городских рабочих организациях, она выросла из рабочих советов и заняла ведущее положение в партийном аппарате.

В отношении этих партийных лидеров к Берлу была смесь бунтарства и пренебрежительности. Они готовы были принять его мнение в тех вопросах, в которые пока не вмешивались, например, в государственных, но отказывались признать его авторитет, когда считали, что вопрос относится к сфере их компетенции, что они понимают в нем лучше, чем вождь, который, по их мнению, был оторван от

повседневной жизни городских рабочих и практической деятельности рабочих организаций.

Деятели этой группы принадлежали к поколению, выросшему на уроках Октябрьской революции в России и ее методов. Они считали, что применявшиеся Берлом моральные критерии — это пережиток девятнадцатого века, что воспитание рабочих на основе таких установок ведет к слабости, непониманию духа нового исторического периода и неоправданному отрыву от действительности. Из позорного поражения, нанесенного нацистами германской социал-демократической партии, эта группа сделала вывод о том, что отказ от применения силы приводит на грань предательства и провала. А мужественное сопротивление австрийского шуцбунда диктаторскому режиму, также окончившееся поражением, но оставившее захватывающие примеры героизма рабочих, учило, по мнению этой группы, тому, насколько важно прямое действие и умение управлять массами.

Члены этой неофициальной группировки продолжали вести себя по отношению к Берлу крайне почтительно — и потому, что так было принято в партии, и потому, что он мог бы весьма повредить их положению и продвижению, но в душе питали к нему неприязнь, а он ничего не делал для того, чтобы неприязнь эту умерить. Берл не шадил группировку "младотурок", состоявшую из профсоюзных деятелей и партаппаратчиков. Он, конечно, признавал необходимость использовать партийный аппарат как инструмент управления и потому смирился с господством Аббы Хуши в Хайфе, хотя знал, что там создан режим неограниченной власти "босса" и грубого давления аппарата на рабочих. Но внутренне Берл терпеть не мог такого рода руководителей.

Группа эта, как уже ранее говорилось, впервые заявила о себе во время дебатов 1934 года по вопросу о насилии. Члены ее не только поддерживали идею насилия, но и применяли его на практике,

хотя пока еще в весьма ограниченных масштабах, причем у них уже было достаточно сил, чтобы предотвратить принятие резолюции, отвергающей насильственные формы борьбы.

Но при всей важности роли этих лидеров, не они являлись главными деятелями рабочего движения. Центр его оставался все в том же триумvirате, который создал когда-то Ахдут ха-авода, — троице Берл — Бен-Гурион — Табенкин. Бен-Гурион занял во время дебатов прагматическую позицию: он отказался принять подход Берла, полагая, что насилие хоть и зло, но в решающий час использование его оправданно и необходимо. В то же время оно не должно применяться произвольно. Политическое чутье Бен-Гуриона предупреждало его об опасности развития партикуляристских тенденций в партии и Гистадруте. Поэтому, хотя его позиция и была весьма близка к позиции "младотурок", он, сознавая подстерегающую опасность, готов был согласиться на проведение политики, приемлемой для Берла.

С Табенкиным дело обстояло иначе. Дружба между Берлом и Бен-Гурионом основывалась на взаимном уважении, на признании силы друг друга, а со стороны Бен-Гуриона была, по-видимому, и любовь к Берлу. Похоже, что Берл не платил Бен-Гуриону ничем, кроме глубокого уважения, признания его таланта руководителя и невероятной работоспособности. Настоящую любовь он оставлял для Табенкина. Это была юношеская дружба, окрепшая в трудные годы Киннерета и перешедшая в глубочайшую связь. Оба они впитали в себя русскую литературу, только на одного большее влияние оказали Герцен и Белинский, а на другого — Кропоткин.

Дороги их начали расходиться, когда выяснилось, что они по-разному относятся к событиям русской революции. Мировоззрение Табенкина базировалось на тезисе об особой роли и самостоятельности рабочего класса; в его представлении жизнь состояла

из непрестанной классовой борьбы, где Сыны Света — рабочие — сражаются против Сынов Тьмы — всех прочих.

Бетарцев Табенкин считал фашистами, видя в этом причину их ненависти к рабочим. По его мнению, Берл наносил большой ущерб рабочему движению тем, что пытался воспитывать рабочих в духе "примиренчества", вместо того, чтобы готовить их к неизбежной битве. Возражая против постоянного применения насилия в стиле хайфских рабочих руководителей, он не считал нужным осуждать отдельные его проявления, например события "седьмого дня Песах". По существу, его позиция была сходна с бен-гурионовской: насилие — да, но организованное и основывающееся не на террористических актах, а на силе масс.

Выступление Табенкина в ходе дебатов выявило пропасть, существовавшую между ним и Берлом в подходе к сионизму и социализму. Если Берл верил в то, что рабочие послужат ядром, вокруг которого сплотится весь еврейский народ и в первую очередь еврейские трудящиеся Эрец-Исраэль, то Табенкин не видел иного пути к победе рабочих, кроме столкновения с остальным еврейским народом.

К концу дебатов в Центральном комитете Мапай стало ясно, что предложение Берла о создании условий для устройства бетарцев на работу принято не будет. Вместе с этим укрепилась тенденция более умеренного поведения в применении насилия. На совете Мапай, состоявшемся через месяц, Бен-Гурион выступил в весьма умеренном тоне. Однако на Берла большее впечатление произвели слова Табенкина. Табенкин встал на позицию обязательности насилия. Нынче время, когда поклоняются кулаку, сказал он. На протяжении всех заседаний совета Берл не раскрыл рта. Вечером после первого заседания он записал в дневнике: "Я чужой. Черный день".

На третий день заседания Берл решил выйти из

партии. "Все мои усилия со времени фруменской стачки и вплоть до хайфских событий пошли впустую". Несколько дней спустя у Берла состоялся долгий разговор с Табенкиным. После него Берл записал в дневнике: "Бессонная ночь. Табенкин против насилия" Мы так никогда и не узнаем, что было сказано во время того разговора. Но его было достаточно, чтобы рассеять у Берла мрачное чувство, вызванное тем, что Табенкин возражает ему в таком вопросе, который он считал жизненно важным для партии. Примирение с Табенкиным позволило Берлу снова взяться за партийные дела.

Но гармония между Берлом и партией продолжалась недолго. 8 июня 1934 года был вынесен приговор на процессе Ставского. Ставский был признан виновным и приговорен к смерти. Защита подала апелляцию, и до ее рассмотрения (16 июля 1934 года) Берл пригласил к себе в Арзу (его любимый дом отдыха, построенный в память Сары Шмуклер) Рубашова и Бейлинсона, и они вместе наметили линию "Давар" на ближайшее время. Было решено просить помилования осужденного — теоретически потому, что "Давар" провозглашала требование отмены смертной казни, а на самом деле потому, что нельзя было и помыслить о таком кошмаре — в Иерусалиме могут повесить еврея. Кошмар этот преследовал не только редакцию "Давар", он заставил многих людей, которые отнюдь не были ревизионистами, поддерживать Ставского. Когда стало известно, что "Давар" намеревается опубликовать редакционную статью в поддержку просьбы о помиловании Ставского, Зяма Аронович в сопровождении человек пятидесяти ворвался в редакцию, угрожая сломать печатные станки, если такая статья будет напечатана.

Вследствие этого происшествия политическая комиссия решила, несмотря на возражения Берла, временно воздержаться от просьбы о помиловании. Тогда было созвано совещание Центрального комитета

для обсуждения вопроса о том, может ли редакция "Давар" выражать свое положительное отношение к просьбе о помиловании, противоречащее позиции большинства членов Исполнительного комитета. После бурного заседания и лишь для того, чтобы избежать ухода в отставку всей редакции, было достигнуто компромиссное соглашение о том, что редакция может поступать по своему усмотрению, при условии, что она ознакомлена с мнением большинства товарищей.

При рассмотрении апелляции Ставскому был вынесен приговор, освобождавший его за недостатком улик (свидетельские показания Симы Арлозоровой не подкреплялись другим достоверным свидетельством*). Берла этот приговор чрезвычайно обрадовал: он избавлял ишув от кошмара виселицы и в то же время не обелял Ставского окончательно, ибо оправдание объяснялось юридическими тонкостями. Многих товарищей Берла, напротив, очень беспокоила мысль, что Ставский сможет свободно бродить по тель-авивским улицам, а ишув будет праздновать его освобождение.

В субботу Ставский, сопровождаемый толпой бетарцев, отправился в главную синагогу, и там, как и ожидалось, был вызван к Торе**. Находившиеся в синагоге десятки рабочих ответили на приглашение Ставского к Торе криками "Позор". Началась драка, в ходе которой было поломано несколько скамеек. Наконец явилась полиция и под ее защитой Ставский прошел к Торе. Весь этот переполох был организован без созыва командного центра, учрежденного Мапай

*По судебным законам свидетельство очевидца, не сопровождаемое добавочными доказательствами, недостаточно для уличения в убийстве.

**Приглашение прочесть главу из Торы — честь, которой обычно удостоиваются самые уважаемые прихожане или спасшиеся от смертельной опасности, вызванной, например, кровавым наветом. (Прим. перев.)

для решения о проведении подобных акций. Берла не спрашивали, с ним не советовались. Терпение его лопнуло. Он объявил, что уходит из Центрального комитета Мапай и со всех своих постов в рабочем движении. Но как уже не раз бывало раньше, он не смог выдержать характер и вернулся.

После окончательного завершения процесса об убийстве Арлозорова круги, связанные с движением "Мизрахи" и ревизионистами, начали прощупывать пути к достижению соглашения между Союзом ревизионистов и Гистадрутом, которое положило бы конец гражданской войне в ишуве, тлевшей со времени фруминской стачки.

У людей накопилось ощущение усталости от нескончаемой междоусобицы, в ходе которой растрачивается впустую столько сил, и это в тот период, когда необходимо создание единого фронта, объединение сил, как в области поселенчества и алии, так и в области политики, ибо Верховный наместник Артур Уокоп пытался воскресить план создания законодательного Совета.

31 июля 1934 года Исполнительный комитет Союза сионистов-ревизионистов обратился в Центральный комитет Мапай с предложением о подписании "мира" — соглашения о прекращении актов насилия в ишуве. Внутри Мапай начались суматошные консультации на тему о том, как следует отреагировать на эту "хартию мира". Во время дебатов на экстренном совете Мапай (24 августа 1934 года) выявились две фракции. Одна из них сплотилась вокруг активистов городских рабочих советов и членов Ха-киббуц ха-меухад. Участники этой фракции опасались, как бы в ходе переговоров круг обсуждаемых вопросов не вышел за рамки трудовых конфликтов и применения насилия, включив в себя более широкую гамму отношений в лагере сионизма, и не нанес ущерб положению в нем рабочего движения.

При этом главная проблема была психологической:

означает ли согласие на переговоры с ревизионистами узаконение их движения. После продолжительного периода антиревизионистской пропаганды, ставившей ревизионистов вне сионистского лагеря, любая попытка договоренности с ними наталкивалась на глухую стену предубеждения.

Против этой фракции выступала группа ведущих деятелей Мапай. Большую часть ее составляли люди Второй алии, к ним примкнуло несколько крупных личностей из поколения Третьей алии: Голда Меерсон, Элизер Каплан, Моше Черток — все они занимали крупные посты в ишуве. Эта группа пыталась убедить членов Совета Мапай, что еврейский народ в диаспоре и в Эрец не способен понять такое положение, когда евреи бьют евреев, и не может примириться с ним.

Этот вопрос не сходит с повестки дня уже два года, он отвлекает внимание от важнейших проблем сионистского движения — спасения народа и строительства Эрец — в тот момент, когда решение их является срочным как никогда.

Спор между двумя фракциями вскоре перерос в проверку доверия партии к ее вождям и прежде всего к тому человеку, который уже около двух лет выступал против радикальных тенденций, обозначившихся в рабочем движении, — проверку доверия Берлу. Тот факт, что на сторону Берла встало все старое руководство, был его крупнейшей победой со времени дебатов о забастовке строительных рабочих в Петах-Тикве.

Поздним вечером, выступая, как обычно, с заключительным словом, после дебатов на Совете Мапай, Берл пытался рассеять страх перед тем, что вожди "продадутся" ревизионистам. Он снова вернулся к не раз уже выдвинутому им доводу о том, что самой страшной катастрофой, пережитой рабочим движением в продолжение войны с ревизионистами, была фашизация самого рабочего движения — в лозунгах, в методах борьбы, в воспитании и настрое-

ниях людей. Берл выступил против запугивания масс аналогиями между Эрец-Исраэль и Германией и потребовал возвращения к самобытным истокам творческой мысли рабочего движения.

В начале и в конце своего выступления Берл сказал несколько слов об особом отношении товарищей по партии к нему лично. Он представил экстренный созыв Совета Мапай как выражение недоверия членов партии к ее руководителям. Если партия утратила веру в руководителей, она должна сменить их. "Это трагично, но все же такая смена может быть проведена в духе взаимного уважения". Но если партия продолжает голосовать за прежних руководителей, не находя в себе мужества заявить, что она избирает новый путь и новое руководство, — это постыдно и опасно.

Берл бросил на чашу весов весь свой личный престиж. Он угрожал, что выполнит свое решение о выходе из Центрального комитета Мапай, играя на любви людей к нему. Берл завершил свою речь в патетическом и трагическом тоне, возвращаясь к вопросу о доверии партии к своим избранникам. "В моих словах нет никакой личной горечи. Возможно, наша партия из движения за освобождение народа стала движением за кровную месть. Быть может, она целиком подпала под власть фашистского страшилища... Быть может, ей нельзя иначе. Я готов склонить голову перед фактами. Но я не могу смириться с тем, чтобы наша партия превратила себя и своих членов в посмешище".

Если бы эти дебаты состоялись в двадцатых годах, то, надо думать, такого обращения со стороны Берла Кацнельсона было бы достаточно, чтобы заставить Мапай изменить свои позиции, чтобы вся аудитория как один пошла за ним. Но шел 1934 год. После окончания совета Берл записал в дневнике: "Мы провалились". Большинство членов Совета не согласилось на переговоры с ревизионистами.

Вместо непосредственного обращения к ревизио-

нистам было опубликовано воззвание "Ко всем кругам ишува и сионистского движения", которое, правда, призывало к соглашению и миру и, якобы, избавляло Мапай от необходимости сломать заслон на пути к договоренности с ревизионистами. Совет Мапай согласился с тем, чтобы Правление Всемирной сионистской организации провело переговоры со всеми партиями (в том числе и с ревизионистами), но отклонило резолюцию Центрального комитета направить ответ на "хартию мира" ревизионистов, как предлагали Берл и его товарищи.

Так в политической линии партии Берла нашел выражение тот факт, что с количественным ростом движения на протяжении тридцатых годов (который явился результатом массовой алии) в него влились новые слои рабочих, которые не прошли школу Берла, которым он был чужд и на которых он почти не имел влияния. Эти новые элементы рабочего движения не являлись носителями глубокого классового самосознания. Они стали рабочими в силу жизненной необходимости и условий Эрец-Исраэль, но им не хватало социалистического воспитания и собственного мировоззрения. Они могли бы с тем же успехом пойти в ревизионизм. Их лидеры, знавшие свои массы и склонности этих масс, превратили борьбу против бетарцев в стержень, вокруг которого они могли сплотиться, и тем самым закрыли им путь в лагерь противника.

Спор вокруг "хартии мира" был лишь прелюдией к настоящей битве, разыгравшейся месяца два спустя. В октябре 1934 года Бен-Гурион провел в Лондоне несколько секретных встреч с Жаботинским и, ко всеобщей неожиданности, непримиримые противники заключили три соглашения. Одно из них должно было урегулировать отношения между рабочими, состоявшими в Союзе сионистов-ревизионистов и в Бетаре, и членами Гистадрута. Второе призвано было предотвратить акты насилия. Третье охватывало различные спорные вопросы сионистского движения,

в том числе центральную проблему о дисциплине внутри Всемирной сионистской организации.

Получив первое известие о разработанных соглашениях (27 октября 1934 года), Берл был совершенно потрясен. Рабочие массы, которые Бен-Гурион в течение многих лет приучал видеть в ревизионистах и в Жаботинском источник всех бед сионизма, не способны были переварить новость о том, что Бен-Гурион вел переговоры с Жаботинским и поставил свою подпись под договором с вождем Союза ревизионистов. Удар был чудовищным, особенно потому, что не было проведено никакой подготовки к такому соглашению — ни среди членов Центрального комитета Мапай, ни среди рядовых членов партии.

С точки зрения Берла, подпись Бен-Гуриона под трудовым соглашением и договором о прекращении актов насилия свидетельствовала о признании Бен-Гурионом позиции, которую Берл отстаивал со времени "фруминской стачки". Берл не намеревался отказываться от борьбы против ревизионизма как партии и политической системы, но хотел вернуть эту борьбу с улицы на парламентские рельсы, вести ее согласно общепринятым нормам политической вежливости. Исключение первой причины столкновений с бетарцами за счет гарантирования им части рабочих мест представлялось Берлу спасительным выходом из кошмарного положения, когда еврейские рабочие воюют против еврейских рабочих.

В первую неделю после получения сообщения из Лондона Берл был настроен оптимистически в отношении будущего трудового соглашения, несмотря на небывалое волнение, охватившее общество. Он говорил с Бен-Гурионом по телефону и выразил полную поддержку его новой линии. Но в течение считанных дней все перевернулось. 8 ноября 1934 года Берл телеграфировал Бен-Гуриону: "В партии волнение. Опасность очень велика. Что проку в чудесах, если основное орудие сломается. Продолжение переговоров толкнет массы к анархии и разрушительным дейст-

виям. Боролся и буду бороться за трудовое соглашение. Не присоединюсь к идейным и политическим уступкам врагу. Никакого примиренчества с сионофашизмом, с Кале (город во Франции, где состоялся съезд ревизионистов, принявший решение об ограниченном членстве во Всемирной сионистской организации), с авантюризмом. Ничего не подписывай до приезда в Эрец. Поторопись с отъездом, дорога каждая минута”.

Две причины побудили Берла отправить эту телеграмму, которая испугала Бен-Гуриона куда больше всей кипы телеграмм, полученных им тогда из Эрец. Первая — опасение, что в упоении успехом переговоров Бен-Гурион может пойти на принципиальные уступки в области сионистского движения. Берл никогда не сомневался в исторической роли Всемирной сионистской организации, созданной Герцлем, видел в ней основу национального единства и начало еврейской государственности. Он страшился, что Бен-Гурион подпишет договор с Жаботинским до того, как будет гарантировано полное и безусловное возвращение ревизионистов в лоно ВСО и подчинение ее внутренней дисциплине. В этой области Берл не готов был идти ни на какие уступки.

Второй причиной, заставившей Берла остановить Бен-Гуриона и ускорить его возвращение в Эрец, являлось возникновение у него ощущения, что рабочее движение находится на грани раскола. Много лет спустя, когда люди будущего станут вспоминать историю рабочего движения в Эрец, и прежде всего историю Мапай и Гистадрута, объединявшего в свое время около 80% всех трудящихся Эрец-Исраэль, они с тоскливым чувством остановят свой взгляд на великой партии, сосредоточивавшей в себе почти всю творческую энергию трудящихся Эрец-Исраэль, являвшейся магнитом для широчайших масс в Эрец и в диаспоре.

Это единство, длившееся четырнадцать лет (с 1930 по 1944 годы) станет представляться ускольза-

ющим идеалом, к которому более поздние поколения будут так истово стремиться, но достигнут его лишь с большой натяжкой, ибо даже когда будет создана Мифлегет ха-авода (Рабочая партия), объединяющиеся в ней люди не станут питать друг к другу истинной любви, не будут относиться друг к другу с полной искренностью.

Однако изучение подлинной истории партии Мапай убеждает в том, как краток был медовый месяц объединенной партии. Едва истекло пять лет со времени ее образования, как в стене единства партии появились первые трещины. Но трещины эти удалось заштукатурить, потому что Берл вложил в это все свои душевные и интеллектуальные силы. И все же, когда над партией пронеслось слово "раскол", оно на миг увлекло многих. Выпустив джинна из бутылки, его уже невозможно было загнать назад.

С этой точки зрения борьба вокруг договора, составленного Бен-Гурионом и Жаботинским, стала поворотным пунктом. Впервые о возможности раскола заговорили как о чем-то реальном. Именно по этой причине так торопил Берл Бен-Гуриона вернуться в Эрец, чтобы попытаться спасти хотя бы трудовое соглашение и вместе с тем любой ценой предотвратить раскол в партии.

Начались месяцы лихорадочной деятельности, заседаний Центрального комитета, затягивавшихся до зари, душевных бурь и словесных оскорблений, которые не должны были бы произноситься. Противниками договора являлись прежде всего городские рабочие руководители Тель-Авива и Хайфы. К ним примкнули руководство Ха-киббуц ха-меухад и значительная часть киббуцников. На сторону Бен-Гуриона встала целая когорта личностей, удостоившихся титулов "отцов движения": все руководители поколения Второй алии, кроме Табенкина. К ним присоединились деятели "Хевер ха-квуцот" (товарищества киббуцов) и "Гордонии", большинство бывших членов Ха-позл ха-цаир, а также "троица свояков"

— Дов Хоз, Моше Черток и даже Элияху Голомб, изменивший свою позицию и перешедший в лагерь сторонников соглашения.

С количественной точки зрения подавляющее большинство противников договора составляли, разумеется, городские рабочие и их лидеры. Но с точки зрения Берла определяющим был тот факт, что против него выступили Табенкин и члены Ха-киббуц ха-меухад. Как бы ни были значительны фигуры Аббы Хуши, Зямы Ароновича, Мордехая Немировского, Иосефа Кициса, партия могла преодолеть их потерю. Некоторые из них свернули бы знамена, как только им стало бы ясно, что они проигрывают. Другие, почувствовав слабость своих лидеров, искавших только случая для личного возвышения, бросили бы их.

Но присоединение к ним Табенкина придавало оппозиции против старого партийного руководства совершенно иной вес и окраску. Впервые трещина пролегла между киннеретскими друзьями. Союз основателей Ахдут ха-авода был впервые публично нарушен. Берл страшился, что от партии отколется самая дорогая его сердцу халуцианская часть рабочего движения. Про лидеров рабочих советов он мог сказать, что их сопротивление договору с ревизионистами продиктовано личными интересами, что оно свидетельствует об узости их горизонта и что люди идут за ними под давлением партийного и государственного аппарата, к которому Берл никогда не питал симпатии.

Иное дело Ха-киббуц ха-меухад и Табенкин. С точки зрения Берла один Табенкин перевешивал всех противников соглашения, вместе взятых. Заноса в дневник краткие сводки дебатов, встреч и заседаний Центрального комитета, Берл называет по имени лишь одного из противников соглашения — Табенкина. Подчас у читателя этих документов складывается впечатление, что спор о соглашении шел между тремя "китами" — Бен-Гурионом, Табенкиным и

Берлом.

В Центральном комитете Мапай большинство составляли сторонники соглашения. Поэтому противники договора с первой минуты требовали передать решение этого вопроса съезду партии. Когда Центральный комитет постановил созвать съезд, но оставить за собой решение о соглашении с ревизионистами в случае, если возникнет положение, требующее немедленного решения, Табенкин заявил, что он выйдет из состава ЦК. Кажется, это был первый в истории Мапай случай, когда меньшинство сумело навязать свое мнение большинству, угрожая отставкой.

После этого события начали разворачиваться как бы сами собой. Было решено созвать съезд, причем впервые в истории Мапай выборы на съезд должны были проходить по двум спискам — сторонников соглашения и его противников. После переговоров с Ха-шомер ха-цаир, желая избавить партию от внутреннего конфликта, Берл и Бен-Гурион согласились перенести решение вопроса о договоре с партийного форума в рамки Гистадрута. 20 декабря 1934 года было принято постановление о проведении всеобщего референдума членов Гистадрута по вопросу о договоре с ревизионистами. Берлу было ясно, что чем шире становится круг принимающих решение, тем меньше шансов на достижение положительного результата. И тем не менее, он поддерживал каждый шаг, расширявший рамки предстоящего форума. Берл делал это по одной-единственной причине: как бы ни было важно для него трудовое соглашение, единство партии было для него дороже.

Во время выборов делегатов на съезд Мапай силы сторонников и противников договора были более или менее равными. Съезд не дал ничего нового. Делегаты говорили то, что от них ожидалось, и голосовали в соответствии с тем списком, по которому были выбраны на съезд. 24 марта 1935 года состоялся референдум, и уже на следующий

день стало ясно, что большинство участвовавших в референдуме членов Гистадрута отвергло трудовое соглашение с ревизионистами.

Процент воздержавшихся был очень высок, и Ремез утверждал, что референдум не окончен, так как в нем не приняли участия все члены Гистадрута. Но остальным членам Центрального комитета больше всего хотелось закрыть всю эту неприятную историю, снять надоевший вопрос с повестки дня рабочего движения.

Соглашение о воздержании от актов насилия так и не было подписано, но по существу они прекратились сами собой. Мапай больше не применяла насильственных методов в борьбе против ревизионистов. Позиция Берла возобладала, хотя и с большим опозданием, после чрезвычайно болезненных конфликтов с друзьями и противниками.

Берл так определил особенности спора о заключении договора: "Это, видимо, первый внутривнутрипартийный конфликт, не изменивший положение вещей". Слова эти выявляют самую болезненную точку конфликта, болезненную в первую очередь для самого Берла.

Сила Берла состояла в его умении убеждать, в способности входить в непосредственный контакт с собеседником, с аудиторией. Благодаря этому таланту он мог изменять точку зрения людей, позиции партии. Во время споров о соглашении с ревизионистами Берл впервые увидел, что слова его падают на черствую почву. Широкие круги его слушателей "закрыли уши" перед его аргументами. Ни личное обаяние Берла, ни логичность его доводов не сумели пробить стену, воздвигнутую противниками соглашения. Позиции всех участников спора были определены заранее. Люди слушали Берла из вежливости, но слова его не доходили до них.

Впервые члены Мапай являлись на Совет, на съезд не для того, чтобы выслушать других и выразить свою точку зрения, а главным образом для того, чтобы проголосовать. Нынче это явление повсеместно

распространенное и как бы само собой разумеющееся, но тогда было иначе. Важнейшие политические дебаты, проводившиеся в партии в начале тридцатых годов, завершались принятием решения на Совете Мапай, которое бывало вынесено исключительно благодаря Берлу, его силе убеждения. Прежде людей выбирали на съезд по их личным качествам, их положению в движении, по другим важным показателям. На этот раз делегатов съезда избирали не по их личному авторитету, а как защитников определенной позиции и потому они уже не могли голосовать против воли своих избирателей.

И эта внезапная глухота аудитории к доводам Берла не предвещала ему ничего хорошего. Берл, не связанный ни с каким обладающим реальной силой аппаратом — ни в Гистадруте, ни в партии, ни в киббуце, ни во Всемирной сионистской организации, прекрасно соответствовал системе отношений, существовавшей в Ахдут ха-авода, когда главными были личные связи, а контакт между руководителями и массой носил непосредственный характер.

С того момента, как люди начали обращаться к организациям и аппарату и взаимодействовать между собой не как личности, а как представители релевантных групп, — с этого момента Берл оказывался осиротевшим. Бен-Гурион опирался на Правление Всемирной сионистской организации, Табенкин построил себе крепость в Ха-киббуц ха-меухад, а Берл, всегда бежавший от официальной власти и постов, всегда бывший выше любых учреждений и группировок, стал чувствовать себя одиноким.

Это был первый случай раскола в коалиции основателей Ахдут ха-авода. А союз двоих — Берла и Бен-Гуриона — оказался недостаточно сильным, чтобы заставить рабочую массу принять решение, которое оба они считали исключительно важным. Такого еще не бывало с тех пор, как два этих человека встретились в палатке Еврейского батальона, стоявшего в Халамие. Авторитету руководства был

нанесен серьезный ущерб. История со злополучным референдумом показывала, что можно добиться успеха, даже идя наперекор мнению Берла и Бен-Гуриона.

Победителями из этой борьбы вышли Ха-киббуц ха-меухад и городские рабочие организации. Первая из этих сил стояла у самых истоков рабочего движения, составляя его халуцианский стеновой хребет, — отсюда ее решающее влияние, приведшее к срыву договора с ревизионистами. За второй стояли массы, проголосовавшие против договора. Союз их не являлся преднамеренным, это было сотрудничество "ad hoc"* . Однако в нем уже наметились центры будущей оппозиции руководству Мапай.

С общественной точки зрения вся эта история наносила Берлу меньший урон, чем Бен-Гуриону, но в глубине души Берл чувствовал, что массы, составляющие рабочее движение, отдаляются от него. Болезненное всего переживал Берл отход от него тех слоев рабочего класса, которые были ему особенно дороги, — киббуцников.

Когда Берл писал в дневнике: "...те, кто идут за мною, не имеют для меня значения, а те, кто для меня важны, не со мною", он имел в виду то (пока скрытое) состязание с Табенкиным, которое вел он за души членов Ха-киббуц ха-меухад.

Несмотря на все усилия Берла, посвятившего большую часть своего времени перед референдумом разъяснительной работе в трудовых поселениях, около двух третей членов Ха-киббуц ха-меухад проголосовало против договора. В количественном отношении Ха-киббуц ха-меухад составлял каплю в море десятков тысяч городских рабочих и не решал исхода референдума. Но высокий процент киббуцни-

*"ad hoc" — для данного случая, для достижения данной цели. (Прим. перев.)

ков, проголосовавших против Берла и Бен-Гуриона, показал Берлу, что он проиграл битву за души людей, составлявших самую дорогую для него часть рабочего движения.

Молодежный центр 1933 – 1935

Берл не отказался от своей давнишней идеи о необходимости широкой работы среди молодежи. Осуществление первоначального плана Берла о создании молодежного центра, как мы помним, было приостановлено, когда Моше Черток ушел из редакции "Давар", чтобы заняться политической деятельностью. Всякий раз, как снова поднимался вопрос о развертывании работы среди молодежи под руководством Берла, он не скрывал готовности посвятить этому делу все свои силы. Берл неоднократно жаловался секретариату Мапай, что его не подключают к решению главных молодежных проблем. Наконец, чтобы утихомирить Берла, была образована специальная комиссия, которая обсудила возможности освободить Берла от бремени редакционной работы в "Давар" и решила, что после Восемнадцатого сионистского конгресса будет учрежден Молодежный отдел Мапай.

В то же самое время секретариат Ха-киббуц ха-меухад значительно усилил свое влияние на рабочую молодежь. "Секретариат киббуцов" установил прочные отношения с руководством молодежных организаций и даже образовал постоянный молодежный отдел. Конкуренция "Киббуца", основавшего параллельный партийному отдел, недолго оставалась в тайне.

У Берла давно пробудились подозрения, что Ха-киббуц ха-меухад консолидируется как независи-

мая сила, — когда сами деятели "Киббуца" еще, кажется, не сознавали этого. Еще в момент возникновения Ха-киббуц ха-меухад, узнав имя "новорожденного", Берл запальчиво спросил: "А почему "Ха-киббуц ха-меухад" (объединенный киббуц)?"

Перед глазами Берла всегда стоял пример Гдуд ха-авода, начавшего свой путь как халуцианская организация с заглавной буквы, а кончившего как партия, организационной, экономической и кадровой базой которой являлось трудовое поселенчество. Берл, по-видимому, надеялся, что Табенкин послужит тормозом против сепаратистских тенденций "Киббуца", гарантией его верности партии и идее единства. Но Табенкин все более отдалялся от Берла и хотя между ними по-прежнему царил любовь и сохранялось полное взаимное уважение, в душу Берла стал закрадываться страх перед грядущим развитием событий.

Скрытое соперничество с "Киббуцом" вышло наружу во время дебатов о воспитательной работе в Хе-халуц. Хе-халуц являлась надпартийной организацией, куда входили все халуцим, желавшие приехать в Эрец. Она контактировала напрямую с Гистадрутом. Такое положение вещей соответствовало столь дорогому сердцу Берла принципу "всеобщности" и было положительной альтернативой сектантской партийности различных групп и течений, близкой по духу к действовавшей в диаспоре "Организации в поддержку трудящихся Эрец-Исраэль".

Партия Ахдут ха-авода, погруженная в заботы об обеспечении заработка и политическую борьбу в Эрец, не включила Хе-халуц, подобно другим организациям, в сферу своей деятельности. В образовавшийся вакуум устремились сначала посланцы Гдуд ха-авода, а затем, и гораздо энергичнее, представители Ха-киббуц ха-меухад. В 1925 году в Хе-халуц была направлена первая делегация от Ха-киббуц ха-меухад во главе с самим Табенкиным. Целый год провел Табенкин в Польше, заложив организационные и

идейные основы деятельности Ха-киббуц ха-меухад внутри Хе-халуца. С тех пор в Польшу постоянно направлялись инструкторы "Киббуца".

Руководство Ха-киббуц ха-меухад придавало работе в Хе-халуц первостепенное значение и готово было вкладывать в нее все свои таланты. Так в Центральной Европе выросла мощная организация, управляемая руководством "Киббуца", которое заботилось также о создании местного актива по своему образу и подобию. Ха-киббуц ха-меухад нашел в Хе-халуце кузницу, где выковывались кадры, регулярно пополнявшие его ряды. Не случайно девиз Ха-киббуц ха-меухад гласил: "Расти сам и выращивай других!"

Молодежь, входившую в Хе-халуц, воспитывали для халуцианского поселенчества и алии в Эрец-Исраэль, причем Эрец и халуцианство ассоциировались у нее с киббуцом, и не с каким-нибудь абстрактным, а именно с Ха-киббуц ха-меухад. А сознание своей мощи, гордость ею и замкнутость росли тем временем как бы сами собой.

1933 год был рекордным по подъему халуцианского движения в Польше. Ставшая после 1932 года реальной возможностью алии в Эрец, а также возрастающий экономический и политический гнет, который испытывала еврейская молодежь в Центральной Европе, направили мощный поток еврейских юношей и девушек в центры Хе-халуца. Из сравнительно немногочисленной организации, насчитывавшей в своих рядах несколько тысяч членов, Хе-халуц превратился в массовое движение, объединявшее десятки тысяч молодых евреев. А казалось, что это лишь начало, что размах движения будет и дальше шириться, что оно вскоре охватит большую часть еврейской молодежи диаспоры.

Берл считал себя прежде всего воспитателем молодежи Эрец и диаспоры. Чутье подсказывало ему, что задача воспитания юношей и девушек — самая важная задача момента. Он жаждал придать

свое направление всей системе воспитания и подготовки подрастающего поколения в рамках рабочего движения, но колебался, зная, что любое вмешательство в Хе-халуц — вотчину Ха-киббуц ха-меухад — чревато осложнением отношений с Табенкиным, которого он так опасался.

Нам так и осталось неизвестным, что именно перевесило чашу весов и заставило Берла прыгнуть в бурный поток польского молодежного движения. Как бы то ни было, решение это окрепло в нем во время Пражского сионистского конгресса, проходившего в сентябре 1933 года. Именно по этой причине Берл так энергично отбивался от попыток включить его в Правление Всемирной сионистской организации. Этому решению суждено было определить его собственное будущее и будущее рабочего движения Эрец-Исраэль. Историкам остается лишь гадать о том, какова была бы судьба Берла и судьба рабочего движения, если бы он согласился занять пост в Правлении ВСО.

Поездка Берла по Польше, рассчитанная на две недели, затянулась более чем на месяц. С самого начала этой поездки Берла охватила боль и тоска, вызванная крутой ломкой еврейской жизни в Центральной Европе и особенно мучительными проблемами, стоявшими перед халуцианской молодежью. Берл начал свою поездку с того района Чехословакии, который находится между двумя областями с давним еврейским населением — Галицией и Трансильванией — и носит название "Прикарпатская Русь". Перед Берлом словно проходили картины его детства в черте оседлости, он снова увидел жизнь ортодоксального еврейства, от которой оторвался с тех пор, как стал жить по своему разумению. Инкогнито бродил он по городам и местечкам, "среди бедных и грязных, но чем-то влекущих к себе евреев". В маленьком местечке провинции Михарн, известном богатейшей историей и старинным кладбищем, полным священных могил, Берла целый день сопровождал

старик — хранитель еврейских традиций, и рядом с ним Берл чувствовал себя точно ученик Талмуд-Торы, снова принявшийся за изучение Писания.

Несколько дней провел Берл в Мункаче и его окрестностях. Здесь снова проснулись в Берле его народные инстинкты, его глубокая душевная связь с еврейской традицией и просто с евреями, его способность полностью отождествлять себя со страдающим еврейским народом, умение разглядеть истинное и светлое сквозь обезображивающий покров нищеты и грязи. Убогие подвалы Мункача не отдалили Берла от населявших их простых евреев и их несчастий. "Среди всего этого убожества и мерзости мне временами открывались лучистые глаза праведников", — писал Берл.

Непосредственный контакт с ужасающей нищетой еврейства, подобной которой он не видал со времени отъезда в Эрец, обострил у Берла чувство личной ответственности за судьбу еврейского народа. Чувство это не носило всеобщего, безымянного характера, напротив, оно было исключительно личностным, направленным на каждого отдельного человека. Берл так описывал жизнь еврейской семьи, увиденную им в деревнях Прикарпатской Руси: "В одной комнате, где имеются две кровати, живет семья из восьми-девяти человек. И среди кучи жалкого тряпья ютятся, словно котята, еврейские дети". Семьи эти были, как на подбор, многодетные, и Берл, по обыкновению, испытывал особую теплоту к малышам, вертевшимся вокруг него.

К волнению примешивалось ощущение неотложной срочности спасения ребятишек. "Все они пропадут, если мы не сможем предоставить им убежища в Эрец... А мы еще так далеки от представления о том, как именно их спасти". В такой переполненной лачуге Берл встретился и разговорился с "маленькой бетарочкой, мечтающей об Эрец".

Стояли последние дни перед Иом-Киппур. Берл посетил Талмуд-Тору, побывал на покаянной молитве.

состоявшейся в большом Бет-мидраше, и был приглашен на церемонию очищения у раввина. В вечер Судного дня Берл прослушал проповедь раввина перед "Кол нидрей", а на завтра пришел на заключительную молитву Судного дня. Увидев раввина лицом к лицу, Берл взволнованно записал потом в дневнике: "Это лицо Человека!"

В Мункаче действовала группа подготовки молодежи к алие, руководимая партией Мизрахи. Эти молодые рабочие, певшие "Эмуна"* и "Техезакна"', настолько понравились Берлу, что он занес в дневник: "Чудная группа!" Посещение местного отделения Ха-шомер ха-цаир, напротив, не принесло ему радости. В Иом-Киппур Берл читал журнал группы "Гашомер Гацаир" и потом в дневнике определил свое впечатление от прочитанного словами: "Сексуальная идеология". Однажды вечером Берл встретился с мункачскими евреями-социалистами, по-видимому, членами Бунда и записал: "Какие-то существа допотопного мира."

Из Мункача Берл двинулся дальше в Галицию и на Суккот прибыл в еврейский град Львов. Берл был подавлен закатом еврейской общины Львова: лавки были открыты в праздник, "черный рынок" функционировал как обычно. Немногие евреи расхаживали по улицам с традиционным лулавом в руках. Берл побывал в группах подготовки к алие, принадлежавших к различным течениям. Все они, кроме группы Мизрахи, работали в праздник. Берл посетил множество групп, относившихся к самым малочисленным и слабым течениям организации Хе-халуц. Он поразился почти полному незнанию сионистски настроенной молодежью иврита. Заглянув в группу "Гордония", Берл записал в дневнике, что претензии "Гордонии" на свой особый стиль, чистоту

*"Вера" – песня религиозной молодежи.

***"Да окрепнут [руки братьев]" – песня палестинских рабочих. (Прим. перев.)

и экономность не подтверждаются действительностью. Побывав в спальне группы и обнаружив, что юноши и девушки спят вместе, Берл отнюдь не пришел в восторг.

И здесь наибольшую радость принесло ему посещение групп Мизрахи. Члены группы знали иврит, молились, учились, соблюдали субботу и работали. Они готовили себя к жизни в киббуце. В то же время Берл заметил, что для членов этих групп характерен комплекс неполноценности по отношению к членам нерелигиозных групп, которые, в свою очередь, вовсю "задавались" перед ними.

На железнодорожном вокзале Львова Берл вдруг столкнулся с Ицхаком Табенкиным. Эта случайная встреча могла бы послужить символом всей поездки Берла по Польше, ведь главным содержанием ее были встречи с группами подготовки Хе-халуца. Табенкин, разумеется, знал о планах Берла. И Берл был ему еще настолько дорог, что Табенкин сделал все от него зависящее, чтобы сблизить Берла с руководителями Хе-халуца. Группа молодых польских лидеров Хе-халуца, которым было лет по двадцать, была настроена к Берлу недоброжелательно. Можно себе представить, что молодежь, воспитанная в польских отделениях Хе-халуца и Хе-халуц ха-цаир, усвоила отношение "материнской" организации ко всем мелочам жизни в Эрец.

Их позиция не избиралась самостоятельно, а, как в кривом зеркале, отражала позицию их воспитателей. Со временем они в нападках на всех, кого подозревали в урезании их прав, пошли куда дальше своих учителей в Эрец. Табенкин знал об этом и потому потратил много часов на беседу с молодым активом Хе-халуца, пытаясь объяснить ему, кто такой Берл Кацнельсон и что он сделал в рабочем движении. Но эта единичная беседа не могла изменить положение.

Из Львова Берл направился в Варшаву. Начались двухнедельные переговоры в центре Хе-халуца, поездки в киббуцы подготовки Варшавы, Лодзи, Вохлина.

Берл добрался на самолете даже до далекой Вены. В Лодзи Берл остановился в семье поэта Ицхака Кацнельсона, который был родственником и Берла, и Табенкина. Большую часть своего времени Берл посвятил посещению молодежи в киббуцах. Он старался оставаться анонимным. В своей неизменной кепке Берл появлялся у ворот такого молодежного киббуца, стоял и глядел на собиравшихся парней и девушек, переговариваясь с ними на своем превосходном, сочном идиш.

Когда Берла спрашивали, что ему нужно, он начинал задавать наивные вопросы: что это за место такое — киббуц? Что за подготовка такая? Юноши и девушки охотно отвечали на вопросы прохожего, а он, разговорившись с ними и почувствовав, что они потянулись к нему, начинал расспрашивать о знании иврита, о распорядке дня, о быте. Его приглашали войти. Он внимательно разглядывал убранство комнат, лозунги, висевшие по стенам, охотно слушал, как поют ребята, вникал в их откровенные и завуалированные жалобы на центр, высказывал свое мнение об условиях их жизни — о чистоте и санитарном состоянии помещений, о качестве кухни, о скученности в спальнях, где стояли знаменитые "интернациональ" — двухэтажные нары, и ему говорили, что даже при таком уплотнении многие ребята вынуждены спать по двое в кровати.

Берл обнаружил несколько киббуцов подготовки, где парни и девушки спали порознь, но в других на это не обращалось внимания. Берл побродил по такому киббуцу днем, когда его члены находились на работе, собирая информацию от оставшихся дома больных. Киббуцы по подготовке к алии не разрешали больным уезжать домой для лечения, опасаясь, как бы те, соблазнившись удобствами прежней жизни, не забросили своих халуцианских идеалов. Теснота в помещениях, скверные санитарные условия и скудная пища причиняли больным немало страданий.

Берл выпрашивал молодежь про дом, семью,

условия работы в киббуце, про занятия в часы досуга, про книги, которые они читают, и темы, вызывающие у них наибольший интерес. Поддавшись обаянию незнакомца, молодые люди говорили откровенно об отношении к руководству Хе-халуца, выкладывали свои жалобы и подозрения, а некоторые даже признавались, что не собираются идти в киббуц после приезда в Эрец-Исраэль.

Поначалу Берлу удавалось сохранять свое инкогнито. Но весть о "шпионе", осматривающем киббуцы по подготовке, разнеслась довольно быстро, и Берлу пришлось называться своим именем. Прибыв в Варшаву, Берл участвовал в заседании центра Хе-халуца. Присутствие Берла не помешало членам центра обнаружить раздиравшие их противоречия, при обсуждении которых представители отдельных молодежных движений: Ха-шомер ха-цаир, "Гордо-нии" и других, более мелких, — стояли по одну сторону баррикады, а представители объединения Хе-халуц, то есть, по существу, уполномоченные Ха-киббуц ха-меухад, — по другую. "Торгашеские таланты" и "схоластические умствования", продемонстрированные обеими сторонами, вызвали у Берла глубочайшее отвращение.

26 октября 1933 года Берл закончил свою поездку по Польше и вернулся в Варшаву. В центре Хе-халуца у него состоялся бурный разговор с инструкторами объединения. Мы не знаем, каковы были его темы, но известно, что разговор оборвался посередине, видимо, по вине Берла, пребывавшего в "сильном раздражении". Сразу после этого Берла вызвали в Лондон на конференцию по делам немецкого еврейства, где Берл попытался привлечь внимание Вейцмана к деятельности по расширению еврейской иммиграции в Эрец-Исраэль. Из Лондона Берл направился в Париж, там он побывал в казарме, где жили еврейские беженцы из Германии, и посещение это потрясло его.

Увидев, к чему приводит полный крах еврейской

жизни, отрыв от всех корней, Берл еще сильнее почувствовал необходимость направляющей воспитательной работы. Он был свидетелем важнейшей деятельности инструкторов "Киббуца" в самых разных уголках Польши и потому решил вернуться в Варшаву и еще раз встретиться с руководством Хе-халуца, попробовать помириться с ним, ибо без этой руководящей группы он не мог осуществить своих планов.

На этот раз беседа затянулась, и переговоры продолжались "от зари до зари". Берл изо всех сил сдерживался, не позволял себе вспышивать, рубить сплеча. Он говорил осторожно, обдуманно — несколько часов подряд. Потом члены "Киббуца" отвечали, и он снова брал слово. Берл вкладывал в беседу всю душу, все свое умение убеждать, но слушатели не отзывались. Атмосфера была пропитана неприязнью к Берлу. Когда он, едва закончив выступление по вопросу молодежного движения, поспешил на поезд, чтобы отправиться в Эрец, его тут же заподозрили в том, что он нарочно так распланировал свою речь, чтобы лишить руководителей Хе-халуца возможности ответить ему, — и это после разговора, продолжавшегося двадцать четыре часа!

Берл вернулся из Польши, более чем когда-либо сознавая сложность обстановки в Хе-халуце. И хотя он понимал, что преступает запретную черту, Берл твердо решил, что невозможно и далее полагаться на самотек. Он встретился с Табенкиным с глазу на глаз и, по всей вероятности, изложил свое мнение о работе Хе-халуца и ее недостатках. А два дня спустя, в субботу, Берл поехал в киббуц "Ха-ковеш" ("Завоеватель"), где проходило расширенное заседание секретариата Ха-киббуц ха-меухад.

Берл поделился с участниками заседания своими тяжелыми впечатлениями от поездки по Польше. Он сконцентрировал свое выступление на трех главных проблемах: воспитательной, бытовой и организационной.

Осматривая отделения Хе-халуца, Берл не раз видел на стенах лозунг "Путь еврейского халуца тернист и жесток, но прекрасен". Этот лозунг отражал методы воспитания, широко применявшиеся в первом постоянно действующем подготовительном киббуце, организованном в Клосове под Вохлином под руководством Бени Маршака. Киббуц в Клосове был создан во второй половине двадцатых годов, когда в Эрец свирепствовал экономический кризис и алия приостановилась.

Молодые члены Хе-халуца, готовившие себя к алии, в силу обстоятельств вынуждены были непрерывно терпеть лишения переходного периода. Временный лагерь подготовки стал их постоянным общежитием. В нем создался особый быт, проникнутый духом товарищества и решимостью победить "вопреки всему". Здесь сложилась постоянная подготовительная группа, члены которой добывали пропитание своим трудом и жили коммуной в постоянных лагерных помещениях, готовясь к дню алии и вступления в киббуц, пусть даже день этот не близок. В Клосове юноши и девушки претерпевали существенную метаморфозу, они отрывались от родительского дома, от буржуазного быта, готовили себя к физическому труду, к жизни в коллективе и простоте нравов, а также изучали иврит.

Ребята жили трудно, в большой нужде, но эта школа прививала им фанатическое стремление к коллективной жизни и юношеский энтузиазм преодоления трудностей. Ощущение колоссального напряжения сил помогало группе выдержать все испытания подготовительного периода.

Нет ничего удивительного в том, что именно в атмосфере Клосова родился лозунг о "тернистом и жестоком пути сиониста". Жестокость эта проявлялась и в ожесточении к себе, и в трудностях повседневной жизни. Быть может, этот лозунг появился под влиянием объективных трудностей, нужды, которая была непреложным фактом. Работали до изнеможе-

ния. Условия в жилых помещениях можно было в лучшем случае определить словом "теснота". Но со временем жестокость превратилась в идеологический принцип, в метод воспитания, долженствующий поддерживать в людях высокое напряжение.

Это был путь самоистязания монашеской секты, испытание каждого в отдельности и всей группы в целом, средство укрепления духа коллективизма. Воспитательные установки Клосова переняли затем все подготовительные киббуцы Восточной Европы, причем последователи пошли дальше основоположников. Установка на жестокость повлекла за собой грубость речи и обращения, грязь, беспризорность, запрет на существование любого милого, теплого уголка.

Если Берл со времен Второй алии стремился отыскать в любой общественной группе, возникавшей в Эрец, "умение жить", отказ от безалаберности и пренебрежения к себе, от бесполезной растраты силы, то в подготовительных киббуцах он обнаружил нечто прямо противоположное. Причем дело тут было не в недостатке организационных способностей, а в исходных установках. К трудностям физического порядка присоединялась резкость обращения: нахальство с девушками, отсутствие всякой деликатности в интимных отношениях, невнимание к любым личным проблемам и игнорирование личности вообще.

Когда создавалось Клосово, в киббуц шли единицы, сознательно, руководствуясь выношенным идеализмом, избравшие путь испытаний. Но в 1933 году, рекордном по числу вступавших в Хе-халуц, юноши и девушки шли в подготовительные киббуцы не по внутреннему убеждению, а потому, что это был единственный способ добыть вожеленный сертификат — визу, открывавшую перед еврейской молодежью, не имевшей никакого будущего в Польше, ворота Эрец-Исраэль.

Берл выступил против теории, усматривавшей в жестокости воспитательную ценность, и особенно

яростно ополчился против какого-либо принуждения молодежи в процессе подготовки к алие. Он не закрывал глаза на то, что любое воспитание неминуемо связано с принуждением. Например, он требовал усилить контроль за тем, чтобы все, получавшие въездные визы, знали иврит. Однако Берл делал различие между принуждением, обусловленным особенностями структуры общества, к которому хотят принадлежать будущие олим, и принуждением, вытекавшим из извращенной системы отношений между воспитателем и воспитанником, дававшей первому полномочия, выходявшие за рамки любых разумных требований воспитательного процесса.

Берла потрясла почти абсолютная власть местных комитетов Хе-халуца. В Эрец, утверждал он, ни одно учреждение не обладает такой властью над жизнью человека, какая есть у работников Хе-халуца. В их руках право решать, кто уже "подготовлен" к алие, а кто еще недостойн ее и должен оставаться в Польше. "Видишь перед собой молодого неопытного паренька, — рассказывал Берл, — а в его руках власть выносить приговор, решающий человеческую жизнь". Колоссальные полномочия, возложенные на людей, еще не научившихся терпимости и умеренности, создавали в халуцианском движении невероятно тяжелую систему отношений.

Больнее всего было Берлу видеть суровость, черствость, господствовавшую в подготовительных киббуцах. Берл остался гуманистом XIX века, ореол массового движения его не ослепил, не сдвинул в его мировоззрении центра тяжести с индивидуума, с человека. "Когда я замечаю, что и у нас человека забывают ради возвышенной цели, я вижу в этом опасность и страшусь за будущее нашего движения".

Стиль отношений, выработавшийся в рабочем движении, был, по мнению Берла, лишь одним из проявлений морально неприемлемой системы, построенной на чрезмерной власти. Другими ее аспектами были страх и лицемерие. Юноши и девушки, устре-

мившиеся в подготовительные киббуцы, не принадлежали к самой образованной и интеллектуальной части еврейской молодежи. Подавляющее большинство их было родом из забытых Богом убогих местечек. Новичок подготовительного киббуца по-своему понимал принятый там метод воспитания. Табенкин любил повторять, что надо готовить молодого человека к максимальной цели — к вступлению в киббуц. Если он не справится с нею, то будет хотя бы жить трудовой жизнью. Но этот самый новичок воспринимал долг вступить в киббуц попросту как условие получения въездной визы.

В результате появлялись люди "веры по принуждению" — люди, которые вовсе не собирались жить в киббуце, но боялись признаться в этом. Никто не признался мне откровенно, что боится сказать правду, рассказывал Берл, но многие говорили, будто другие боятся. Так в халуцианской организации укоренилось лицемерие. "Клясться в верности киббуцу, требовать от других строгого исполнения киббуцного устава и в то же время лелеять в сердце иные мечты, скрывая их от ближайших друзей, с которыми спишь на одной койке, — такое поколение приводит меня в ужас".

К жестокости, лицемерию и страху примешивался культурный нигилизм. Внешним его выражением являлось пренебрежение к себе, вызванное ультрахалуцианством. Такое ультрахалуцианство нередко кончалось тем, что на корабле, направлявшемся в Эрец, принималось совместное решение не идти в киббуц. Оно рождалось из бунта против чрезмерной верности уставам, против бесконечных оскорблений и мучений, против лжи.

Гнев Берла вызывал утилитарный подход к молодежи: ее считали средством, орудием, служащим увеличению численности и силы рабочего движения. Таким было, например, отношение Ха-киббуц ха-меухад к молодежному объединению Хе-халуц ха-цаир, которое рассматривалось как резерв Хе-халуца.

Это объединение считали "юношеской организацией, относящейся к Хе-халуцу, управляемой им и существующей ради него", сама же по себе она была лишена какой-либо ценности. Берл, напротив, всегда подчеркивал особые потребности молодежи как отдельной, автономной социальной группы, не являющейся простой проекцией общества взрослых. Он ратовал за методы воспитания, оставляющие подрастающему поколению больше простора для самостоятельного решения трудных задач.

Спор о методах воспитания тотчас захватил отношения между организацией Хе-халуц и молодежными движениями. Представители Хе-халуца требовали, чтобы каждый отдельный юноша и девушка, прошедшие обучение в определенной юношеской организации (например, в Ха-шомер ха-цаир или в "Гордснии") и желающие вступить в подготовительный киббуц, обращались непосредственно в отделение Хе-халуца. Это означало, что группы, сложившиеся в рамках юношеских организаций, распускались, а их члены в индивидуальном порядке вступали в систему так называемой "смешанной подготовки", куда входили отделения молодежных движений и "просто халуцы", как именовали юношей и девушек, вступавших в возрасте восемнадцати лет непосредственно в одну из организаций Хе-халуца.

Молодежь, прошедшая школу юношеских организаций, происходила, в большинстве, из буржуазных слоев городского еврейства и имела возможность получить среднее образование. Она составляла интеллигентную прослойку Хе-халуца. Это было в особенности справедливо в отношении воспитанников Ха-шомер ха-цаир. "Просто халуцы", напротив, в большинстве своем являлись выходцами из отдаленных деревень и местечек, из нуждающихся семей. Они, как правило, не имели среднего образования, а подчас бывали совершенно неграмотны. Организационная и воспитательная работа среди них была делом исключительно трудным, и никто не питал иллюзий

относительно их преданности идеалам сионизма вообще и киббуцного движения в частности.

Представители Хе-халуца (или, иначе, инструкторы Ха-киббуц ха-меухад) настаивали на том, чтобы юношеские организации отдавали своих воспитанников в распоряжение всей системы Хе-халуца, и можно было бы тем самым использовать отборную часть молодежи для воспитания многотысячной массы, устремившейся в Хе-халуц. Однако юношеские организации отказывались расформировываться. Они ввели в групповой подготовке своих воспитанников к алии венец всей своей работы. Таким образом поддерживались традиции организации, преемственность в ней. Расформирование выпускных групп противоречило воспитательным установкам юношеских организаций, стремившихся сплотить своих членов в органичный коллектив, связанный тысячами нитей общих воспоминаний.

Проблема "смешанной подготовки" имела также организационно-политические аспекты: юношеские организации являлись кадровым резервом для киббуцов Эрец-Исраэль. Так, из юношеских групп Ха-шомер ха-цаир выросли целые киббуцы Ха-шомер ха-цаир. Подавляющее большинство воспитанников "Гордони" поступило в киббуцы Хевер ха-квуцот ("Товарищества киббуцов"). Для этих киббуцных течений пополнение было вопросом жизни и смерти. Благодаря своему господству в Хе-халуце Ха-киббуц ха-меухад обеспечивал себе постоянный мощный приток кадров, а киббуцы, относившиеся к Хевер ха-квуцот, постоянно нуждались в людях. Не одному из таких киббуцов приходилось просить пополнения у Ха-шомер ха-цаир и в конце концов присоединяться к всепалестинскому объединению Ха-шомер ха-цаир. Таким образом, проблемы воспитания были неразрывно связаны с вопросом о господстве в киббуцных организациях.

Как уже упоминалось, в продолжение своей поездки по Польше Берл убедился, что спор между

Хе-халуцем и юношескими организациями занял центральное положение в воспитательной работе. Между большинством руководящих деятелей Хе-халуца и представителями юношеских организаций (таких, как Ха-шомер ха-цаир и "Гордония"), составлявшими в нем меньшинство, возникли уродливые отношения. Последние жаловались на сокращение ассигнований и кадров и одновременно боялись принудительных действий большинства.

Берл признавал справедливыми жалобы представителей юношеских организаций на то, что воспитание в рядах Хе-халуца готовит молодежь исключительно для Ха-киббуц ха-меухад. Он предлагал решить эту проблему, разграничив обучение в рамках Хе-халуца и подготовку к вступлению в киббуц. Всем должно быть ясно, что внутри Хе-халуца существуют разные группы: одни войдут в Ха-киббуц ха-меухад, другие — в Хевер ха-квуцот, третьи — в мошавы.

Есть, наконец, люди, которые не намереваются жить в рамках какого-либо коллектива. Поэтому, предлагал Берл, Ха-киббуц ха-меухад должен открыто объявить, что Хе-халуц ха-цаир — это относящаяся к нему юношеская организация, которую следует поставить на равную с другими юношескими организациями основу. Таким образом, будет положен конец нынешнему положению вещей, когда определенная общественная организация готовит себе резервы, прикрываясь лозунгом "всеобщности".

Табенкин согласился с критическими замечаниями Берла относительно скудости быта, убогости культурного уровня воспитанников, слабости воспитательной работы, недостаточного знания иврита и вытекающих отсюда недостатков. Однако он решительно отверг положения Берла о внутренней напряженности и жестокости, царящих в подготовительных киббуцах, и еще более решительно возражал против каких бы то ни было изменений организационной структуры Хе-халуца и роли Ха-киббуц ха-меухад в этой организации. "Киббуц" является представителем

Гистадрута, утверждал Табенкин, так было и так будет впредь.

Табенкин не видел возможности избежать принуждения в процессе воспитания членов Хе-халуца. В любой системе воспитания есть элемент принуждения, настаивал он, тем более справедливо это в отношении массовой воспитательной работы. Хе-халуц готовит массы к коллективной жизни и физическому труду. В таком процессе не обойтись без силы принуждения. Он ни за что не соглашался отказаться от "всеобщности" Хе-халуца и роли Ха-киббуц ха-меухад в нем или пойти на отрыв Хе-халуц ха-цаир от Хе-халуца, как предполагал сделать Берл.

Пользуясь аргументами самого Берла, который в свое время возражал против идеологизации воспитания подростков, Табенкин отвергал требование Берла придать воспитанию юношества партийный характер. Подростков надо воспитывать на наглядной символике, на понятиях типа "киббуц", "халуц", "Гистадрут", но не на понятии "партия", особенно если существует несколько партий, а тяга к партии среди еврейских масс диаспоры чрезвычайно слаба.

Как и у Берла, у Табенкина невозможно отделить воспитательных целей от политических. Он поднимал на щит "простых халуцов", выступая против "аристократии" из юношеских организаций; ратовал за "надпартийное" воспитание и одновременно стремился к господству Ха-киббуц ха-меухад в Хе-халуце, ради подготовки молодой смены, которая пойдет по его пути, и возражал против влияния на молодежь любых организаций, тем более против влияния партии. Человеку, который считал себя прежде всего членом Ахдут ха-авода, видел основу своей силы в Ха-киббуц ха-меухад и отождествлял интересы Киббуца с интересами Гистадрута, легко было подменить общие интересы частичными.

Дебаты, состоявшиеся на совете Ха-киббуц ха-меухад, не привели ни к каким изменениям в курсе "Киббуца". Берла во время этих дебатов изображали

человеком со стороны, который критикует, не разобравшись во внутренней ситуации и ее трудностях.

Тот факт, что Берл лично не был членом киббуца, не мешал ему критиковать своих товарищей по руководству партией. Но для фанатичных участников совета Ха-киббуц ха-меухад это был существенный недостаток, ослаблявший позицию Берла в споре с ними. Поэтому Табенкин счел нужным в начале своей ответной речи представить Берла как киббуцника, пусть и не живущего в киббуце, ибо отчуждение и неприязнь по отношению к Берлу стали, видимо, бросаться в глаза. Более того, Берл, выступая с ответным словом в прениях, начал с повторения характеристики, данной ему Табенкиным, подчеркивая, что он критиковал деятельность "Киббуца" "изнутри", а не как посторонний, и извиняясь за то, что обстоятельства — в первую очередь, возложенные на него обязанности, — не позволяют ему вступить в киббуц.

Спор вокруг Хе-халуца показал, как постарел Берл. Ему исполнилось сорок шесть лет. От молодежи, входившей в Ха-киббуц ха-меухад, а тем более от активистов Хе-халуца, которым было по двадцать один — двадцать три года, его отделяло целое поколение. Неуклюжие песни, лозунги, жесткость, лишения, неустроенный быт — все то, что ужасало Берла, воспринималось молодежью с куда большей легкостью. Неизвестно еще, действительно ли переживали воспитанники Хе-халуца все те страдания, которые приписывал им Берл, или были правы инструкторы из "Киббуца", утверждавшие, что спонтанная радость жизни, чувство коллективизма преобладают над всем. Определенного ответа на этот вопрос у нас нет.

Упор, сделанный Берлом на недостатке заботы о людях и решении их личных проблем, на трудностях быта и беспризорности, отражал, помимо объективной ситуации, еще и точку зрения наблюдателя. А наблюдатель этот был взрослым человеком, относив-

шимся к молодежи с отеческой чувствительностью и заботливостью, чуткий к нюансам, которых не замечают молодые.

То же, кстати, распространялось и на область интимных отношений. Берл всегда был склонен к исключительной тонкости и скромности в половых вопросах. Публичное обсуждение подобных тем было ему не по духу. Покров молчания, которым поколение Второй алии окутывало всю область интимных отношений, соответствовал вкусам Берла и его современников.

А у молодежи были совсем иные понятия на сей счет. Начиная с эпохи Третьей алии молодежь стала смотреть на эти вещи куда проще и говорить о них в открытую. В те времена отношения между парнями и девушками в подготовительных лагерях оставались довольно наивными, но Берлу они представлялись разнузданными, задевающими достоинство девушки.

Спор с "Киббуцом" отражал изменения, произошедшие в самом Берле, его постарение. В начале двадцатых годов он вечно подгонял события, шла ли речь о единстве рабочего движения в Эрец или в диаспоре.

Теперь Берл стал иным. Если молодежь из Хе-халуца торопила "объединение" юношеских организаций, то Берл требовал терпения, веры в постепенный добровольный процесс, который разовьется сам собою, без организованного принуждения. А нетерпеливые молодые активисты отвечали ему: "Да как же можно ждать!"

В начале двадцатых годов Берл не придавал особого значения демократии, часто склонен был видеть в ней формализм. Теперь же Берл превратился в стража демократии и свободы в рабочем движении. Причиной этих перемен являлась не только внутренняя зрелость Берла. На Берла повлияли те изменения, которые произошли за это время в мире.

Чем больше бесновался мир, ввергая себя во власть разного рода тиранов и тоталитарных режимов,

тем резче выступал Берл против какого бы то ни было принуждения совести. Он соглашался с положением Табенкина о том, что каждое общество накладывает на своих членов определенные обязательства, но проводил грань между практическими обязанностями и вопросами совести и идеологии.

”Без полной свободы совести нашему обществу не будет проку от нашей правоты”, — твердил Берл, требуя предоставить молодежным организациям возможность свободно развиваться. ”В наши дни появилось множество приверженцев ”твердой руки”, видящих лишь ее силу и не замечающих ее отрицательных сторон. Я в этот путь не верю и смотрю на вещи иначе. Я верю в ценность соглашений”. Растущему давлению на свободу совести Берл противопоставил лозунг социалистической демократии, обязывающий к идеологической борьбе и убеждению противника, но отрицающий насильственную унификацию идей.

Повышенная чувствительность Берла к промывке мозгов, которой подвергается молодежь, отнюдь не была показной. Он вполне искренне беспокоился за нравственный облик подрастающего поколения. Пренебрежение к человеку, обнаруженное им в Хе-халуце, заставляло Берла вспомнить события, происходящие в окружающем мире, и это преисполняло его страхом за тот человеческий тип, который мог бы, к ужасу Берла, начать размножаться в рабочем движении.

Посещение Польши способствовало тому, что Берл взял на себя ответственность за важнейшее воспитательное мероприятие — создание культурного молодежного центра. Сразу же после возвращения Берла в Эрец собрался Исполнительный комитет Гистадрута, постановивший учредить отдел воспитания молодежи, получивший впоследствии название ”Молодежного центра” под руководством Берла Кацнельсона при скромном бюджете шестьсот палестинских фунтов в год.

С тех пор, как в 1925 году Берл был назначен

редактором "Давар", это был первый за много лет случай, когда он взял на себя исполнение официальной должности в Гистадруте или Мапай. Человеку, который вечно бежал от любых официальных постов и постоянных поручений, главная сила которого состояла в личном обаянии и авторитете, вдруг понадобилась печать официальности.

Можно, правда, сказать, что без официального назначения Берл не получил бы необходимых ассигнований. И все же трудно отделаться от мысли, что обращение Берла к рычагам формальной власти свидетельствует об ослаблении его личного влияния. Берл прибег к поддержке партии и Гистадрута, видимо, ощущая слабость своего авторитета в сравнении с организованной мощью Ха-киббуц ха-меухад.

Сила "Киббуца" складывалась из двух составляющих: его господства в рамках организационной структуры Хе-халуца и, что еще более важно, господства над теми людьми, которые были способны проводить идеи молодежного центра в жизнь. Ха-киббуц ха-меухад завоевал сердца самых талантливых и беззаветно преданных своему делу активистов движения. Встречались, конечно, способные инструкторы, не принадлежавшие к кругу Ха-киббуц ха-меухад. Но они тонули в море молодежи, воспитанной "Киббуцом" или подпавшей под влияние характерных для его представителей этических норм.

Табенкин публично провозгласил, что "Киббуц" будет помогать Берлу в работе молодежного центра и что инструкторы во всех отделениях Хе-халуца будут придерживаться установок центра в своей воспитательной работе. Однако Табенкин не изменил своего мнения о том, что направление работы "Киббуца" в Хе-халуце наиболее правильное. Он по-прежнему утверждал, что именно подготовка к киббуцу и есть наилучший путь к жизни в коллективе вообще.

5 декабря 1933 года Берл представил центру Мапай план воспитательной работы молодежного

отдела, а в начале января 1934 года он выступил на конференции Гистадрута с речью, где разъяснил принципиальные и практические потребности, побудившие Центральный комитет учредить молодежный центр. Пока Берл говорил об идейных основах, он стоял на твердой почве. Его мысли о рабочем движении как о мощной культурной и воспитательной силе, а также размышления о том, что между понижением культурного уровня движения во втором его поколении (после крупных творческих личностей первого поколения) и "пересыханием" источников его творческих сил есть прямая зависимость, оставались в струе характерного для Берла всеобъемлющего мировосприятия, с которым можно было не соглашаться, но нельзя было не признать его красоты.

Иная ситуация создалась, когда Берл попытался перевести казалось бы простейшее понятие "культурная работа" на язык конкретных мероприятий. Тут между теорией и практикой образовалась пропасть. Кроме текущих организационных дел Берл основывал деятельность молодежного центра на двух основных типах работы: семинарской и литературной.

Семинары должны были готовить инструкторов для стран диаспоры и активистов молодежного движения для Эрец. Берл предлагал организовать постоянный годичный семинар для проведения "идеологической и идейной" работы. Пройдя такой курс, инструктор направлялся на два года в диаспору.

Берл надеялся создать постоянно действующий руководящий центр для инструкторов, поддерживая регулярную связь между инструктором и молодежным отделом путем личных бесед между инструктором и руководством отдела (читай: Берлом) до его отъезда в диаспору, а также регулярных консультаций по идейным и практическим вопросам, и путем контроля за деятельностью инструктора.

Параллельно работе в диаспоре Берл стремился воспитывать молодежь, растущую в Эрец, с помощью целой серии краткосрочных семинаров, предназначен-

ных для старшего возраста.

В дополнение к семинарам и руководству инструкторами Берл мечтал развернуть широкую литературную работу — ”расширить рынок потребителей ивритской книги”. Он стремился приблизить писателей, поэтов, интеллигенцию к рабочему движению, к массовому чтению. Берл планировал создать при Гистадруте специальную организацию по распространению книг, которая установила бы связь со всеми ячейками и филиалами рабочего движения диаспоры, являющимися ее постоянными клиентами. За определенные взносы организация будет снабжать своих членов книгами, иллюстрациями, плакатами и тому подобным материалом.

Берл, видимо, надеялся, что тесные связи с этой организацией приблизят различные рабочие течения к его линии. Он хотел также основать книгоиздательство, которое будет выпускать книги для детей и взрослых, причем главной его задачей будет усвоение традиций рабочего движения недавно прибывшими в Эрец репатриантами.

Если Ха-киббуц ха-меухад прививал молодежи мировоззрение Табенкина, его фанатичный безрелигиозный национализм и прямолинейный социализм с четкой границей между добром и злом, разделение между самостоятельными интересами рабочего класса и интересами остального мира, между преданностью родному киббуцу и верностью ишуву в целом, то Берл мечтал внедрить в сердца молодежи свою систему ценностей — глубокую связь с национальной традицией и символикой, всемерное подчеркивание общности судеб всех евреев мира, а также солидарности и братства между социалистами разных стран; бескомпромиссного отрицания диктатуры, будь она правой или левой (в том числе диктатуры советского образца), осознание жизненной важности демократии, верность основам сионизма и социализма, без рабского подражания общепринятым теориям. Берл не менее стойко, чем Табенкин, отстаивал свои убеждения и

не менее его жаждал привить их молодежи.

Берл пытался воспитать молодежь в духе идей рабочего движения, избегая узколобости, свойственной тому историческому периоду, поэтому он и взял на себя руководство молодежным центром рабочего движения, желая стать учителем и наставником подрастающего поколения. Берл полагал, что такое "общее" воспитание должно основываться на идеалах и символике, приемлемой для всех частей рабочего движения.

Поскольку Ха-киббуц ха-меухад готовил молодежь для жизни в киббуце, Берлу не оставалось ничего иного, как воспитывать молодежь в духе Гистадрута вообще или, скорее, в духе партии Мапай. Какой смысл мог быть в таком воспитании, лишенном конкретной личностной направленности, не дающем молодому человеку четкого идеала, к которому он мог бы стремиться?

Гистадрут к тому моменту уже перестал быть идеей, превратившись в ряд учреждений, которые вряд ли могли бы воспламенить юношеское воображение. Идеино-политическому воспитанию в духе Мапай тоже не доставало той жизненной сочности, яркости, которая привлекала молодых, когда речь шла о трудном пути киббучника — волнующе новом, революционном, требующем отваги и напряжения всех сил.

Таковы были некоторые объективные причины, приведшие к тому, что в конце концов деятельность молодежного центра ограничилась лишь несколькими семинарами для инструкторов да выпуском серии брошюр по руководству молодежной работой. Они, как кажется, не пользовались особой популярностью ни в Эрец, ни, тем более, в странах диаспоры. Таков был мизерный результат великих и радужных надежд, которые питал Берл, создавая молодежный центр.

Можно свалить вину за неудачи молодежного центра на трудности, связанные с установкой Берла

на "общее трудовое воспитание вообще", на господствовавшие тогда среди молодежи воззрения, которые создавали у Берла такое настроение, будто он "напрасно пытается идти против течения". Не следует, однако, забывать, что молодежный центр был обязан своим возникновением не только желанию воспитывать молодежь, но и стремлению к господству, и потому провал его тоже был обусловлен переплетением этих двух факторов.

Сам Берл считал, что в провале центра был повинен Ха-киббуц ха-меухад, который двойственно вел себя по отношению к нему. "Киббуц", по существу, подменил собою молодежный центр. Во главе угла деятельности Берла должна была стоять подготовка инструкторов перед их отправкой в диаспору, а затем поддержание связи с ними и контроль за их работой на местах. Формально инструкторов направляли в страны диаспоры от имени Гистадрута. Фактически же каждая поселенческая организация сама выбирала себе инструкторов, а Исполнительный комитет Гистадрута лишь санкционировал их выбор постфактум.

Берлу не удалось повлиять ни на выбор инструкторов, ни на их подготовку, ни на их работу. Все инструкторы обещали ему, что придут побеседовать с ним перед отъездом. Но сдержали обещание немногие. Да и те, кто приходил поговорить с Берлом, делали это для проформы. Берл с грустью описывал инструкторов, являвшихся посоветоваться с ним за час до отплытия корабля из Эрец...

Планируя работу молодежного центра, Берл не знал, какую организационную форму придать ей. Наверняка он знал лишь одно: центр не должен являться федеративным органом, где будут представлены инструкторы различных юношеских организаций, а должен быть сформирован из людей, пригодных для работы в нем, причем этих людей он будет отбирать сам, исходя из их личных качеств.

Здесь кроются истоки той личной драмы, которая

связана с неудачей молодежного центра. Берл пригласил работать в Центре Браху Хабас (которую знал со времени первых ее шагов в "Давар", корреспондентом которой она являлась) и Исраэля Галили. Галили, видимо, отводилась ведущая роль в молодежном центре, он должен был стать проводником идей Берла. Галили был "серьезный парень", как называли тогда подающих надежды молодых людей. Он являлся одним из наиболее видных руководителей движения рабочей молодежи. Так же, как социалистические лидеры первого поколения, а затем деятели группы "Ха-хугим", руководители движения рабочей молодежи привыкли постоянно консультироваться с Берлом.

Берл относился к молодым с исключительной сердечностью, вникая в их дела куда глубже, чем это можно было ожидать от признанного вождя по отношению к его молодым почитателям. Берл видел в молодежи и ее руководителях не средство политических манипуляций на том или ином уровне, а самостоятельную ценность, и ему нужна была ответная любовь и доверие со стороны молодежи.

Галили был одним из представителей выращенной Берлом плеяды молодых руководителей. В то же время он, как и многие другие, вовсе не был равнодушен к чарам Табенкина. Движение рабочей молодежи, как и организация "Маханот олим" (движения учащейся молодежи) все сильнее тяготела к линии Ха-киббуц ха-меухад и все более явно подчинялась его руководству.

Процесс этот был постепенным и, возможно, неизбежным. Повседневная жизнь членов "Киббуца" являла собою суть тех идеалов, в духе которых была воспитана эта молодежь: халуцианство, практическое воплощение сионизма, физический труд, самопожертвование. Ко всему этому присоединялись размах, готовность к дерзновенному броску в неизведанное, к выполнению задач национальной важности. Чего же удивляться тому, что юноши и девушки, воспитанные в духе подобных идеалов, тянулись к

”Киббуцу”?

Пока между Берлом и ”Киббуцом” не встала стена, молодежь не испытывала чувства раздвоенности, сохраняя верность Берлу и Табенкину одновременно. Но с тех пор, как Берл выступил против работы Ха-киббуц ха-меухад в Хе-халуце и создал молодежный центр, борьба между ними за влияние на наиболее талантливую молодежь стала открытой. Галили был глубоко связан и с Берлом, и с Табенкиным. Он разрывался между ними и этот внутренний конфликт на целых два года парализовал его деятельность.

В середине августа 1935 года Берл отправился в Люцерн для участия в XIX Сионистском конгрессе и сопровождавших его конференциях. Целый месяц он лихорадочно работал, был полон энергии и счастлив. Он, как всегда, отказался занять какой-либо пост в Правлении Всемирной сионистской организации и успешно выдержал натиск товарищей, пытавшихся склонить его к этому.

На этом конгрессе Бен-Гурион выдвинул лозунг ”Мир в ишуве”, на основе которого и было сформировано новое Правление ВСО. Лозунг этот отвечал мировоззрению Берла, всегда стремившегося к сотрудничеству с различными течениями в сионистском движении и внутри ишува. Он приветствовал присоединение к Правлению движения Мизрахи и положил немало сил на то, чтобы убедить товарищей по партии согласиться на партнерство с Мизрахи. Так была заложена основа исторического союза между Мапай и Мизрахи, который продержался сорок два года.

Одной из самых приятных для Берла особенностей Девятнадцатого конгресса было активное участие Табенкина в его работе. На какой-то миг показалось, что ожил старый триумвират основоположников Ахдут ха-авода.

На одном из заседаний правления Керен каемет

его председатель, Усышкин, пригласил Берла совершить поездку в Польшу, и Берл собирался принять это приглашение. Однако через несколько дней он вдруг изменил свое решение и отклонил приглашение Усышкина. В письме к Лее Берл объяснял свой отказ усталостью и опасением, что ему придется выступать в Польше с речами и лекциями.

Но настоящая причина крылась в ином. В продолжение работы сионистского конгресса и по его окончании в Люцерне состоялись конференции для инструкторов юношеских организаций и руководителей Хе-халуца, в которых принимали участие представители Ха-киббуц ха-меухад, присутствовавшие на конгрессе. Берла на эти конференции не приглашали, несмотря на то, что он отвечал за молодежную работу в Гистадруте и являлся его представителем в Хе-халуце. Молодежные лидеры встречались с Берлом, говорили с ним о том о сем, но не допустили его в "святая святых". Для Берла это было нестерпимое оскорбление.

Эта подчеркнутая замкнутость означала, что Берл остался для руководителей молодежи посторонним, противником Ха-киббуц ха-меухад, мешающим ему самостоятельно управлять молодежным движением. Первой реакцией Берла на это и стал его отказ от поездки в Польшу.

В сердце Берла бушевал гнев: "Меня точно жгло огнем, и я боялся, что чувства мои вырвутся наружу; в течение нескольких дней я говорил только с собой, избегая других". Лее он ни слова не рассказал о происшедшем. 10 сентября 1935 года Берл отправился вместе с Ремезом в экскурсию по заснеженным горам вокруг Люцерна. Он позволил себе на пару недель развлечься и отдохнуть после месяца интенсивной работы на конгрессе.

В конце отпуска, сидя на залитой солнцем горе, с которой открывался великолепный вид на округу, Берл наконец принял решение отомстить обидчикам. Он, как всегда, перевел ситуацию в личную плоскость

— и нанесенное ему оскорбление и задуманную им месть, которая должна была соответствовать тяжести оскорбления.

Как часто в любви, переходящей в ненависть, первым страдает человек, стоящий между враждующими сторонами. В данном случае таким человеком был Исразль Галили. В длинном письме к нему, выдержанном, кстати, в прекрасном стиле, Берл подводил итог двухлетней работы молодежного центра, итог провала, источником которого являлась атмосфера замкнутости, созданная "Киббуцом". "Эта атмосфера породила двуличие и внутреннюю раздвоенность, отразившееся на всей работе Галили в Центре". Раздвоенность сказалась не только в душевном разломе, но и в неспособности прилежно заниматься порученным делом.

Теперь, после происшедшего в Люцерне, Берл окончательно решил: "Я уйду из центра. Это бесповоротно". Самым страшным было обвинение в двуличии: "Наше дело покоилось на заблуждениях и на лжи. На заблуждениях с моей стороны, на лжи со стороны тех, на кого я в первую очередь полагался в работе, тех, кто как будто хотели работать со мною". Обращаясь с этими словами к Галили, Берл, кажется, метил выше, в Табенкина, обещавшего ему сотрудничество "Киббуца" и его инструкторов в начинаниях центра и просившего Берла взять на себя руководство им.

Провал молодежного центра стал для Берла тройной трагедией. Во-первых, "духовное руководство" рабочим движением в той сфере, которая была Берлу дороже всего — в сфере трудового поселенчества и молодежной работы, ушло от него к другим, главным образом, к Ха-киббуц ха-меухад, к Табенкину. Во-вторых, в борьбе за влияние на молодежь, выращенную Берлом, осталась победа за Табенкиным. В-третьих, между Берлом и его ближайшим другом пролегла трещина недоверия. И эта тройная трагедия глубоко ранила Берла.

Он не понимал причин отдаления Табенкина от него, причин крушения их верной личной дружбы. Берл не мог поверить, что дело здесь в идейных разногласиях между ними. Ведь идейные разногласия наметились уже в двадцатые годы. Табенкин безоглядно поддался влиянию большевистской революции и не принял резкой критики Берла в отношении ее. В споре между Сталиным и Троцким Берл встал на сторону Троцкого, а Табенкин был склонен верить Сталину.

Табенкин не был тогда марксистом, но тяготел к гораздо более радикальным социальным позициям, чем Берл. Воззрения Табенкина на природу классового общества, на классовую борьбу, его призывы к войне рабочих против других слоев еврейского народа находились в резком противоречии с подходом Берла.

Их разногласия отражали и различия темпераментов. Табенкин любил рассказывать, как в годы Киннерета они с Берлом часто слонялись в субботние дни по полям, окружавшим киннеретский двор. Наткнувшись на каменную изгородь, Табенкин инстинктивно пытался перебраться через нее, а Берл обходил кругом.

Можно сказать, что со временем подход Берла к действительности стал проще, естественнее, Табенкин же полностью слился со своим созданием — Ха-киббуц ха-меухад. Если ему и казалось, что он готов подключить Берла на правах личного друга к руководству "Киббуцом", то в глубине души он не мог отказаться от главенства в своей епархии.

Продолжая употреблять понятия "общей цели", "общего пути", которыми издавна пользовались они с Берлом, Табенкин фактически мыслил категориями группы, а к группе этой Берл не принадлежал. Стремление Берла подчинить группу общему делу, часть — целому, представлялось Табенкину оправданным, а потому он поддержал идею создания молодежного центра. Но когда потребовалось подкрепить эту

поддержку "твердой валютой" — отказом от духовного руководства молодежью со стороны "Киббуца" — Табенкин оказался не в состоянии пойти на это.

Берл же со страхом следил за тем, как в Ха-киббуц ха-меухад развиваются те же признаки, которые в свое время характеризовали Гдуд ха-авода. Самый важный урок, который вынес Берл из раскола в Гдуд ха-авода и отъезда части его членов в СССР, заключался в том, что халуцианство не является гарантией от измены сионизму. Единственным средством защиты в грозную пору разгула левацкой эпидемии была, по мнению Берла, глубинная связь с широким, массовым движением, признание его политического и духовного авторитета.

А теперь в Ха-киббуц ха-меухад начался процесс обособления от общего рабочего движения, сопровождавшийся растущим преклонением перед Советским Союзом и его революционной символикой. Как когда-то в Гдуд ха-авода, теперь в Ха-киббуц ха-меухад появилось собственное руководство. Как когда-то Гдуд ха-авода, "Киббуц" считал себя авангардом рабочего движения, воплощающим в жизнь идеалы, принятые всеми. В нем, так же, как в свое время в Гдуд ха-авода, развилось чувство превосходства. Ха-киббуц ха-меухад утверждал, что, в отличие от Гдуд ха-авода, он верен широкому рабочему движению. Но с тех пор, как "Киббуц" стал пренебрегать авторитетом общего руководства, увливать от исполнения его решений, по мнению Берла, у "Киббуца", в сущности, не осталось никакой защиты от разрушительных сепаратистских тенденций. Берл часто повторял: "Я уверен в верности Табенкина идеям социалистического сионизма. Но по какому пути пойдут его ученики?"

Ко всему к этому у Берла присоединилось чувство личной обиды, унижения, обмана, боль из-за разбитой дружбы, наконец, вполне реальный страх за будущее Ха-киббуц ха-меухад и всего движения. Провал молодежного центра был не только поражени-

ем Берла как человека и вождя. В его истории отразилось значительное ослабление объединительных тенденций в рабочем движении и нарастание в нем тенденций центробежных. Этим последним Берл объявил теперь войну.

**”Возражения против существующего
положения вещей”
1935 – 1939**

В 1935 году исполнилось 25 лет постоянному еврейскому поселению на землях Умм-Джун, знаменитой Дгании. Этот день стал праздником киббуцного движения. Среди торжественных церемоний, в которых приняли участие все ”отцы-основатели”, Берл подложил бомбу замедленного действия, не забыв, как и подобало в праздничный день, упаковать ее в виде изящной бонбоньерки и перевязать разноцветными лентами. Он написал письмо ”К членам Дгании”, начав его с воспоминаний о славном минувшем и окончив постановкой задач текущего момента. Немного найдется исторических документов, способных так очаровать читателя, как это письмо Берла.

Дарования Берла-публициста, Берла — историка рабочего движения Эрец-Исраэль и Берла-психолога, ”ловца душ”, соединились воедино в рассказе о первых днях Дгании, рассказе очень личном, написанном под углом зрения молодого, только что приехавшего в Эрец Берла. С увлечением и любовью, в которых просвечивает немалая доля ностальгии, рисует Берл неповторимые черты строящейся Дгании на фоне многих поселений Второй алии.

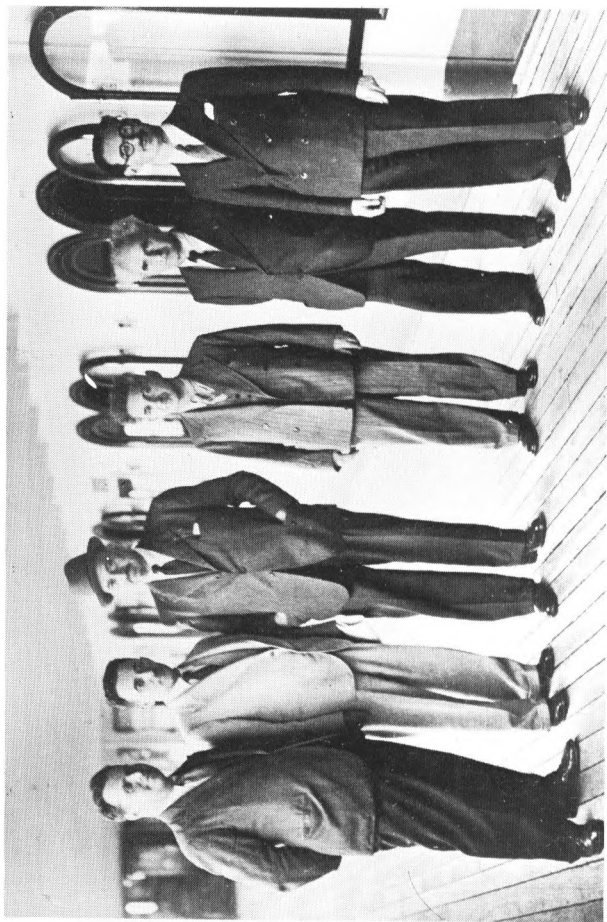
Берл не идеализировал прошлого, в письме встречается немало намеков, напоминающих осведомленному читателю о событиях, которые лучше было бы замолчать, но намеки эти брошены так умело, что лишь ветераны Второй алии способны были понять

Берл во время посещения Дгани. 1936.

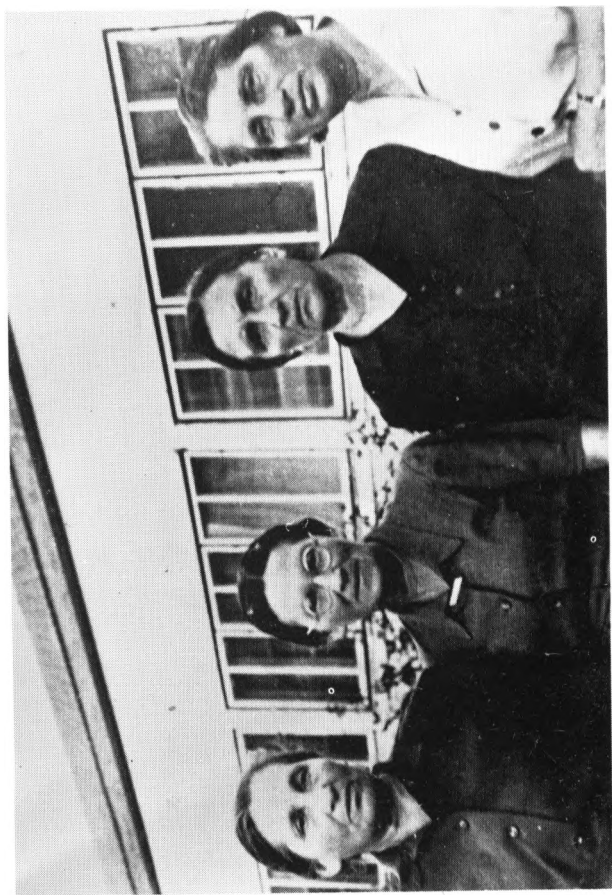
Берл в групле учасників поездки в Акведу. Апрель 1933.

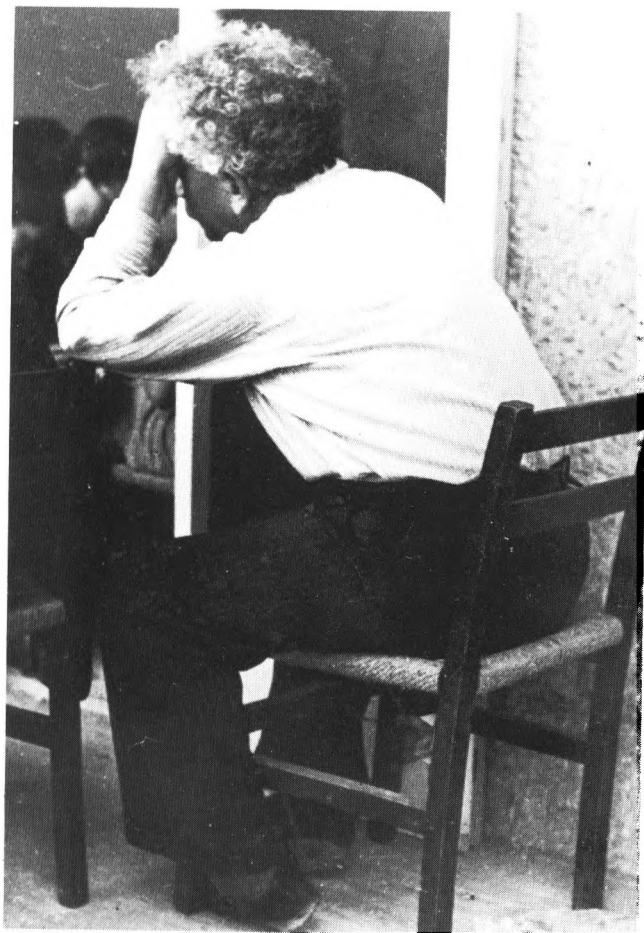
Берл среди участников сионистского конгресса. 1935.

Берл среди участников месячного семинара в Реховоте. Апрель 1941.

Сестры Мерон: Блюма, Лея, Рахел и Зехавя.

Берл в своей комнате в период месячного семинара. Реховот, апрель 1941.

Берл читает о прорыве в Эль-Аламейне во время совещания в Кфар-Виткин. 1942.

Берл с маленькой дочерью Ципоры Махат (фотография сделана примерно за неделю до смерти Берла).

их тайный смысл. Письмо Берла вылилось из любящего сердца и написано оно рукой искусного мастера.

Но изящная упаковка — взволнованный рассказ о прошлом — служила лишь оболочкой главной мысли письма Берла, имевшей предельно актуальное значение. Берл призывал к объединению киббуцного движения. Он выдвигал два главных положения. Первое: несмотря на различия в оттенках и стиле, киббуцное движение, по существу, едино, его внутреннее единство важнее частных различий и потому объединение возможно. Второе: халуцианскому отряду принадлежит в рабочем движении нравственная и социальная гегемония, но раскол внутри киббуцного движения мешает ему осуществлять эту гегемонию, а потому объединение жизненно необходимо.

Поселенческие организации: Ха-киббуц ха-меухад, Хевер ха-квуцот, объединившийся с "Гордонией", а также Объединение мошавов и Ха-шомер ха-цаир занимаются каждый своими делами, решают собственные задачи и не выполняют своей главной миссии — служить направляющей силой всего рабочего движения.

Письмо это было опубликовано в "Давар" 23 октября 1935 года, то есть примерно через три недели после того, как Берл послал Галили "письмо развода" о своем уходе из молодежного центра. Берл не удовольствовался единичным, хотя и патетическим обращением. С энергией, заставлявшей вспомнить о былых днях, принялся он убеждать всех и каждого в справедливости выдвинутого им требования об объединении киббуцного движения, в насущной необходимости этого шага.

Он без устали разъезжал по молодым и старым киббуцам, уделяя особое внимание киббуцам, входящим в Ха-киббуц ха-меухад, и наконец, через несколько месяцев после того, как поставленный им вопрос привел в состояние брожения все киббуцное движение, Берл засел за писание новой работы. Она

была напечатана в "Давар" в течение пасхальной недели 1936 года в виде серии статей под общим заголовком "Возражения против существующего положения вещей".

Если поездка Берла в Польшу, состоявшаяся в 1933 году, оказалась вехой в его отношениях с Ха-киббуц ха-меухад, то "Возражения" перевели латентный конфликт в явный. "Возражения" содержали протест против отношений, наметившихся между отдельными членами киббуцов и обществом киббуца в целом, между разными киббуцными организациями, а также между ними и широким рабочим движением, представителями которого являлись партия Мапай и Гистадрут.

Берл изображал раскол между киббуцными организациями как источник всех болезней, подрывающих корни киббуцного движения, грозящих гибелью не только ему, но и всему рабочему движению.

Изолированность киббуцных объединений друг от друга приводит к тому, что творческая энергия их членов направляется на процветание лишь "собственного" объединения. Местнический патриотизм выхолащивает изнутри общие учреждения, утверждал Берл. Люди испытывают чувство преданности и верности к "собственному" объединению, самоотверженно работают в нем, но забывают, что они являются участниками великого общего дела. И когда кто-нибудь вдруг выступит с какой-то ценной инициативой в рамках целого движения, он быстро ощутит свою беспомощность. "В таком случае, — продолжает Берл, явно имея в виду себя, — отдельные люди, не принадлежащие к какому-либо объединению, но замешанные в общем деле, окажутся в положении вопиющих в пустыне; напрасно будут они пытаться расшевелить общественность, она останется глуха к их призывам. Электрическая цепь между душами людей не замкнется".

Конкурентная борьба между различными организациями становилась все более неотвратимой по мере

того, как истинные различия между ними шли на убыль.

Пока Хевер ха-квуцот сохранял верность своим исходным рамкам ограниченных по составу "органичных" киббуцов, его интересы не противоречили стремлениям Ха-киббуц ха-меухад к постоянному расширению. Но с тех пор, как вкусы руководства Хевер ха-квуцот переменялись и оно стало считать численный рост своих членов делом неизбежным и даже желательным, он оказался на грани столкновения с Ха-киббуц ха-меухад.

Первой стадией этого столкновения стала борьба за людские резервы, то есть за Хе-халуц, являвшийся источником пополнения для существующих и будущих киббуцов. Началась война за душу молодых халуцов, которые еще до приезда в Эрец и знакомства с ее обычаями уже досконально знали все преимущества одного объединения и все недостатки другого.

Так были отравлены отношения между членами одного движения, одной партии. Сперва в диаспоре, а потом и в Эрец создалась ненормальная атмосфера, когда члены различных киббуцных объединений пустились чернить друг друга и строить друг другу козни. Человека стали оценивать не по его способностям, а по тому, к какой организации он принадлежит.

Чем более сплоченными и замкнутыми делались киббуцные объединения, тем сильнее становилось "коллективное чванство". Киббуцные объединения стали присваивать себе функции, выходящие за рамки деятельности киббуцов. "Страсть к идеологической и политической самостоятельности появилась прежде, чем возникла ее идейная зрелость. Страсть эта послужила группам киббуцов поводом к борьбе за независимость", — писал тогда Берл.

Описанный Берлом процесс начался в киббуцах, созданных Третьей алией. Первым на этот путь встал Гдуд ха-авода, а затем Ха-шомер ха-цаир, который четко сформулировал вывод, вытекающий из данного процесса, а именно понятие "идейного

коллективизма". Оно означало, что киббуц как коллектив вырабатывает определенную позицию по общественным и политическим вопросам, после чего позиция эта становится обязательной для членов данного киббуца. В свое время Хевер ха-квуцот и Ха-киббуц ха-меухад резко возражали против "идейного коллективизма", но теперь, утверждал Берл, они сами приблизились к этой установке.

Киббуц превратился в партию, обладающую собственными воззрениями по широкому кругу политических и духовных вопросов. Киббуц стал не только представлять своих членов в хозяйственных и общественных делах, он превратился в их уполномоченного в сфере политики и идеологии. Берл видел в этом опасность разрушения жизненной ткани киббуцов страны. Если обычный человек может, проснувшись в одно прекрасное утро, изменить свои взгляды и выйти из партии, к которой принадлежал, члену киббуца этого уже не дано. А если он не будет разделять мнений и убеждений своих товарищей по киббуцу, он окажется лишенным дома, работы, средств к существованию, общества людей, среди которых живет.

И тогда случится одно из двух. Либо человек пожертвует самостоятельным образом мысли и примет приговор "идейного коллективизма", а коллектив тем самым перестанет способствовать возвышению человека, на которое он претендовал, и станет душить свободу индивидуума, превращая его в "идеологического робота". Либо человек будет изгнан из своего дома, из хозяйства, в которое вложил все силы души, по причине политических или идеологических расхождений с мнением большинства.

Берл не игнорировал необходимости общих идейных основ, но сводил их к главным принципам: "Освобождение еврейского народа от галутного рабства, социалистические идеалы, халуцианство, возрождение иврита, единство трудящихся". Все остальное остается на усмотрение разума и сердца каждого

человека и не нуждается в коллективном подходе.

Борясь против "затмения светил" киббуцного движения, вызванного его расколом, Берл призывал к слому существующих перегородок и объединению движения. Он не выдвигал подробной платформы, не предлагал конкретного пути объединения. Берл ратовал за объединение без предварительных условий, подобное тому, которое когда-то породило Ахдут ха-авода. Начало единения заключается во внутренней готовности людей сломать разделяющие их перегородки, в подлинном товариществе, во взаимном доверии.

"Возражения" были обращены против отрицательных тенденций киббуцного движения в целом, однако было сразу ясно, что Берл в первую очередь метит в Ха-киббуц ха-меухад и Хевер ха-квуцот, оставляя для ровного счета Ха-шомер ха-цаир в стороне. Объединение, к которому стремился Берл на данном этапе, охватывало киббуцные организации внутри Мапай. Внешне Берл обращался в равной мере к обеим киббуцным организациям, но острие его требования было направлено в Ха-киббуц ха-меухад.

Хевер ха-квуцот, объединившийся в 1934 году с "Гордонией", являлся младшим партнером планируемого Берлом объединенного движения. В Хевер ха-квуцот состояло около 2000 человек, то есть около трети состава Ха-киббуц ха-меухад. Слабость Хевер ха-квуцот особенно бросалась в глаза на фоне различной ментальности двух организаций. "Хевер" тяготел к осторожности в обещаниях, к постепенности действий, он был начисто лишен бурного напора, стремления напряжением последних сил добиться всего возможного и даже невозможного, характерных для Киббуц ха-меухад.

Кроме того, Хевер ха-квуцот никогда не был так дорог Берлу, как Ха-киббуц ха-меухад. Не случайно поселилась семья Берла в Эйн-Хароде, не случайно там жили его друзья. Подобно тому, как в годы Второй алии Берл нашел свое место не в замкнутой

Дгании, а в продуваемом насквозь Киннерете, так и теперь ему были по душе буря и натиск "Киббуца", а не плавнотекущие воды Хевер ха-квуцот.

Берла тянуло к таким людям, которые подобрались в Ха-киббуц ха-меухад, — отважным, бесконечно преданным делу, обладающим душевным спокойствием. Как когда-то Берла привлекали лишь немногие из приверженцев Ха-позл ха-цаир, так и теперь он был на короткую ногу с немногими членами Хевер ха-квуцот. Происходило это практически по тем же причинам, главной из которых было различие темпераментов.

После объединения "Хевера" с "Гордонией" Берл еще больше отдалился от него. Похоже, отношение Берла к "Гордонии" напоминало его прошлые отношения с Ха-шомер ха-цаир и Гдуд ха-авода. Берлу не удавалось найти общий язык с группировками, руководство которых сформировалось еще в диаспоре, не удавалось оказать на них влияния.

Лидер "Гордонии" Пинхас Лубяникер (Лавон), как и руководители Ха-шомер ха-цаир, сохранял независимость и не желал подчиняться деятелям Второй алии. А подозрительный Берл не проникся доверием к "юному гению" из "Гордонии". Согласно одному свидетельству, Берл вынес Лубяникеру такой приговор: "Блестящий ум и темная душа". Несмотря на то, что руководство "Гордонии" занимало близкие Берлу позиции по вопросу о применении насилия, о соглашениях с ревизионистами, о трудовых отношениях и национальном согласии, между ними так и не возникло настоящей душевной близости, а ведь именно это было для Берла важнее всего.

Берл хорошо знал, что выдвинутое им требование об объединении киббуцного движения могло — и с гораздо большей долей вероятности — привести не к объединению, а к обострению существующих разногласий и, может быть, даже к расколу в Мапай. Ему было ясно, что руководство "Киббуца" не примет идею объединения, противоречащую практике послед-

них лет его деятельности.

Избранный Берлом путь — открытый призыв к объединению со страниц "Давар" — показывает, что он предпочел идти напролом, поверх голов руководителей "Киббуца", предпочел вызвать широкую дискуссию, надеясь на поддержку рядовых членов Ха-киббуц ха-меухад и зная, что сплоченное, уверенное в своей силе руководство "Киббуца" такой поддержки ему не окажет. Принимая такое решение, Берл отдавал себе полный отчет в том, что он идет к открытому столкновению с руководством "Киббуца", а быть может, вступает на путь, с которого не будет возврата.

Что же толкнуло Берла на такой опасный шаг? В первую очередь, глубокие причины, затрагивающие самое существо рабочего движения. Берл сознавал, как возросла мощь партийного и гистадрутовского аппарата. Он считал аппарат необходимым злом, без которого невозможно представить себе деятельность политических организаций. В то же время Берлу были глубоко противны люди, составлявшие этот аппарат, — их интеллектуальный, а еще более их моральный уровень. Он видел присущий им карьеризм, оппортунизм, подхалимство и наглость.

Киббуцное же движение Берл считал источником, из которого партия будет в будущем черпать руководящие кадры. Он надеялся, что киббуцы дадут партии бескорыстных людей, которые постепенно вырастут, разовьются в настоящих руководителей и унаследуют идеи Берла и других "отцов-основателей".

Формирование в партии группировок означало в перспективе крушение этих планов. С одной стороны, в "Киббуце" наметилась тенденция к замкнутости и отчуждению от жизни общего рабочего движения, а с другой стороны, в результате этого Мапай из халуцианской партии все отчетливее превращалась в партию аппаратчиков.

"Киббуц" и остальное рабочее движение должны

были воздействовать друг на друга. Без участия в общепартийной работе члены Ха-киббуц ха-меухад были обречены на общественное бесплодие, партия же без их поддержки катилась к вырождению. Осознание необходимости такой взаимосвязи между партией и "Киббуцом", видимо, и заставило Берла объявить войну за объединение киббуцного движения.

Объединение являлось для Берла тем архимедовым рычагом, с помощью которого он надеялся возродить все рабочее движение. Но он понимал, что если его надежды не оправдаются, рабочее движение обречено на разрушение.

Реакция руководства "Киббуца" на призыв Берла была враждебной. Еще до публикации берловских "Возражений" Таршиш в частном письме информировал Табенкина о намерениях Берла. Он интерпретировал призыв Берла к объединению киббуцного движения как объявление открытой войны против "Киббуца", требующее ответных обдуманных и энергичных действий без всякой "сентиментальности", питающейся воспоминаниями о прошлом и преклонением перед личностью Берла.

Секретариат Ха-киббуц ха-меухад, по-видимому, уклонялся от открытой дискуссии с Берлом. В конце концов Берл прямо написал в секретариат "Киббуца": "Если вы не приглашаете меня, то я приглашаю вас", — но и этот вызов остался без ответа. Желанная дискуссия так и не состоялась. Быть может, руководители "Киббуца" надеялись на то, что, если игнорировать требование Берла, не ставить его на повестку дня, оно само собой тихо угаснет. Быть может, они рассчитывали, что, продемонстрировав Берлу свое раздражение, они избегнут открытого столкновения с ним. Но Берл не обратил внимания на эти сигналы и напечатал "Возражения" на страницах "Давар".

"Возражения" принадлежат к лучшим образцам полемической публицистики Берла — в них царствует прозрачная ясность стиля, свободного от выпренности.

сти, от полувысказанных личных намеков. Берл пользуется отточенной иронией, нигде не скатываясь к сарказму, прибегает к историографии рабочего движения Эрец, не впадая в ностальгический тон. Это плод зрелой политической мысли. Думается, полемика, продолжавшаяся немало лет после опубликования "Возражений", не выявила никаких дополнительных аспектов проблемы, не рассмотренных в этой работе.

Берлу не повезло: через считанные дни после публикации "Возражений" вспыхнули беспорядки 1936 года, переключившие внимание общественности с внутренних вопросов рабочего движения на жизненно важные внешнеполитические проблемы. Открытая широкая дискуссия, о которой мечтал Берл, так и не состоялась. В "Давар" было напечатано несколько статей в поддержку объединения киббуцного движения, но потом все завертелось в вихре обороны против арабского восстания, борьбы за срыв всеобщей забастовки, объявленной арабами, и вопрос об объединении оказался задвинутым в долгий ящик.

Тем не менее положение Берла в партии было не таково, чтобы от его предложения можно было просто отмахнуться. Оно вызвало волну живого интереса, пусть официальные каналы полемики и оставались перекрытыми по вине руководства Ха-киббуц ха-меухад. Призыв к объединению продолжал подспудно будоражить массы, находил себе сторонников.

В середине сентября 1936 года Берл отправился в командировку в Лондон (смотри следующую главу). Через несколько недель после его отъезда в Ягуре состоялась конференция Ха-киббуц ха-меухад на уровне съезда (2—7 октября 1936 года). Вопрос об объединении был включен в его повестку дня лишь в последний момент — по всей вероятности, для того, чтобы предотвратить предварительное обсуждение этого вопроса в киббуцах.

Похоже, секретариат "Киббуца" надеялся, что

после кратких и решительных дебатов будет почти единогласно принята резолюция, отвергающая объединение, и, таким образом, слабое чужеродное растение, посаженное Берлом в киббуцную почву, погибнет раз и навсегда.

В поддержку объединения выступил Бен-Ашер и Элизер Ливенштейн из Эйн-Харода, который и так уже успел навлечь на себя гнев товарищей своей надменностью, а еще более того — тем, что поставил знак равенства между фашистской Германией и Советским Союзом.

Несмотря на слабость оппозиции, которая не успела сплотиться, организовать, сформулировать свою платформу, а ограничилась лишь внесением предложения о развертывании широкой разъяснительной работы во всех отделениях киббуцного движения, за нее проголосовала треть членов Совета. Предложение это было отклонено двумя третями голосов, поданными за проект резолюции, внесенный секретариатом "Киббуца". Учитывая колоссальный авторитет секретариата и исключительное положение Табенкина в Ха-киббуц ха-меухад, а также слабость оппозиции и краткость срока, отведенного на прения, не оставлявшего возможности для убеждения аудитории, следует признать результаты голосования частичной победой сторонников Берла, пошатнувшей доселе незыблемый авторитет секретариата.

Руководство Ха-киббуц ха-меухад надеялось окончательно снять вопрос об объединении с повестки дня, но голосование в Ягуре показывало, что значительная часть членов "Киббуца" не пойдет на это. По окончании конференции сторонник объединения Хаим Бен-Ашер в беседе с Бейлинсоном рьяно доказывал, что если бы на Совете была правильно поставлена разъяснительная работа, можно было бы добиться объединения в течение двухлетнего срока.

1937 год был богат политическими событиями. Комиссия Пиля, предложившая план раздела Палестины, и полемика вокруг него. Сионистский конгресс

в Цюрихе и сопутствовавшие ему конференции. В этот год серьезно ухудшилось состояние здоровья Берла. Ему не хватало времени на внутренние вопросы рабочего движения, так как он был поглощен внешнеполитическими делами. Однако он продолжал внимательно следить за происходящим в Ха-киббуц ха-меухад.

К нему стекались тревожные сообщения о положении, сложившемся в воспитательной работе "Киббуца". Больше всего беспокоили Берла известия о том, что в "Киббуце" развивается культ Советского Союза. Страсть к Советской России была тогда широко распространена в Эрец, она то шла на убыль, то снова разгоралась, но всегда составляла существенный элемент мировоззрения многих членов Мапай, а особенно тех из них, кто входил в объединение Ха-киббуц ха-меухад.

В России как раз в те дни проходила очередная чистка и показательный процесс над старыми большевиками Каменевым и Зиновьевым. "Давар" занял резко критическую позицию в отношении этого процесса, свидетельствовавшего о вырождении русской революции, о полном презрении к человеческому достоинству и господстве в СССР жестоких нравов инквизиции. Такая позиция газеты вызвала возмущение некоторых членов "Киббуца".

Один из них, Левитэ, киббуцник из Эйн-Харода, написал в редакцию "Давар" гневное письмо, утверждая, что подобная критика в адрес Советского Союза со стороны рабочей газеты "является прискорбным свидетельством падения уровня социалистического классового сознания в нашей среде". Левитэ и его товарищи не закрывали глаза на антиссионистские установки Советского Союза. Однако они надеялись, что установки эти временные, что они изменятся под влиянием социалистического строительства в Эрец. Советский Союз представлялся им маяком свободы и прогресса, выдерживающим напор поднимающегося против него мутного вала мирового фашизма.

Людам другого поколения, не пережившим тогдашней истовой веры в правоту Советской России, трудно понять души тех безоглядных приверженцев СССР. Исступленная вера доводила их до слепоты, мешала видеть реально происходящие в Советской России процессы и побуждала относиться к любой критике Кремля как к враждебным, антипролетарским проискам. Эта слепая вера заставляла их смиряться с жестокими приговорами, вынесенными на "показательных процессах".

"Лес рубят — щепки летят", — повторяли Левитэ и его товарищи, узнавая о новых свидетельствах преследования старых большевиков в СССР. Революция была для них важнее человека, будущее — важнее настоящего, а за этими утверждениями незаметно прокралось в их мировоззрение пренебрежение к гуманизму — ибо это "другая этика", и потому нечего нежничать, принуждение — лучший способ управления обществом.

Для Берла подобные тенденции означали измену идеалам гуманного социализма. Мы уже упоминали о постоянной борьбе Берла против тоталитарных учений справа и слева. Теперь к этой идейной борьбе присоединилось опасение за судьбу второго поколения "Киббуца".

Чем неистовее клялись члены "Киббуца" в верности Советскому Союзу, несмотря на все его ошибки, тем более тяготел Берл к противоположному полюсу. Чем более догматичным и замкнутым становилось воспитание в Ха-киббуц ха-меухад, тем яростнее стремился Берл к демократии и открытости. Чем более односторонними и фанатичными делались уставки "Киббуца", тем старательнее подчеркивал Берл важность умения сомневаться, видеть обратную сторону вещей.

Пожалуй, в споре с "Киббуцом" и Табенкиным по вопросу об объединении киббуцного движения, являвшимся, по существу, спором об отношении к гуманизму и социализму, о путях воспитания, —

завершилось и воспитание самого Берла. Проблемы, стоявшие в центре этого спора, заставили Берла с предельной ясностью сформулировать свое кредо. Если в начале двадцатых годов Берл не видел основополагающей ценности демократии, то теперь, когда ее попирали справа и слева, значение демократических идей неизмеримо возросло в его глазах.

Упрямо игнорируя господствовавшие настроения тогдашнего периода, а может быть, именно из-за них, — провозглашал Берл свою верность такому социализму, который превыше всего ставит человека, для которого средства являются составной частью главной цели.

Более, чем когда-либо прежде, настаивал Берл на том, что процесс воспитания базируется на свободном выборе воспитанника, которому раскрываются разные точки зрения. Берл тоже стремился к тому, чтобы молодежь пошла по его пути, которому он был предан не менее, чем его противники — своему. Но сами цели, которых желал достичь Берл в результате процесса воспитания, обязывали его избрать иную, чем у его противников, систему воспитания.

Их методы состояли, с одной стороны, из все более усердной накачки, с другой — из коллективного бойкота отступников. Берл же ставил на первое место свободу выбора, свободу мысли.

С февраля по декабрь 1937 года Берл, не считая трехнедельного перерыва, находился за границей. После его возвращения началась серия бесед между тремя вождями Ахдут ха-авода — Берлом, Табенкиным и Бен-Гурионом, проходивших в течение января 1938 года. К величайшему сожалению, Берл не заносил в дневник темы этих бесед. Есть, однако, основания полагать, что обсуждались внутренние вопросы партийной жизни, в том числе вопросы объединения киббуцного движения.

Люди Второй алии считали, что открытая полемика, проясняющая позиции всех и обнажающая все взгляды в огне взаимной критики, приводит в конце концов

к тому взаимопониманию и сближению душ, которое роднит отдельные, самостоятельно мыслящие личности и объединяет их в сплоченное и действенное руководящее ядро. Здесь сказывались, вероятно, традиции российского революционного движения.

Беседы между тремя вождями (не случайно Шпринцак, как будто равный им по положению, не был приглашен участвовать в них) проводились в рамках подготовки к съезду партии, который должен был собраться вскоре. Все надеялись, что широкая дискуссия на съезде очистит атмосферу в партии и сблизит ее членов между собой. Но ход развития событий изменил направление партийной жизни.

Уже во время бесед между тремя лидерами появились признаки, указывающие на опасность проведения широкой дискуссии. Чем яснее вырисовывались главные проблемы, тем резче обозначались противоречия взглядов. Берл требовал объединения киббуцного движения, а также слияния "Маханот олим" с "Гордонией". Табенкин отстаивал традиционные позиции "Киббуца": объединение — да, но на основах большого и растущего киббуца. Политическую линию должен определять авангард движения, а не его слабые отряды. Действительно, в рабочем движении имеются различные группировки. Они представляют существующие в нем принципиально разные течения. Такое различие оттенков не только законно, но жизненно важно для массовой рабочей партии.

Бен-Гурион рассматривал эту проблему с организационной точки зрения: группировки порождают в партии разброд, мешают действенной работе. Бен-Гурион требовал признания высшего авторитета партии и подчинения ему всех инструкторов, работающих по заданию Ха-киббуц ха-меухад в Хе-халуце, отмену широких полномочий "Киббуца" и, в конечном итоге, самоликвидации духовного центра, сложившегося в "Киббуце" в внутривнутрипартийную организацию, ибо он препятствует единству партии.

Концепция Бен-Гуриона исходила из того, что партия является орудием, острота которого притупляется, если в ней появляется конкурирующий организационный центр. Можно также предположить, что Бен-Гурион просто был раздражен против "Киббуца", который дважды — в вопросе соглашения с ревизионистами и в вопросе раздела Палестины — возглавлял лагерь его противников. Ко всему этому присоединялась инстинктивная склонность Бен-Гуриона защищать Берла. Вопрос объединения киббуцного движения являлся решающим для дальнейшей работы Берла в партии, даже если пока это не было столь четко сформулировано.

Бен-Гурион вникал в суть проблем, которые всегда были далеки от него, которыми он никогда не занимался, как, например, проблема духовного центра в Ха-киббуц ха-меухад или работа "Киббуца" в Хе-халуце. Он пытался воздействовать на лидеров "Киббуца" и даже заговаривал о возможности воскресения молодежного центра под руководством Берла. Все это — лишь для того, чтобы успокоить Берла. Беседы трех бывших вождей Ахдут ха-авода не принесли желанных результатов. Каждый из них остался при своем мнении. И пока Бен-Гурион пробовал свои силы, прибегая к прямому давлению на руководство "Киббуца", Берл прибег к более изощренной тактике.

Он использовал всякую возможность, чтобы поговорить с людьми из трудовых поселений, особенно с членами Ха-киббуц ха-меухад. Основную энергию он направил на работу среди молодежи. Он старался принимать участие во всех молодежных собраниях от семинара "Бахарут" (союз социалистической молодежи) до съезда рабочей молодежи. Наиболее важным из них был слет организации "Маханот олим", состоявшийся в Бет ха-шита.

Участники съезда, которые и по темпераменту, и по мировоззрению были близки к Ха-киббуц ха-меухад и находились под сильным влиянием инструкторо-

ров "Киббуца", приняли выдвинутый Берлом лозунг объединения. Взрослые люди склонны к компромиссам между общепринятыми положениями и претворением их в жизнь. Иначе ведет себя идеалистически настроенная молодежь. Доводы Берла в защиту органического единства киббуцного движения, его яростные нападки на уродливую и презренную междоусобицу овладели сердцами молодежи.

В пользу Берла сыграло несколько обстоятельств. Во-первых, после долгих колебаний и почти против воли, руководство Ха-киббуц ха-меухад направило Хаима Бен-Ашера инструктором в "Маханот олим". Человек широких взглядов, прекрасно разбирающийся в разнообразных явлениях культуры — от Платона до Ницше, — он сумел очаровать образованную молодежь и подготовить целое поколение молодых руководителей "Маханот олим", которое восприняло принципы Берла в отношении рабочего и киббуцного движений в Эрец.

Во-вторых, поддержка идеи Берла об объединении отдавала бунтом против ветеранов из "Маханот олим". Естественно, что молодая поросль организации стремилась доказать свою самостоятельность, противореча мнению более старшего поколения. Наконец, юному отряду "Маханот олим" легче было подчиняться далекому и общему руководству Гистадрута, нежели близкому и временами тягостному руководству секретариата "Киббуца".

Все эти факторы соединились воедино, и слет выступил с призывом к объединению всех халуцианских молодежных организаций: "Маханот олим", "Гордонии", Ха-шомер ха-цаир и, главным образом, двух первых, проповедующих идеалы одной и той же партии — Мапай. Для Берла это была минута душевного удовлетворения.

Вместе с тем Берл без устали пытался оказать влияние на членов Ха-киббуц ха-меухад. Он принял участие в работе конференции активистов "Киббуца" в Гиват ха-Шлоша. Берл поддерживал непрерывную

связь с Хаимом Бен-Ашером, возглавившим борьбу за объединение внутри "Киббуца". Кроме того, он наладил отношения с Ясей Семптор, являвшейся прекрасным оратором, и Энцо Серени, который также присоединился к лагерю Берла. Берл даже не поленился приехать на пасхальный седер в Гиват-Бреннер, чтобы встретить праздник в цитадели Ха-киббуц ха-меухад. Да и узы личной близости, с давних пор связывавшие их с Табенкиным, продолжали держаться, хоть и несколько ослабели. Он оставался для Берла прежним "Ицхаком", и с глазу на глаз они могли еще вести задушевные разговоры.

Настроение Берла стало переменчивым, он быстро переходил от оптимизма к пессимизму. Видимо, в месяцы, предшествовавшие съезду Мапай (начало 1938 года), Берл еще надеялся на оздоровление партии тем или иным способом, на возврат к ее внутреннему единству. В какой-то момент казалось, что даже Ха-шомер ха-цаир склоняется к идее единства, что объединение с ним не за горами.

Но все эти надежды быстро рассеялись. В начале мая 1938 года в Реховоте состоялся съезд Мапай. До его формального открытия Берл провел серию консультаций с ведущими членами партии. За два дня до открытия съезда Бен-Гурион провел еще одну "приватную" консультацию, на которой обсуждались вопросы существования различных группировок внутри партии. Несмотря на все эти усилия, Мапай пришла к съезду без предварительного соглашения между группировками и фракциями.

Съезд был многолюдным. Четыреста делегатов представляли 18 000 членов партии. Приветствовать самую широкую партию сионистского движения и ишува прибыли многочисленные гости. Как повелось издавна, съезд открыл Берл. Он с первых же слов определил главную тему съезда, потребовав единства партии.

Предложенный Берлом план охватывал объединение киббуцного движения, объединение молодежных орга-

низаций и учреждение училища для подготовки молодой смены партийных кадров. Эта последняя идея, как мы помним, не давала Берлу покоя уже несколько лет. Теперь он включил ее в свой план объединения. Воспитательное учреждение, где будут вместе воспитываться представители ряда группировок и течений, поможет стереть различия между ними и тем самым послужит делу единства. Берл воздержался от полемики и саркастических ноток, стараясь придать своему предложению-требованию оттенок умеренности и терпимости.

Не успел Берл закончить свое выступление, как для участия в прениях записалось 120 человек. Президиум, под давлением небывалого напора желающих взять слово, установил регламент в 15 минут. Вскоре выяснилось, что делегаты записывались в прения по поручению своих фракций. Поэтому был выработан особый распорядок, разделивший ораторов по "происхождению": представители городов, мошавов, поселенческих организаций. Этот распорядок соблюдался и в комиссиях, избранных съездом. Когда слово просил кто-нибудь из "оппозиционеров" Ха-киббуц ха-меухад, начинался торг вокруг того, чьи мнения и интересы он представляет.

Умеренность Берла не передалась последующим ораторам. Один из делегатов так определил господствовавший на съезде стиль: "Все невероятно усердствовали в самобичевании, которое на поверку было направлено против других членов партии, почему-то представлявшихся им врагами. Под видом самокритики на самом деле бичевали несостоятельность соперников".

Началась война всех против всех: "Хевер ха-квуцот" против Ха-киббуц ха-меухад, представители городских рабочих против представителей трудового поселенчества, а временами и между членами одной и той же группировки. А среди всех этих партийных распрей толклись "дикари" — независимые делегаты, — страдавшие разлитием желчи оттого, что их

лишали права выступать или возможности пройти в Совет партии или Центральный комитет.

Ха-киббуц ха-меухад избрал тактику, основанную на принципе "лучший способ обороны — это нападение". Стержнем этой тактики было: держись с высоко поднятой головой, не допусти, чтобы тебя посадили на скамью обвиняемых. Берл требовал объединения киббуцного движения ради оздоровления партии, восстановления ее единства, а представители "Киббуца" хором отвечали: "Между этими двумя вещами нет никакой связи. Где была партия все последние годы? Дело вовсе не в том, что разные группировки вмешиваются в работу партии и Гистадрута. Как раз наоборот — последние перестали заниматься жизненными вопросами рабочего движения".

Стремясь переключить дебаты с внутренних проблем, Табенкин заявил, что в центре внимания делегатов съезда должны стоять совсем другие неотложные вопросы. Он требовал детального обсуждения политических проблем — переговоров с Англией и арабами; просчетов в работе Гистадрута, обусловленных экономическим кризисом и классовой дифференциацией, угрожающей единству Гистадрута; вопросов внутрипартийной демократии и тенденций партийного руководства к превышению власти. В прениях часто повторялось утверждение о том, что группировки и фракции размножились в рабочем движении именно потому, что люди были лишены возможности вести открытый диалог, в ходе которого разногласия сгладились бы сами собой.

Представители "Киббуца" дружно обвиняли "руководителей партии" (определение, за которым скрывались Берл и Бен-Гурион) в превышении власти и вместе с этим ее недостаточной действенности руководства. Все они хором требовали, чтобы "руководители партии" глубже вникали в жизнь рабочего движения и в то же время не вмешивались в дела поселенческих организаций, которые являются под-

линными выразителями "общей воли" рабочего класса.

В выступлениях делегатов "Киббуца" красной нитью проходил мотив "оскорбления". Первой подняла эту тему Хума Хаят, взволнованно говорившая о том, какое сильное чувство оскорбления испытала она при чтении "Возражений против существующего положения вещей". Берл отвечал ей: "Что же мне было делать? Выходит, нельзя публично рассказать о своих размышлениях потому, что существуют чувствительные люди, которые видят во всем не проблему, требующую своего решения, а лишь оскорбление".

Когда слово получил Табенкин, он бросился на защиту своей подруги и коллеги по руководству "Киббуцом". Он атаковал Берла, сделав мотив "оскорбления" центральной темой своего выступления. Еще бы! В людях задевают самую чувствительную струну, нападая на дело их жизни. Ясно, что это не может не оскорблять их. С тех пор Киббуц ха-меухад шел с поднятой головой и с чувством глубокой обиды из-за всякой критики.

Во всех выступлениях представителей "Киббуца" на первый план выходила одна проблема, которую сформулировал Табенкин. "Перед нами стоит проблема права на существование внутри партии и Гистадрута поселенческих организаций, не как терпимых, а во всей их внутренней мощи". Табенкин отверг обвинения "Киббуца" в сепаратистской деятельности, в том числе в организации под его эгидой особых семинаров, в учреждении самостоятельного молодежного отдела и так далее, и тому подобное. Он потребовал признания за "Киббуцом" права на разностороннюю деятельность во всех направлениях.

Табенкин подчеркнул, что Ха-киббуц ха-меухад согласен на формальное объединение киббуцного движения, но при условии, что за "Киббуцом" останется право по-прежнему вести свои дела, то есть сохранятся широкие полномочия правления и отдельным хозяйствам не будет предоставлена автономия. Фактически это означало, что Ха-киббуц ха-

меухад готов пойти на федерацию с Хевер ха-квуцот, а не на объединение с ним.

Иначе развернулись дебаты по вопросу об объединении молодежных организаций. Берл надеялся, что объединение молодежных организаций, к которому призывал Совет "Маханот олим", создаст такую атмосферу, которая поможет затем объединению "взрослых" организаций. Дебаты об объединении молодежных организаций отразили изменения в резервах пополнения Мапай.

В первой половине тридцатых годов резервом рабочего движения служил в первую очередь Хе-халуц, причем борьба между отдельными молодежными течениями проходила в его рамках. Однако, начиная с 1936 года, приток иммигрантов в Эрец из Хе-халуца остановился и различные молодежные организации стали искать источники пополнения своих рядов в Эрец. "Гордония" организовала свой филиал в Эрец, а "Маханот олим" — движение учащейся молодежи, являвшееся по характеру подлинно самостоятельным, сблизилось с Ха-киббуц ха-меухад. Ха-шомер ха-цаир также открыл в Эрец свои филиалы. Теперь Эрец стала, в свой черед, ареной борьбы за души молодых, которую наблюдал Берл во время поездки в Польшу.

Резолюция Совета "Маханот олим" о безусловном объединении была одобрена представителями "Гордонии". Но так продолжалось лишь до тех пор, пока казалось, что объединение останется в рамках чаяний, когда же объединение стало представляться реальным, "Гордония" взяла свое согласие обратно. Лидеры "Гордонии" и не думали отказываться от подготовки своих резервов, пока не достигнуто соглашение об объединении киббуцного движения, которое разрешило бы вопрос о подготовке новых кадров.

Руководство Ха-киббуц ха-меухад поначалу не заняло однозначной позиции в вопросе объединения молодежных организаций. Чем сильнее колебалась "Гордония", тем горячее поддерживал планируемое

объединение Ха-киббуц ха-меухад. "Киббуц" требовал немедленного объединения молодежных организаций, независимо от объединения киббуцного движения.

Решения съезда оказались прямо противоположными характеру прений. Была единогласно принята резолюция, гласящая, что "настала пора приложить все усилия к объединению всего киббуцного движения..." Резолюция съезда одобряла готовность Ха-киббуц ха-меухад и Хевер ха-квуцот начать переговоры по этому вопросу и поручила Центральному комитету принять активное участие в процессе объединения.

Вразрез со сдержанной формулировкой этой резолюции, съезд принял решение "обязать" Центральный комитет партии провести совместное совещание представителей молодежных организаций в целях их объединения. Современники этих событий свидетельствуют о том, что и первая часть этой резолюции воспринималась не как благое пожелание, а как руководство к действию. Сила этой резолюции заключалась в том, что она была принята единогласно, то есть за нее проголосовали и члены Ха-киббуц ха-меухад, и члены Хевер ха-квуцот, и потому она давала моральное право потребовать с тех и других оплаты подписанных ими векселей.

Табенкину, одному из основателей Ахдут ха-авода, рьяному поборнику объединения, трудно было отречься от своего прошлого. В последующие годы у него выкристаллизовалось убеждение в том, что главное — это не единство, а верность избранному пути. Но в период реховотского съезда он еще не изжил привязанности к лозунгу единства. Результаты голосования в Реховоте проливают свет на колебания Табенкина в вопросе единства, а возможно, и на то, как тяжело было ему порвать со своим другом-противником Берлом.

Но ценность всех превосходных решений проверяется практикой. Не было никаких шансов на то, что

резолюции IV съезда Мапай, пусть и принятые единогласно, откроют новую эпоху в жизни партии — эпоху сплочения, разрушения внутренних перегородок и исчезновения фракций. Подошло время выборов Совета и Центрального комитета, и тут все иллюзии были мигом разбиты — после длительных препирательств было решено проводить выборы по фракционному принципу.

Съезд Мапай избрал небывало большой Центральный комитет — в составе пятидесяти одного человека, ведь он должен был точно отразить соотношение в партии различных фракций, да еще включить несколько "общих" членов, то есть людей типа Бен-Гуриона и Берла, не принадлежавших ни к одной группировке. Той же системы придерживались и при выборах в Совет партии.

Подобно тому, как Табенкин проявил слабость, проголосовав за объединение киббуцного движения и молодежных организаций, так теперь Берл проявил слабость, согласившись на выборы Центрального комитета по такому принципу. На том и закончилась "варфоломеевская ночь изнасилования съезда", как окрестил ее впоследствии Бен-Гурион.

Можно пытаться объяснить капитуляцию Берла и Бен-Гуриона тем, что у них не хватило духу выступить против предложения, на котором сошлись все. В конце концов, даже они не были в партии всемогущи, тем более в такой области, которая затрагивала жизненные интересы разных групп. Быть может, они опасались открыто выступить против фракционного принципа, желая, чтобы новый состав Центрального комитета был приемлем для всех. Да и сверхнапряжение недели непрерывных заседаний, затягивавшихся до поздней ночи, могло подталкивать их к компромиссу — так хотелось положить конец всему этому кошмару.

Поведение Берла можно приписать и его физическому состоянию — Берл болел в продолжение всего съезда. Он нуждался в постоянном приеме

лекарств, а это не получалось, отчего болезнь обострилась. Как мы увидим далее, болезнь крайне отрицательно сказывалась на характере Берла и его работоспособности.

Увы, долгожданного чуда не случилось. Дискуссия на съезде лишь подчеркнула противоречия, обострила взаимную враждебность, личное и групповое соперничество. После Реховотского съезда главный интерес сосредоточился не на объединении киббуцного движения, а на самой возможности дальнейшего существования партии. На съезде, по всей вероятности, начались контакты между оппозиционными кругами в тель-авивском отделении Мапай и членами Ха-киббуц ха-меухад, что привело, в конечном итоге, к союзу Ха-киббуц ха-меухад и тель-авивской "фракции бет". Отныне раскол в партии стал неотвратимым.

30 октября 1937 года состоялись выборы в Совет тель-авивского отделения Мапай. Это было время экономического кризиса, безработицы и нужды. В подвале Дома Бреннера собирались обойденные судьбой, обездоленные люди, безработные или полубезработные. Распаяя друг друга, они бурно изливали свое отчаяние и горечь. Берл посещал этот подвал, прокрадываясь незаметно, скрывая лицо низко надвинутой на глаза кепкой. Он забивался в темный угол и вслушивался в то, о чем толковал простой люд.

Что возьмешь с человека в беде, — а нет беды горше, чем доля безработного отца семьи, который не может принести домой хлеба. Эта была благодатная почва и для справедливой критики, и для злостной клеветы. Критика адресовалась ответственному за распределение работы в городе членам рабочего совета Тель-Авива. Носились слухи о нарушении очереди в распределении работы, о протекции "своим людям", еще более подогревавшие и без того обозленных рабочих, многие из которых были недавними иммигрантами с ограниченным культурным уровнем.

Все эти факторы отразились на результатах голо-

сования. После выборов 1937 года в Совете тель-авивского отделения Мапай произошел переворот — власть захватила группа, возглавляемая Довом Бен-Иерухамом. Проповедуя социальную справедливость, эта группа сумела сыграть на ненависти неимущих к тем, кто живет лучше, а также к представителям власти, которую те ненавидят просто за то, что она власть.

Секретарь рабочего совета Тель-Авива Бен-Ахарон не удивлялся победе низших слоев рабочего класса, выразителями которых были Бен-Иерухам и его товарищи. Грубый стиль их речей, свидетельствовавший о недостатке образования, и неприкрытое стремление к кормилу власти внесли новый тон в заседания тель-авивского отделения Мапай в Доме Арлозорова и рабочего совета в Доме Бреннера. Группа Бен-Иерухама беззастенчиво применяла демагогию и подстрекала безработных к враждебным действиям, пользуясь положением ни за что не несущей ответственности оппозиции.

Но в политике происходят порой странные вещи. Во время Реховотского съезда были заложены основы союза между элитой рабочего движения — Ха-киббуц ха-меухад — и оппозиционными группами Тель-Авива. Несмотря на все различия между ними, союз этот оказался вполне органичным. Это было словно воплощение кошмаров, преследовавших Берла со времен Глуд ха-авода. Тель-авивская оппозиция, выросшая на экономической нужде, лишенная всякой идеологии и достойного руководства, должна была бы стать временным, преходящим явлением, подобно многим доселе существовавшим в городах оппозиционным группам, которые частично влились в городской аппарат, утерев свой оппозиционный пыл, частично были подавлены тем же партийным аппаратом.

Союз с киббуцами обеспечил этой группе защиту от центрального руководства партии и превратил ее из явления конъюнктурного в долговременное. "Киб-

буц” тоже выиграл от этого союза. Тель-авивская оппозиция посеяла раздоры в партии. И это отвлекло внимание от поселенческих группировок. Изучая протоколы заседаний Центрального комитета Мапай за 1938—1939 годы, поражаешься тому, что главной темой, стоявшей на повестке дня партии в эти исторические годы, была тель-авивская ”фракция бет”.

Союз между крупнейшей поселенческой организацией и оппозицией аппарату представлялся Берлу сделкой между Богом и чертом, между честнейшим халуцианским отрядом и своекорыстными тред-юнионистами, между элитой, стремившейся пролагать новые пути, вести за собой рабочее движение (в том направлении, которое представлялось правильным и самому Берлу), и теми силами, на пути которых Берлу хотелось бы поставить заслон.

С одной стороны, Берл мог рассматривать возникший между ними союз как подтверждение справедливости своих требований об объединении киббуцного движения: само существование отдельных группировок порождало в партии центры притяжения, которые становились магнитом для всех озлобленных и ожесточенных, служили основой промежуточных инстанций между партией и ее членами. С другой стороны, требование Берла об объединении киббуцного движения подхлестнуло руководство ”Киббуца”, заставило его перейти к активной обороне, и союз с тель-авивской оппозицией явился следствием этого.

Берл мучительно переживал процесс развала партии, который он предвидел заранее и который протекал теперь у него на глазах.

Видя бесплодность всех попыток добиться осуществления резолюций Реховотского съезда, Берл решил не участвовать в руководстве партией, пока не удастся наладить конструктивный диалог с ”Киббуцом”.

Душевная тоска усиливалась от плохого состояния здоровья — Берл снова болел. На летние месяцы 1938 года он переехал в Иерусалим, где меньше страдал от жары. В Иерусалиме Берла непрерывно навещали делегации молодежных организаций. Кроме того, он работал над различными статьями, в том числе отредактировал свою статью "Тяжелое предвиденье" для официального органа "Киббуца" — журнала "Ми-бифним" ("Изнутри"). Но болезнь отрицательно сказывалась на его работоспособности, особенно при угнетенном состоянии духа.

В какой-то момент могло показаться, что положение сдвинулось с мертвой точки и началась подготовка к объединению киббуцного движения. Так, состоялись две встречи между представителями Хевер ха-квуцот и Ха-киббуц ха-меухад. На них долго, заунывно и безо всякого энтузиазма обсуждалась возможность объединения. Каждая из сторон изложила свои, и без того известные, позиции, не внося в них ничего нового. Тем временем Берл уехал в Лондон — в командировку и для лечения. Читая подробные протоколы проходивших дискуссий, Берл мог убедиться в справедливости выводов своего друга Шаула Меирова о том, что "лучшие наши люди напрягают все свои интеллектуальные способности ради того, чтобы доказать невозможность объединения".

Что же касалось объединения молодежных организаций, то один из лидеров Хевер ха-квуцот Пинхас Лубяникер решительно выступил против реховотской резолюции, обуславливая объединение молодежных организаций предварительным объединением киббуцного движения. Теперь Ха-киббуц ха-меухад оказался в более выгодном положении, ведь он-то ратовал за немедленное объединение молодежных организаций, не связывая его с объединением киббуцного движения.

Итак, два секретаря Мапай: Бен-Ахарон и Лубяникер внесли каждый свой вклад (похоже, по

молчаливому уговору) в то, чтобы снять вопрос объединения с повестки дня. Бен-Гурион резко и метко определил создавшееся положение: "Один из членов секретариата побеспокоился о том, чтобы не произошло объединение молодежи, а другой — чтобы не объединилось киббуцное движение".

В течение тех месяцев, когда шла внутренняя война в секретариате Мапай и накалялись отношения между Центральным комитетом партии и тель-авивской "фракцией бет", Берл с Бен-Гурионом находились в Европе. Они знали о положении в партии по протоколам заседаний секретариата и Центрального комитета, а также из отчетов, поступавших к ним по самым разным каналам. После лечения в Лондоне Берл почувствовал себя лучше, к нему вернулась прежняя энергия.

В конце ноября Берл встретился в Париже с Бен-Гурионом. Разговор их продолжался всю ночь напролет. Они обсуждали планы Бен-Гуриона по внешнеполитическим и партийным делам. Можно предполагать, что внешнеполитические планы касались борьбы за раздел Палестины. Что же до внутрипартийных вопросов — тут Бен-Гурион склонялся к жесткой линии в отношении Ха-киббуц ха-меухад, являвшегося центром оппозиции в партии. Берл же возражал против предложенных Бен-Гурионом шагов, опасаясь, что они могут привести к расколу рабочего движения.

Вернувшись в Эрец, Бен-Гурион явился в Центральный комитет разгневанным Юпитером, мечущим громы и молнии. Положение в тель-авивском отделении Мапай совершенно вывело его из себя. Бен-Гурион хотел распустить тель-авивскую организацию, направить туда полномочного комиссара от Центрального комитета и реорганизовать там все с начала до конца.

Начались долгие, утомительные совещания, где обсуждалась внутренняя ситуация в партии. Никто не сомневался в том, что партия разваливается.

Каждая группировка возлагала вину за создавшееся положение на свою противницу. На первый план выдвинулась тель-авивская оппозиция, но подлинная борьба развернулась между Бен-Гурионом и Берлом с одной стороны и "Киббуцом" — с другой.

Только что возвратились в Эрец делегаты с заседания Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации. В Германии бушевал фашистский террор; еврейский юноша Гершл Гриншпан убил во Франции немецкого дипломата, и фашисты "в отместку" устроили "Хрустальную ночь", приведшую в содрогание весь мир. В Лондоне произнесла свой приговор комиссия Вудхеда, предложившая создать еврейское государство на территории между Хедерой и Реховотом. Правление Всемирной сионистской организации стояло на пороге открытого столкновения с мандатным правительством.

И, невзирая на то, что в Эрец и в Европе сгушались грозные тучи, Центральный комитет Мапай, правящей партии ВСО, тратил львиную долю своего времени на обсуждение положения в тель-авивской партийной организации, на взаимные обвинения, попросту на самоуничтожение. Во время одного из таких нескончаемых заседаний Шаул Меиров как-то воскликнул: "За долгие часы, что мы тут заседаем, я иногда, точно очнувшись от кошмара, думаю: чем мы занимаемся? Точно мы живем не в декабре 1938 года".

Абсурдность создавшегося положения вызывала у Берла болезненную горечь. "Стоит только вспомнить непоколебимую уверенность, какая была у меня в отношении внутренней крепости рабочего движения. За последние годы я стал очень и очень сомневаться в ней. Если историк еврейства обнаружит когда-нибудь, чем мы занимались в последние недели, — он, быть может, найдет в этом объяснение тому, что с нами происходит".

Все требовали от руководителей, особенно от Берла, решительных действий. Его отход от партийных

дел лишил партию высшего, бесспорного для всех авторитета, который мог бы, как верили многие, преодолеть внутреннюю сумятицу и снова установить в партии человеческие отношения, рухнувшие во время войны между фракциями и группировками. Но Берл не отступился от решения не брать на себя руководства партией, пока она не проявит желания выполнить резолюции и постановления Реховотского съезда.

Его не удовлетворяло примирение, вызванное только безвыходностью ситуации, он искал душевного порыва, единения сердец, слияния людей в нераздельное целое, которое в свое время явилось основой создания Ахдут ха-авода. В отличие от Шпринцака, выдвинувшего принцип узаконения статус-кво и балансирующего между группировками, Берл жаждал революции, радикального изменения линии партии, в котором видел единственный путь к ее спасению. И до тех пор, пока он не видел готовности к такому перевороту со стороны активной части партии — Ха-киббуц ха-меухад — Берл не видел для себя возможности участвовать в руководстве партией.

Берл еще не отказался от всех надежд на объединение. Внутри "Киббуца" происходили процессы, предвещавшие Берлу поворот к лучшему. Брошенный им призыв разрастался, подобно снежному кому. В "Киббуце" создалась оппозиция, угрожавшая безраздельной власти секретариата.

Состав оппозиции был весьма разнообразный. В нее входили ветераны, настроенные против руководства "Киббуца", — хозяйственники из Эйн-Харода, возглавляемые Мальцем, Свурои и Шломо Лави. Табенкин издавна прозвал их "усталыми" за то, что они с самого начала последовательно возражали против идеи постоянно растущего всепалестинского киббуца, не учитывающей реальных возможностей расширения киббуцов. Кроме того, в оппозицию вошли члены Союза сионистско-халуцианской молодежи, сосредоточенные, главным образом, в киббуце

Афиким. В рамках Ха-киббуц ха-меухад они пользовались определенной автономией, которую сохранили в немалой степени благодаря Берлу, поддержавшему их в первые годы жизни в киббуце.

Надежды руководства "Киббуца" на то, что со временем члены Союза сионистско-халуцианской молодежи втянутся в обычные отношения, царящие в Ха-киббуц ха-меухад, и полностью подчинятся секретариату, оказались тщетными. Ход развития этой группы пошел в обратном направлении. Члены ее еще более сплотились внутри Ха-киббуц ха-меухад, выдвинули собственных руководителей и собственные идеалы киббуцной жизни, отличные от идеалов "Киббуца".

Секретариат Ха-киббуц ха-меухад считал образцовым киббуцом Ягур — крупное хозяйство, созданное по решению секретариата и в значительной мере вопреки желанию тех, кого это непосредственно касалось. В Ягуре киббуцники сочетали работу в городе и в сельском хозяйстве; здесь пытались объединить людей, прибывших в Эрец с разными волнами алии, из разных общин.

Члены Союза сионистско-халуцианской молодежи предлагали в качестве образца для подражания киббуц Афиким. Это был крупный и процветающий киббуц, но его размеры ограничивались "пределами социальной абсорбции", что, по мнению его основателей, помогло избежать "судорог роста", сопровождавших строительство киббуца Ягур.

Ягур и Афиким стали соответственно символами противников объединения киббуцного движения и его сторонников. Первые обуславливали объединение созданием насколько возможно большего числа "Ягуров"; вторые приводили Афиким как пример искомого синтеза между большим и малым киббуцом. Члены Союза сионистско-халуцианской молодежи поддерживали лозунг объединения и ради него самого, и потому, что он отвечал их естественному стремлению избавиться от относительной изоляции в

рамках Ха-киббуц ха-меухад и давления, которое они испытывали из-за этой изоляции. В объединенном киббуцном движении они из нелюбимого подозрительного меньшинства превратились бы в соединительное звено между Хевер ха-квуцот и "Киббуцом".

Таким образом, как это ни парадоксально, именно те, кто более всего берег свою автономию в рамках "Киббуца", первыми подняли знамя "жизни сообща" в едином киббуцном движении; и сам "Киббуц", так громко заявлявший о своих претензиях на "всеобщность" в Хе-халуце и традиционно выступавший против самостоятельности отдельных организаций, наотрез отказался сломать окружавшую его стену ради значительно более широкого единства.

Такое двойственное отношение руководителей "Киббуца" к понятию "всеобщности" явилось для него камнем преткновения и повлекло за собой его поражение в дискуссии, состоявшейся в рамках Ха-киббуц ха-меухад. Рядовым киббуцникам, которых в течение многих лет воспитывали на лозунгах органического единства всего палестинского рабочего движения, на легендарных преданиях Ахдут ха-авода и непреклонном стремлении к всеобъемлющим широким коллективам, высвобождающим скрытую в массах общественную энергию, трудно было переварить аргументы Табенкина и его друзей, оправдывающие их отказ пойти на объединение именно теперь.

Табенкин подчеркивал различие между объединением партий и объединением поселенческих организаций, но его доводы казались надуманными и пустыми на фоне требований "Киббуца" о "всеобщности" организации Хе-халуц и других молодежных движений, которые тоже ведь были общественными организациями. "Я хорошо помню споры на объединительном съезде в Петах-Тикве и речи Табенкина, боровшегося за объединение и доказывавшего мне и многим другим, что общественным организациям присуще стремление выдвигать свои собственные идеи и утверждать свои рамки для оправдания

раздельного существования”, — говорил Зеев Файнштейн, выражая мнение многих членов ”Киббуца”.

И среди ветеранов, и среди молодежи Ха-киббуц ха-меухад нашлось немало людей, которые чувствовали, что разрываются между верностью лично Табенкину и преданностью идеям, внушавшимся им на протяжении многих лет. К этой группе принадлежали такие испытанные члены ”Киббуца”, как Энцо Серени и Хаим Бен-Ашер. Они перешли в оппозицию к руководству ”Киббуца” не вдруг, а постепенно, осознав насущную необходимость объединения и для самого ”Киббуца” и для рабочего движения в целом. Это были люди, которых Берл убедил в правильности своего пути.

Другим существенным элементом оппозиции в ”Киббуце” являлись выходцы из Германии, прибывшие в Эрец с так называемой ”немецкой алией”. Они вступили в Ха-киббуц ха-меухад под влиянием посланцев ”Киббуца”, действовавших в их среде, — Ливенштейн, Серени, Баруха Айзенштадта (Азания), Бен-Ахарона. Чары Табенкина на этих людей, кажется, не действовали. Своими наставниками они считали двух человек: Бубера и Берла. Вероятно, тут сказался и тот факт, что большинство инструкторов ”Киббуца”, работавших в Германии, также пошло за Берлом. А может быть, полученное ими рационалистическое образование тянуло их скорее к трезвым речам Берла, чем к пламенному энтузиазму Табенкина.

Появление внутренней оппозиции, примкнувшей к лагерю Берла, лишь ожесточило позиции руководства ”Киббуца”. Логически рассуждая, такой крупной организации, как Ха-киббуц ха-меухад, которая в три раза превышала по числу членов Хевер ха-квуцот и к тому же обладала сильным и динамичным руководством, нечего было бояться объединения.

Однако такое предположение было верно лишь до тех пор, пока ”Киббуц” оставался сплоченным. После того, как разгорелся спор вокруг объединения

и обнаружались трещины в доселе монолитном единстве "Киббуца", план объединения стал внушать его лидерам еще большую тревогу.

Отныне секретариат "Киббуца" стал опасаться союза между руководителями Хевер ха-квучот и оппозицией "Киббуца". Такой союз грозил поставить руководство "Киббуца" в положение меньшинства в объединенном киббуцном движении, и потому оно стало самым решительным образом возражать против объединения.

До весны 1939 года руководство "Киббуца" было уверено в силе своих внутренних позиций. Сторонников объединения окружала в "Киббуце" атмосфера иронического презрения. Даже Берл не верил в то, что сторонники объединения сумеют добиться в "Киббуце" большинства. Возможно, в этом кроется причина "большого разговора" (кажется, последнего), состоявшегося у Берла с руководителями "Киббуца".

Беседа эта имела место 10 января 1939 года и продолжалась с четырех часов дня до полуночи, а затем возобновилась восемь дней спустя. Это был по-настоящему душевный разговор, во время которого обе стороны четко и с полной откровенностью излагали свои взгляды.

Причиной этой беседы явились многочисленные требования о возвращении Берла к партийной работе и выставленное им условие — готовность "Киббуца" сотрудничать с ним в деле преобразования рабочего движения. Берл хотел убедиться в том, есть ли у "Киббуца" действительно стремление к переменам. Если да, он согласен был отказаться от затворничества. В этом разговоре и руководители "Киббуца" и Берл выразили свое кредо.

Сказанное там не подлежало разглашению, группа участников была небольшой, и Берл более чем когда-либо открыл свое сердце. Он самым недвусмысленным образом высказал свое мнение об обстановке, сложившейся в партии: "Я считаю, что противоречия в партии — это не идейные разногласия,

а война за власть. В такой атмосфере мне нечем дышать ни в рабочей партии Эрец-Исраэль, ни в Гистадруте. Я при таких условиях не могу продуктивно работать. Я не могу жить в такой атмосфере". Условие возвращения Берла к партийной деятельности — активная помощь "Киббуца" в борьбе за изменение существующего положения.

Табенкин изъявил готовность во всем активно помогать Берлу. Но при всем при этом из его слов вытекал отрицательный вывод: Табенкин воспринимал требование объединения как стремление расформировать "Киббуц", а потому не соглашался на него. Подводя итоги беседы, Берл заявил, что она не дала желаемых результатов: "Киббуц" не желает изменять статус-кво. Всякая критика в адрес "Киббуца" воспринимается как нападки на него: "Я чувствую, что между нами стоит какая-то перегородка, не дающая перейти к важнейшим вопросам, и я не знаю, кто эту перегородку построил".

В последнюю минуту перед расставанием Берл выразил свою точку зрения на конечные цели объединения: "Киббуцное движение, на мой взгляд, сердце партии... Руководство его вышло из Сельскохозяйственного объединения, а я всегда хотел, чтобы руководители выходили из халуцианских слоев. Мы утратили моральное влияние на партию". И с бессильной горечью добавил: "А мне говорят, что это лишь видимость".

Берл пришел к выводу, что его уход из партии неизбежен. После того, как Берл замолчал, слово опять взял Табенкин. Если его ученики и соратники (кроме Дувдевани, поддерживавшего идею объединения) кто с большим, кто с меньшим пылом набрасывались на Берла, то в словах самого Табенкина были и теплота, и откровенность, и уважение. Табенкин подчеркнул, что позиция "Киббуца" не застывшая, она может измениться. В данный момент состояние кризисное, но процесс развития направлен в сторону объединения. Обращаясь к

Берлу, Табенкин сказал: "Наша группа не может быть ответственной за твой уход, как ты почему-то считаешь". Сквозь всю остроту полемики все еще просвечивала их прежняя любовь друг к другу.

В начале 1939 года Берл снова уехал в Лондон, а вернувшись, застал в "Киббуце" бурные споры по вопросу об объединении киббуцного движения. Наконец-то, три с лишним года спустя после того, как он бросил призыв к объединению, состоялось открытое обсуждение этого вопроса.

Подготовка к выборам в Совет "Киббуца" двенадцатого созыва, которые должны были состояться в июле 1939 года в Наане, проходила под знаком полемики об объединении. Делегаты избирались в зависимости от их позиции в этом вопросе. Немало заслуженных активистов не прошло на съезд, а на их место были избраны никому не известные люди, впервые участвовавшие в подобном мероприятии и попавшие в Наан только благодаря своей позиции в вопросе объединения.

В продолжение этой полемики секретариату "Киббуца" стало ясно, что внутри Ха-киббуц ха-меухад возник мощный лагерь сторонников объединения. Теперь между этим лагерем и руководством "Киббуца" развернулась война не на жизнь, а на смерть, в которой не было места ни дружбе, ни уважения к старым товарищам.

В конце апреля 1939 года в Ягуре проводился День активиста. Он проходил в тяжелой, давящей атмосфере: руководство "Киббуца" чувствовало, что борется за свое существование. В своем выступлении Табенкин интерпретировал требование объединения как требование расформирования "Киббуца" и угрожал ответить на него ликвидацией партии. Берл назвал речь Табенкина "объявлением гражданской войны в партии". Если прежде Берл считал, что Табенкин готов смириться с решением большинства, то теперь он разглядел в его словах стремление заклеить сторонников объединения как ликвида-

торов "Киббуца".

Берлу было ясно, что в их отношениях с Табенкиным наступил кризисный момент. Распространение идеи объединения среди членов Ха-киббуц ха-меухад задело престиж Табенкина слишком сильно, чтобы он был способен простить это. Берл вторгся в вотчину Табенкина, не отделяя, по своему обыкновению, политической борьбы от личных отношений. В ночь после Дня активиста Берл задумал написать Табенкину письмо, но диалог, который он непрерывно вел в душе со своим старым другом, трудно было перевести на бумагу.

Три дня спустя Табенкин дал понять Берлу всю глубину разрыва. Берл начал тогда подготавливать сборник статей, посвященный объединению киббуцного движения. Узнав об этом, Табенкин поспешил направить Берлу письмо, где запрещал использовать в сборнике свои статьи и речи. Такой пощечины Берл еще никогда не получал.

Заседание Совета Ха-киббуц ха-меухад, которое должно было вынести решение по вопросу объединения, откладывалось со дня на день. Берл с колоссальной энергией принялся за разъяснительную работу. Он ездил по киббуцам, выступал на собраниях, беседовал с людьми с глазу на глаз. Особенно старался он воздействовать на молодежь, принадлежавшую ко второму поколению киббуцников, например на Моше Табенкина и Нехемию Шейна, а также на членов молодежной организации "Маханот олим".

Как только Берл появлялся в каком-то месте, к нему стекались делегации из окрестных киббуцов с приглашением побывать у них и выступить перед киббуцниками. А он, как всегда, предпочитал взрослым общество подростков и молодежи. С головой уходя в свое любимое дело — работу с молодежью, — Берл испытывал ощущение признания, надежды на улучшение положения в киббуцном движении. Успехи "объединителей" в "Киббуце" радовали его, и он, то ли за нехваткой времени, то ли оттого, что так и не

выбрался отредактировать упомянутый сборник, забывая о письме Табенкина.

Но встречаясь на заседаниях Центрального комитета Мапай, они с Табенкиным еще ни разу не поговорили по душам за весь период между Днем активиста и заседанием Совета Ха-киббуц ха-меухад в Наане.

У Берла поднялось настроение: впервые за много лет он выразил согласие на избрание его в секретариат Мапай. В октябре 1938 года секретариат Мапай, возглавляемый Лубяникером и Бен-Ахароном, ушел в отставку. В новом секретариате, избранном вместо прежнего, центральное место занял Зеев Файнштейн, член киббуца Аелет ха-Шахар, входившего в Ха-киббуц ха-меухад, принадлежавший к "объединителям".

Новый секретариат изо всех сил обхаживал Берла, пуще всего боясь, что он снова хлопнет дверью. К изумлению членов секретариата, Берл откликнулся на их осторожные намеки и через два с половиной месяца после того, как они обратились к нему, вдруг ответил, что готов выставить свою кандидатуру на выборах в секретариат (обратим, кстати, внимание на осторожность формулировки, ничем не связывавшей Берла).

Съезд Ха-киббуц ха-меухад состоялся в середине июля в первом киббуце движения рабочей молодежи — Наане. Результаты выборов делегатов на съезд ошеломили руководство "Киббуца": "объединители" получили большинство голосов не только в "усталых" киббуцах вроде Эйн-Харода, но даже в Ягуре и Гиват-Бреннер, составлявших славу и гордость Ха-киббуц ха-меухад. Поселения, созданные членами "Маханот олим", разделились — часть из них, члены киббуца Бет ха-Шита, стояла за объединение, другие, принадлежавшие к киббуцу Маоз-Хаим, выступали против него.

Этот раскол опровергал утверждение приверженцев Табенкина, что вся молодежь за них. В итоге "объединители" получили на два процента голосов

больше, чем противники объединения. Это был бунт рядовых киббуцников против руководства.

Члены секретариата ходили, точно в воду опущенные. На этот раз уже не повторялись заверения о готовности принять решение большинства. Вместо них раздавались открытые угрозы о расколе "Киббуца". Дискуссия проходила крайне напряженно, хотя и предпринимались усилия (не всегда успешные) сохранить товарищеский или, по меньшей мере, "джентльменский" тон — ведь все помнили, что после спора противникам придется жить вместе, часто в одном киббуце.

Многим казалось, что рухнет вся система киббуцной жизни. Противники объединения считали, что "объединители" подрывают "Киббуц". Сами "объединители", напротив, опасались задевать руководство "Киббуца" — и потому, что признавали его авторитет в большинстве вопросов, и потому, что не хотели дальнейшего обострения полемики.

Даже посторонние не удержались от участия в дискуссии. Представитель Ха-шомер ха-цаир Меир Яари выступил на стороне противников объединения, утверждая, что существование отдельных и различных поселенческих движений представляет собой желательное и перспективное явление. Берл же произнес речь в защиту объединения.

Заседание совета продолжалось шесть дней. Наконец дело дошло до принятия резолюций. И тут все решило то заранее известное обстоятельство, что "объединители" ни за что не пойдут на раскол "Киббуца". Понимание этого сковывало руки большинства и оставляло руководству полную свободу действий.

Вместо однозначной резолюции об объединении Ха-киббуц ха-меухад с Хевер ха-квуцот "объединители" удовлетворились требованием избрания комиссии, которой поручалось изучить вопрос объединения с Хевер ха-квуцот. Против этого минимального требования Исраэль Идельсон (один из талантливей-

ших сторонников руководства) выдвинул новую резолюцию о создании союза киббуцных движений, которая, по его словам, не противоречила идее объединения.

Победила группировка, более экстремистски настроенная и проявившая готовность идти до конца, до раскола, — совет "Киббуца" подтвердил предыдущую резолюцию, вынесенную советом в Ягуре, о союзе киббуцных движений, а затем была принята резолюция об избрании комиссии "для выяснения всех возможностей объединения с Хевер ха-квуцот".

Несмотря на умеренные требования "объединителей", руководство "Киббуца" и его сторонники покинули съезд с чувством страшного провала. Но победа "объединителей" в Наане оказалась хрупкой. Они испытывали чувство неполноценности по отношению к лидерам "Киббуца". С одной стороны была гетерогенная группа, лишенная сплоченного самостоятельного руководства, которое могло бы представлять "молчаливое большинство" в "Киббуце", с другой стороны — организованное, активное и упорное в своей решимости меньшинство.

Исторический момент наступил на следующий день после съезда в Наане. Если бы "объединители" завоевали господство в руководящих органах или хотя бы добилось большинства в Совете "Киббуца" и в секретариате, дело приняло бы иной оборот. Но "объединители" не выступили против руководства вообще, не повели против него борьбу до конца, они лишь возражали против политики руководства в одном определенном вопросе. В результате съезд в Наане снова избрал то же правление, которое, преодолев минутное отчаяние, начало добиваться желательных для него перемен. Не пройдет и двух лет, как в новом туре полемики большинство членов "Киббуца" выступит против объединения.

Споры вокруг объединения киббуцного движения подорвали основы Мапай. Если Берл намеревался перевернуть свою партию, покончить с ее самодоволь-

ным спокойствием и пробудить в ней дух критики — он вполне преуспел в этом. Но со временем выяснилось, что водоворот, в котором оказалась Мапай, грозил потопить ее. Poleмика вокруг объединения обострила существовавшее соперничество и выявила дремлющие противоречия.

Оказавшись в затруднительном положении, руководство "Киббуца" укрепило связи с оппозиционными городскими кругами — с "фракцией бет", сначала в Тель-Авиве, а затем в Хайфе. Доказала ли полемика и ее следствия правоту Берла, уже давно утверждавшего, что руководящие группы различных поселенческих организаций послужат зародышами новых партий, развивающихся в лоне материнской партии (Мапай) или же процесс, который Берл стремился атаковать, возник под влиянием спора об объединении?

На этот вопрос нет однозначного ответа. Извилисты пути социальных и политических процессов, причина и следствие тесно переплетены в них. Это положение справедливо и для нашего случая. В одном вопросе история, пожалуй, подтвердила правоту Берла: замкнутость поселенческих организаций (одним из признаков которой явился отказ от объединения) лишила киббуцное движение социального размаха, изолировало его от широких слоев палестинского общества. С другой стороны, искажение облика рабочего движения, особенно в городских профсоюзных организациях, также явилось результатом подобной замкнутости.

В личном плане борьба за объединение киббуцного движения кончилась для Берла крушением дружбы, завязавшейся еще в годы детства. Как мы помним, Табенкин послал Берлу в мае 1939 года письмо, где запрещал использовать его статьи и речи в сборнике, посвященном вопросу объединения, который намечал выпустить Берл.

Берл был поражен запретом Табенкина. Впервые пошатнулось положение Берла-редактора, преданного рабочему движению в целом. До тех пор раздавались

иногда жалобы на "Давар", но Берл почитался всеми самым лучшим и надежным редактором. Требование Табенкина означало отказ признать авторитет Берла как наставника рабочего движения.

4 августа 1939 года состоялось заседание секретариата Исполнительного комитета Гистадрута, на котором обсуждался выпуск сборника. На заседании присутствовали Табенкин и Берл. "Он видит во мне врага, издевающегося над ним", — с болью записал Берл в дневнике. Ремез, бывший тогда секретарем Исполнительного комитета, признал жалобы Табенкина неоправданными и даже вынес ему порицание. Табенкин слушал, опустив голову, с трудом сдерживаясь. "За вами сила", — бросил он и ушел с заседания.

Сдаваться Табенкин не собирался. Получив гранки книги, он разразился письмом в адрес секретариата Исполнительного комитета и Берла лично: "Я настаиваю на своем праве не печататься в сборнике под редакцией Берла Кацнельсона по вопросу объединения". Отбор материала, утверждал Табенкин, "искажает облик "Киббуца" и его членов, борющихся за продолжение его существования и выступающих против объединения". Редакция текстов обнаруживает намерение продемонстрировать "скудость мысли наших товарищей".

Главный огонь сосредоточил Табенкин на "Возражениях" Берла. Берл, по мнению Табенкина, не в состоянии судить о проблемах киббуцного движения, ибо не является киббуцником. Более чем через три года после опубликования "Возражений", после всех бесконечных бесед и обсуждений этой темы вдруг выясняется, что Берл бойкотируется за высказанные им мысли. Табенкин не простил Берлу успеха оппозиции в Наане.

Берл закончил редактуру книги, написал предисловие, составил оглавление, придумал название и в ноябре 1939 года получил полный оттиск книги "Киббуц и квуца". Но книга оказалась мертворожден-

ной, так как за три недели до ее опубликования Берл снял с себя ответственность за выход сборника.

Табенкину он написал: "Ицхак, я сдаюсь. Я не выпущу брошюру вопреки твоему желанию. Дело не в том, что я принимаю твой приговор. Не в том, чтобы я считал, будто у кого-то из нас есть право вести себя так, как ведешь себя ты по отношению ко мне и моей работе. Просто я не хочу и не могу публиковать брошюру, если ты видишь в ней — или в соседстве со мной на ее страницах — насилие над собой. Что бы ни решили ты и Исполнительный комитет — я от издания отказываюсь". Берл заканчивает письмо еще одним напоминанием о былой дружбе: "Будь здоров и счастлив. Пусть наша старость не опозорит нашего детства".

Берл не мог вынести личного столкновения с Табенкиным. Поэтому, чтобы избежать личной вражды, он оставил решение о выходе сборника на усмотрение секретариата Исполнительного комитета. Прошел почти год, а Берл так и не поинтересовался судьбой книги. Никто не видел брошюры, никто ее не рассматривал. Даже авторы, участвовавшие в ней, не получили оттисков. Знавшие о сборнике прозвали его "скрытой книгой". Формально не было принято никакого решения об отмене ее публикации. Вопрос о ней не ставился на обсуждение в секретариате Исполнительного комитета, никакая инстанция не выносила ей приговора.

Судьба книги отражала положение самой Мапай. Ремез, друг и поклонник Берла, поддерживавший его в вопросе о печатании сборника, не отваживался открыто выступить против Ха-киббуц ха-меухад. Партия находилась в состоянии внутреннего кризиса, в котором центральная роль принадлежала "Киббуцу", и у Ремеза не хватало духу еще более обострять ситуацию.

История "Скрытой книги" явилась для Берла еще одним доказательством того, что Гистадрут превратился в федерацию, где любое решение требует

согласия всех группировок. Он подал заявление о своем уходе с поста редактора "Давар". "Тот, кто не пригоден для редактирования сборника по спорному вопросу, не годится и для редактирования гистадрутовской газеты". Отношения основателей Ахдута-авода были непоправимо нарушены. К политическому соперничеству, к противоречиям во взглядах присоединился личный разрыв, болезненный и мучительный, как всякая разбитая любовь.

Час, предвещавший рождение государства 1936 – 1939

Весной 5696 (1936) года началось арабское восстание. После четырех лет широкой еврейской иммиграции и интенсивного строительства национального очага палестинские арабы восстали против начавшегося у них на глазах процесса превращения арабского населения в меньшинство на своей родине. Начало "беспорядков" (как называли восстание современники), напомидало кровавые события предшествовавших лет: нападения на евреев, беспечно расхаживавших по улицам Яффы, зверские убийства, крах отношений дружбы и доверия, державшихся годами. В квартале со смешанным еврейско-арабским населением оба враждующих лагеря забаррикадировались в своих границах.

Однако через несколько дней после первых вспышек беспорядков арабские лидеры, собравшись и неожиданно продемонстрировав национальное единство, учредили Высший арабский совет. Он объявил всеобщую забастовку арабов Палестины в городе и деревне, выставив в качестве условия ее прекращения исполнение трех требований: установление демократического правления, то есть передачу власти арабскому большинству; запрещение продажи земли евреям, а главное — прекращение еврейской иммиграции.

На этот раз беспорядки уже не были серией случайных вспышек насилия, они носили характер длительной забастовки, сопровождавшейся, хотя и проявлениями насилия, но проводившейся под руко-

водством единого центра, имевшего четкие политические цели. Если к беспорядкам 1929 года подходило слово "погром", то беспорядки 1936 года представляли собой явление совершенно иное. Это было национальное восстание со свойственными ему проявлениями мужества и жестокости.

Еврейский ишув внезапно оказался на осадном положении: дороги стали ненадежны, под покровом темноты срубали деревья, поджигали хлеб на гумне и в поле, многолетний труд шел прахом за одну ночь. Евреи поневоле должны были перейти к такой структуре хозяйства, которая полностью удовлетворяла бы все потребности ишува: во фруктах и овощах, в яйцах и молочных продуктах. Арабские рабочие бастовали, и евреи заняли их места на цитрусовых плантациях.

Силам самообороны, которыми пренебрегали со времен 1929 года, снова стали уделять первостепенное внимание. Была учреждена "сторожевая охрана" ("нотрут") — нечто вроде легальной еврейской полиции под британским командованием, — которая должна была помочь в поддержании безопасности на дорогах и охране удаленных еврейских поселений.

Когда арабская забастовка парализовала Яфский порт, мандатная администрация разрешила построить пристань для погрузочно-разгрузочных работ в Тель-Авиве. Так началось сооружение независимого еврейского порта.

Наряду с угрозой жизни и имуществу еврейского населения, беспорядки принесли с собой сплочение ишува, мощный духовный подъем и мобилизацию всех сил на завоевание ведущих позиций, которое в мирные дни было бы немыслимым. Но несмотря на все успехи, в ишув нарастал страх перед грядущими политическими ограничениями со стороны мандатных властей.

Всего за несколько месяцев до начала беспорядков Бен-Гурион взвешивал, не пришел ли час обсудить с верховным комиссаром "главные вопросы" — цели

сионизма и пути их достижения. При этом ни от Бен-Гуриона, ни от его товарищей не укрылась тенденция попустительства арабам в политике мандатных властей: согласие на учреждение законодательного совета, который неминуемо признал бы преимущественные права за арабским большинством Палестины; законопроект, согласно которому "необходимый для пропитания" участок земли закреплялся за феллахом при продаже земель евреям; предложение повысить сумму за выдачу въездной визы для еврея, "обладающего капиталом" от тысячи фунтов стерлингов до двух тысяч. Взятые вместе, три эти проекта не предвещали евреям ничего хорошего.

Ко всему этому присоединялись перемены, произошедшие в смежных с Палестиной странах, которыми на мандаторной основе управляли Англия и Франция. В Ираке мандат был заменен англо-иракским договором и образовано самостоятельное арабское государство. В Египте на смену старому договору с Великобританией пришел новый, гарантировавший большую независимость Египетскому королевству. В Сирии, находившейся под властью Франции, население провело всеобщую забастовку, вследствие которой государственный статус был изменен. Эрец-Исраэль оставалась единственной из подмандатных стран региона, где не намечалось никаких признаков самостоятельного правления.

Верховный комиссар Палестины сэра Артур Уокоп не походил на сэра Джона Ченслера, правившего страной в 1929 году. С самого начала своей службы на посту верховного комиссара — в 1931 году — он завоевал доверие Правления Еврейского агентства своими мужественными поступками: в 1933 году он решительно подавил арабские демонстрации, являвшиеся первым проявлением политической деятельности палестинских арабов, направленной против мандатных властей.

В течение четырех лет он санкционировал последовательный рост алии, благодаря которой еврейское

население страны удвоилось. Арлозоров, а затем Бен-Гурион, сменивший его на посту главы политического отдела Еврейского агентства, подпали под обаяние сэра Артура и относились к нему с уважением и доверием.

Берл не разделял симпатий Бен-Гуриона к Уокопу. Исконная, глубочайшая, интуитивная подозрительность Берла к любому гою, а тем паче к гою, представлявшему имперскую власть, не давала ему подпасть под чары Уокопа. Уже в январе 1936 года Берл предсказал, что правление Уокопа распадется на два периода: первый — просионистский и второй, когда он встанет на сторону арабов. С самого начала беспорядков возникли у Берла разногласия с Бен-Гурионом и Чертоком. Руководители политического отдела Всемирной сионистской организации, привыкшие к системе общих политических понятий, видели в арабском восстании проявление национально-освободительного движения народа, живущего на земле Палестины и зависящего от политической помощи только что добившихся независимости арабских стран.

Бен-Гурион и Черток считали, что арабы являются фактором, определяющим еврейско-британские отношения, у Берла же важная роль арабов в формировании английской политики вызвала серьезные сомнения. Он даже подозревал, что англичане просто пользуются арабами, чтобы оказывать нажим на евреев арабской угрозой во время переговоров с ними.

После 1929 года Бен-Гурион оценил и признал характер и размах национального движения палестинских арабов. Поэтому он понимал соображения Уокопа. Вникая в аргументы и требования противной стороны, Бен-Гурион менял свои представления об окружающей действительности. Его картина мира усложнялась, становилась менее однозначной.

Другое дело Берл. Он не понимал и не прощал. Пожалуй, потаенным уголком души он все же

различал мотивы, движущие противником, но при этом постоянно напоминал, что в современных условиях существования еврейского народа и еврейского ишува в Эрец-Исраэль попытки "понять" — это первый шаг к компромиссу и отказу от собственных целей, который сионистское движение себе позволить не может. Берл сознательно игнорировал всю систему британо-арабских аргументов. Единственным соображением, которое имело для него силу, которое он упрямо требовал положить в основу политики Правления Еврейского агентства, были еврейские национальные интересы.

Подозрительность и враждебность, характеризовавшие отношение Берла к мандатным властям, являлись одновременно и ограничением, и преимуществом. Ограничением — потому что в отдельные моменты, на определенных отрезках жизненного пути Берла эти качества отрицательно сказывались на его отношениях с мандатными властями, проявляясь в односторонности, недостатке воображения и гибкости.

Во второй половине тридцатых годов политические события развивались очень стремительно и Берлу трудно было подчас идти с ними в ногу. Для его стиля мышления было характерно априорное отрицание возможности перемен: всегда будет то, что было прежде. Поскольку во времена военного управления страны власти были настроены антиссионистски — значит, и теперь они настроены так же. Но парадокс состоит в том, что такая ограниченность Берла имела свои преимущества, ибо если в кратковременные исторические периоды в английской политике и происходили изменения, то в конце концов, в исторической перспективе, она всегда скатывалась на ярко выраженные антиссионистские позиции.

По иронии судьбы недоверчивость Берла к англичанам, уходящая корнями в вековую еврейскую традицию, всегда приписывавшую властителю-гою злой умысел, оправдалась — накануне Второй мировой войны печальное правило "весь мир против нас" стало

политической реальностью. И такой оборот событий не застал Берла, извечного пессимиста во всем, что касалось гоев, врасплох — для него это был естественный процесс.

Подобный настрой не был характерен исключительно для Берла. Главным его союзником в этом вопросе являлся Табенкин, тогда как линия, проводимая Бен-Гурионом и Чертоком, отражала мнение меньшинства Мапай. Широкие слои членов партии склонны были видеть в Берле истинного выразителя ее настроений, выступающего против разного рода соглашателей. Он олицетворял собою недремлющее око партии, пристально следящее за теми, кто определял политику мирового сионизма, — Вейцманом и Правлением Еврейского агентства.

Сам Берл в одной фразе сформулировал свою политическую линию: "У нас, как у машины, по которой ведут огонь, сейчас одна задача — нестись быстрее". За отсутствием выбора он соглашался с пробританской ориентацией, но настаивал на том, чтобы основополагающим принципом политики Всемирной сионистской организации стало требование массовой еврейской иммиграции в Палестину.

Вопреки своей позиции начала тридцатых годов Берл теперь отклонял план паритета. То, что являлось актуальным в 1931 году, когда необходимо было ответить на вопрос о конституционном устройстве Палестины в переходный период, который представлялся весьма продолжительным, уже не соответствовало условиям 1936 года, когда разгром еврейских общин Центральной и Восточной Европы породил у еврейских масс насущную потребность алии в Эрец-Исраэль, превратив создание еврейского государства из отдаленного идеала в реальную возможность.

По своему обыкновению Берл и на сей раз не взял на себя никаких официальных обязанностей. Он был членом политической комиссии Мапай, являвшейся совещательным органом для членов партии, состоявших в Правлении Всемирной сионист-

ской организации. Берл входил также в Исполнительный комитет ВСО — и этим его официальные должности как будто исчерпывались.

Но в этот период, пожалуй более, чем когда-либо раньше, возросла роль Берла в политической области. "В те месяцы не было ни одного важного политического вопроса, который решался бы без участия Берла", — вспоминал впоследствии Черток.

Берл предвидел, что за беспорядками 1936 года последуют крутые политические меры мандатных властей. Это его предположение основывалось на опыте 1929 года и Белой книге 1930 года. Поэтому Берл с самого начала отнесся подозрительно и враждебно к королевской комиссии, которая должна была прибыть в Палестину. Состав ее представлялся ему "резко колониальным": во главе комиссии стоял лорд Пиль, специалист в вопросах политики мусульманских стран и "ярый враг социализма". Вспоминая уроки 1929—1931 годов, Берл критиковал королевскую комиссию за то, что в нее не входило "ни одного представителя рабочего движения".

Берл хорошо помнил, что единственным из членов комиссии Шоу, защищавшим дело строительства еврейского национального очага, был лейборист Харри Снэл. Берл воспринимал назначение комиссии как подготовку к появлению новой Белой книги по типу той, что была опубликована в 1930 году.

Берл критиковал Правление Еврейского агентства за недостаточную разъяснительно-пропагандистскую работу в английской прессе и требовал от него большей смелости и упорства в общей политической борьбе. И хотя позиция Берла не казалась приемлемой руководителям политического отдела ВСО и Еврейского агентства, они считали Берла выразителем взглядов широчайших слоев сионистского, а не только рабочего движения.

Черток говорил, что в Берле была "смесь воинственной отваги и четкого расчета" Это определение отражало и мнение Бен-Гуриона. Даже расходясь с

Берлом в отношении к мандатным властям, Бен-Гурион и Черток всегда находили с ним общий язык при обсуждении конкретных планов, основное внимание в которых уделялось обеспечению продолжения алии.

Главным оружием Берла, с помощью которого он формировал общественное мнение ишува в духе твердости, решительности и — одновременно — враждебности и подозрительности к мандатной администрации, являлась в тот период газета "Давар". Сам Берл писал немного. Но Бейлинсон, служивший рупором идей Берла, проводил совместно с ним такую пропагандистскую работу, которая сделала "Давар" в годы беспорядков воинствующим органом, выразителем настроений народа, находящегося в осаде. Напрасно Бен-Гурион и Черток протестовали против антибританского освещения событий в материалах "Давар", подчас наносившего ущерб их политической деятельности. "Давар" оставалась верной курсу Берла — Бейлинсона и, пожалуй, не было другого такого вопроса, в котором газета находила такую широкую общественную поддержку и признание, как ее политическая борьба в годы арабского восстания.

Вернувшись в Эрец из Цюриха, где проходило заседание Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации (25 — 31 августа 1936 года), Бен-Гурион потребовал, чтобы Берла направили в Лондон для активизации политической работы.

29 сентября 1936 года, сразу после праздника Рош-ха-шана, Берл прибыл в Лондон. Его как всегда одолевали сомнения в своей способности договориться с англичанами. Не хватало дружеской помощи Дова Хоза, служившего ему переводчиком во время предыдущей командировки в Лондон.

Берла по-прежнему смущало его косноязычие при переходе на английский, хотя он, видимо, ощутимо продвинулся в языке и мог вести беседу без переводчика. Но дистанция между Берлом, говорящим

на иврите или идиш, и Берлом, говорящим по-английски, оставалась еще весьма значительной.

Берла приятно поразил прекрасный штат сотрудников канцелярии Еврейского агентства, находившейся в доме № 77 по улице Грейт Рассел. Все отнеслись к Берлу, представлявшему Правление Агентства Эрец-Исраэль, с полным уважением и готовы были всемерно помогать ему. У Берла и на этот раз не было официального статуса и потому его успех всецело зависел от таланта обращения с людьми, умения действовать через других.

В течение считанных дней Берлу удалось наладить прекрасный контакт с окружающими. "У меня исчезло чувство, что я тут чужой и лишний, — писал он Лее. — Я потихоньку завоевываю здешних людей, они прислушиваются к моему мнению и советам". Возможно, в этом ощущении легкости — источник того, что Берлу понравились его лондонские собеседники. Он не мог нахвалиться скромным и преданным делу Артуром Лурье, усердностью Зелига Бродского. Но особенно сильное впечатление произвели на Берла двое — Луис Немир и Бланш Дагдейл (по прозвищу Баффи).

Луис Немир родился в семье, происходившей от крестившихся польских евреев. Он был известным историком, крупным специалистом по английской истории и занимал профессорскую кафедру в Манчестерском университете (положение, которого в свое время безуспешно добивался Вейцман). Человек бурного темперамента и спорных взглядов, он уже в зрелые годы пришел к сионизму. Берл считал его самым активным сотрудником в штате Лондонского Правления. Берл нашел в Немире последовательного сторонника политического сионизма, который опасался, что его шеф — Вейцман — не до конца разделяет линию Правления. Воинственный пыл Немира как нельзя лучше подходил к характеру Берла, явившегося в Лондон, чтобы расшевелить сотрудников Правления.

Баффи Дагдейл приходилась племянницей знаме-

нитому лорду Бальфуру. Христианка, принадлежавшая к высшей английской аристократии, имевшая "нужные" семейные связи, она была всей душой предана делу сионизма. Берлу нелегко было переварить эту необычную смесь. "Признаюсь, я с нелегким сердцем знакомился с этой женщиной", — писал он. Но в конце концов Баффи очаровала и Берла. "Изо всех людей, с которыми я говорил здесь, она лучше всех понимала меня, вопросы ее были самые разумные, она прекрасно умеет учиться".

Главной фигурой в Лондонском политическом отделе ВСО по-прежнему оставался Хаим Вейцман. Прежней осталась и двойственность Берла по отношению к нему. Берл хорошо чувствовал его натуру, любил лежащие в основе личности Вейцмана народные корни. Вейцмановский юмор, его глубокая связь с еврейскими традициями были очень дороги Берлу, видевшему Вейцмана в плену англосаксонской корректности. Когда Вейцман, радостный и оживленный, вернулся из поездки по Голландии, Берл заметил: "Массовые митинги, а быть может, и разговоры на идиш с евреями Восточного Антверпена, возродили его".

Вейцман встретил Берла очень приветливо. Берл при встрече напомнил Вейцману старый анекдот: "К больному приводят знаменитого профессора и тот пытается сделать все, что в его силах, для спасения больного. Но рядом с профессором стоит бедный еврей, родственник больного, и делает свое дело — читает псалмы. Так и я пришел читать псалмы рядом с профессором". Эта притча прекрасно отражает сложную систему отношений, сложившихся у Берла с одним из крупнейших еврейских политических деятелей.

Берл считал, что Вейцману необходимо постоянное давление на него и неусыпный контроль. С другой стороны, он знал, что Вейцман не способен действовать, если чувствует, что его вынуждают поступать так, а не иначе. Как подвигнуть Вейцмана на

необходимые поступки, не вызвав у него внутреннего противодействия, не дав ему почувствовать, что его принуждают, — в этом состояла главная трудность миссии Берла.

Вейцман очень болезненно реагировал на любое давление со стороны Правления в Эрец-Исраэль. Угрюмый и надутый, шел он в министерство колоний и говорил то, что от него требовали, но поскольку делал он это "из-под палки", его способности были парализованы. Настроения Вейцмана превращались тогда в вопрос национального значения, ибо несмотря на все его недостатки, никто лучше Вейцмана, с большим талантом и успехом, не умел отстаивать интересы сионизма перед англичанами.

Берлу показалось, что Вейцман устал от непрерывных политических стычек, от необходимости все время что-то требовать, он искал способ поднять боевой дух Вейцмана, не дав ему почувствовать это. "В том и беда, что он слишком умен и чуток, чтобы поддаться на лесть, которой мы окутываем нашу борьбу с ним".

Приближался срок отъезда комиссии Пиля в Палестину. Немир "клюнул" на идею паритета и пытался убедить остальных членов Правления Всемирной сионистской организации, что необходимо соответствующим образом воздействовать на министра колоний Ормсби Гора. Вейцман рьяно поддерживал Немира, а Берл, бывший одним из основоположников идеи паритета, в последнее время отказался от нее, найдя союзника в лице Бен-Гуриона.

Выдвижение **евреями** принципа паритета, по их мнению, наносило ущерб еврейским интересам, так как если он послужит **исходной позицией** евреев на англо-арабо-еврейских переговорах, то за ним неизбежно последуют дополнительные уступки в ходе самих переговоров. Берл даже опасался, что принцип паритета будет интерпретирован в смысле количественного равенства и повлечет за собой ограничение еврейской иммиграции в Палестину и продажи

земель евреям, то есть именно то, что в свое время пытались предотвратить планом паритета. Как когда-то Арлозоров, Берл теперь полагал, что англичане не поймут принципа паритета, не имеющего прецедентов в истории Британской империи.

Вместе с Бен-Гурионом, Берл готов был на то, чтобы в продолжение переговоров с арабами за круглым столом пойти на ограничение еврейской иммиграции уровнем 1935 года (62 000 человек) — самым высоким за все предшествующие годы. Но Берл подходил к этому вопросу осторожнее, чем Бен-Гурион. Берл не соглашался на то, чтобы подобное предложение исходило от евреев, — и по той причине, по которой он возражал против внесения плана паритета, и потому, что не верил в последовательность и упорство Вейцмана в отношении постоянного уровня еврейской иммиграции. "У нас нет надежного заслона в этом вопросе и потому наши позиции могут оказаться под угрозой".

По темпераменту и характеру Берл был очень близок к Вейцману — оба они были яркими представителями восточноевропейского еврейства. Но в подходе к сионизму между ними существовали полярные различия. Различия эти наглядно проявились в одном коротеньком эпизоде. Вейцман готовился к выступлению перед комиссией Пиля. "Отправляясь в путь", он взял с собой сочинения Ахад-Гаама в английском переводе. Позднее он даже послал эту книгу в подарок секретарю комиссии. "Ты смеешься надо мною, я так и знал, что ты будешь смеяться, потому и показал тебе книжку. А книга все-таки отличная, до сих пор актуальная", — сказал он Берлу.

Берл ответил: "Ахад-Гаам — хороший писатель. Но в англосаксонском переводе он опасен. С момента написания этой книги до Гитлера прошло не тридцать лет, а триста. Ахад-Гаам был большой оптимист. Он верил в конституционную монархию в России, в равноправие (в подлиннике — по-русски.

— *Прим. перев.*), в то, что просвещенные, обеспеченные евреи учредят еврейскую школу и книгоиздательство”. “На мои последние слова, — вспоминал Берл, — Вейцман поддакивал, но он был далек от того, чтобы принять это. Ему не пришло в голову, насколько актуален Герцль”.

Если Вейцман хранил верность своему обожаемому кумиру и учителю Ахад-Гааму, его учению минималистского сионизма, то Берл тоже остался верен идеалу своей юности — герцлевскому сионизму, стремящемуся к возрождению массы еврейского народа на его исторической родине.

С политической точки зрения это был переходный период между продолжительными столкновениями, предшествовавшими прекращению арабской забастовки, и прибытию в Палестину комиссии Пиля (ноябрь 1936 года). Берл нашел в доме №77 по улице Грейт Рассел усталых, измученных долгими месяцами непрерывной дипломатической борьбы людей. Если Берл и полагал, что он оказывает на них какое-то влияние, то признаки этого влияния найти было непросто. Он все-таки был чужак из далекой Палестины, а его окружали люди, принадлежавшие к тесному избранному кружку, вместе прошедшие через серьезные испытания.

Видимо, его допустили в этот замкнутый кружок, с ним советовались и доверяли ему секретную информацию, но своего отпечатка на события он не наложил.

Берл воспользовался пребыванием в Лондоне для укрепления связей с еврейской “аристократией” Англии, с Исраэлем Зивом и Генри Мельтцетом. В этом обществе Берл резко выделялся своей простой, даже небрежной одеждой; не имея вечернего костюма, он сразу бросался в глаза на торжественных приемах. Однако непритязательный внешний вид не мешал Берлу беседовать с “сиятельными особами” и воздействовать на них в нужном ему направлении. Но эти беседы не приносили немедленных плодов,

результаты их сказались много времени спустя.

Особую главу образуют отношения, сложившиеся у Берла с деятелями английской рабочей партии. Это был единственный непосредственный контакт Берла с нееврейским населением Англии, если не считать бесед с Баффи Дагдейл. Преодолевая языковой барьер и застенчивость, Берл попытался восстановить связи, существовавшие с двадцатых годов между рабочими партиями Англии и Эрец-Исраэль.

Он поехал на съезд лейбористской партии в Эдинбург [не приняв во внимание дружеских предостережений Вейцмана о том, что в Эдинбурге очень холодно и необходимо запастись теплым пальто]. Берл увидел в Эдинбурге и силу, и слабость британского рабочего движения. Руководители лейбористской партии вызвали у него неподдельное восхищение.

Кажется, никогда еще не прибегал он к таким восторженным оборотам, описывая неевреев. Руководители английских лейбористов явно пришлись ему по душе — не чиновники, не узколобые партаппаратчики, но "люди с характером и широкими умственными горизонтами". Это были подлинные гуманисты, рассматривающие все насущные вопросы исходя из стремления к миру и заботы о рабочих.

"Не знаю, есть ли еще где-нибудь в мире группа людей, так чувствующих свою ответственность за спасение цивилизации, как те люди, которых я видел в Эдинбурге", — говорил Берл. Непосредственная заинтересованность в судьбе мира и верность идеалам человечности, которую увидел Берл в английских лейбористах, была ему дороже, чем талант крупнейших теоретиков социализма, с которыми он в свое время встречался в Австрии.

Берла глубоко растрогал восьмидесятилетний пацифист Лэнсбори, который, услышав, что фашисты собираются устроить демонстрацию в лондонском еврейском квартале Уайтчепл, встал и, не дожидаясь своей очереди выступать на съезде, отправился в

Уайтчепл, чтобы участвовать в карауле. Берлу такой поступок был важнее всяких слов.

Когда Берл рассказывал на пленуме Центрального комитета Мапай о редкостных человеческих качествах руководителей британских лейбористов, в словах его слышалась мечта о том, чтобы и в его партии стояли у руля такие люди.

Берл стал свидетелем голодного марша тысячи рабочих, уволенных с верфей Северной Англии, которые вместе с семьями прошли расстояние в двести восемьдесят миль, протестуя против действий правительства, — он увидел демократию в ее лучших проявлениях.

Демонстранты вначале не придавали своим требованиям политической окраски, не желая, чтобы их смешивали с оппозицией или какой-нибудь политической организацией. Они говорили очень ясно и просто, одинаково с любым встречным, и в их тоне чувствовалась уверенность в том, что слова их будут услышаны, в том, что их дело является делом национальной важности. Берл был потрясен. "Митинг — это осколок могучей цивилизации", — записал он в дневнике. Такой же демократизм и глубину нашел Берл и в лидерах профсоюзных организаций, присутствовавших на эдинбургском съезде.

И несмотря на все это, Берл видел лейбористскую партию в период ее слабости, в период раскола. "Это партия, не верящая в победу, в то, что она сможет победить... партия, рассыпающаяся изнутри. Массы не доверяют руководителям, а руководители, в свою очередь, делятся на тех, кто продолжает оставаться верными пацифизму, и тех, кто требует вооружить британскую армию ввиду угроз со стороны европейских диктаторов".

Даже по вопросу о гражданской войне в Испании съезду не удалось принять однозначной резолюции солидарности. Испанскую делегацию встречали с колоссальным энтузиазмом и королевскими почестями. Ей даже предоставили в виде исключения право

выступить перед участниками съезда — привилегия, которой прочие иностранные делегации были лишены.

Берл, которому не довелось выступить на съезде лейбористов, записал в дневнике: "Не хочу поменяться с ними, мне хорошо быть таким, как я есть". Идеи, лежавшие в основе мировоззрения пацифистов и гуманистов, оказались несостоятельными. Представители профессиональных союзов во главе с Бевином требовали защитить британскую цивилизацию от варварства гитлеровцев и поддерживали план перевооружения британской армии.

Против них выступило большинство молодежи и лучшая часть молодой интеллигенции, увлеченной примером Советского Союза. У Берла создалось впечатление, что молодежь отказалась от характерного для английского рабочего движения эмпиризма ради русских брошюрок. Эта молодежь мечтала о вооруженной поддержке Англией республиканской Испании и одновременно выступала против перевооружения.

Этот вопрос затрагивал самое больное место Британской империи, и потому от него хотели как-нибудь отвязаться. "Колоссальный революционный потенциал молодого поколения не находит себе никакого положительного выхода", — говорил Берл. У этой молодежи не пользовались никаким уважением гуманные интеллигенты типа Сьюзен Лоренс и Хью Дэлтона, создавшие лейбористскую партию. Быть может, Берл думал о своей партии, когда замечал: "По существу, молодое поколение не тревожится о единстве лейбористского движения".

Лейбористская партия превратилась в объединение фракций, злобствующих друг на друга. Берл встретился с Эттли и провел с ним трудную беседу о палестинских делах, окончившуюся ничем. Сам Эттли показался Берлу фигурой малозначительной. Он считал, что в лейбористской партии есть более одаренные лидеры, поставившие Эттли во главе партии только потому, что они не боятся его влияния. И опять аналогия с собственной партией

была слишком ясной.

Эта поездка в Англию стала поворотной в жизни Берла — он вновь начал поединок с болезнью, которая уже не покидала его. В болезнях известных общественных деятелей всегда больше тайного, чем явного, в особенности же это справедливо в отношении лидеров Второй алии, которые считали свою личную жизнь делом сугубо частным, не предназначенным для постороннего глаза.

Поскольку многие из них выросли в скверных санитарно-гигиенических условиях и зачастую не имели возможности правильно питаться, здоровье их с детства было подорвано и они с юных лет страдали разными заболеваниями — Берл, например, после приезда в страну проходил болезненное и истощающее лечение зубов. Годы скитаний после приезда в Эрец с сопутствовавшей им тяжелой физической работой под палящим солнцем, скудной пищей и приступами малярии еще более подорвали здоровье этого поколения. Болезни и лекарства всегда оставались в сфере насущных забот для таких семей, как семья Берла.

Домашние, как видно, считали, что Берл с преувеличенным вниманием относится к своим болезням, и поначалу приписывали им психопатический характер. Берл частенько оставался днем дома и работал, лежа в постели. На различных совещаниях тоже не раз случалось, что Берл устраивался на кровати или ковре, а остальные участники беседы располагались вокруг него. Он постоянно жаловался на усталость, и Лея, объясняя это недостатком отдыха, настаивала на том, чтобы Берл чаще отдыхал в санатории.

Но если в начале тридцатых годов такого краткосрочного отпуска бывало достаточно, чтобы поправить здоровье Берла, то в последующие годы этого уже было мало. Заметно участились дни уныния и беспомощности, безвылазного лежания в постели. Берлу казалось, что он утратил былую работоспособ-

ность и энергию, а человеку, для которого работа составляла основное содержание жизни, такие мысли были невероятно горьки.

Во время пребывания в Лондоне состояние Берла снова ухудшилось. Дел становилось все больше, и Берлу едва хватало сил на самые важные встречи. Наконец, по настоянию знакомого врача, Берл решил проконсультироваться у известного специалиста, профессора Гордера. Тот обнаружил у него нарушение деятельности щитовидной железы — гипотирозидизм, в результате которого организм Берла не получал в достаточном количестве гормона тироида.

Профессор выписал Берлу таблетки, восполнявшие дефицит тироида, и в течение считанных дней состояние здоровья Берла заметно улучшилось, а за несколько последующих месяцев изменился даже его внешний облик.

Врачи требовали, чтобы Берл остался в Лондоне еще на две недели для проведения анализов и первоначального курса терапии, желая убедиться в правильности поставленного диагноза и эффективности назначенного метода лечения. Берл согласился. Появившиеся в Лондоне посланцы из Эрец пытались уговорить Берла, чтобы он попросил докторов сократить срок его пребывания в Лондоне с двух недель до одной. Но даже столь кратковременного курса лечения оказалось достаточно для существенного улучшения самочувствия Берла: он стал легче двигаться, работоспособность его возросла.

Берл продолжал встречаться с лидерами лейбористской партии; ходил по лондонским книжным магазинам, присутствовал на лекции Каста (бывшего служащего мандатной администрации в Палестине, предложившего решить палестинскую проблему, разделив территорию страны на несколько кантонов), которая, впрочем, не произвела на него особого впечатления; побывал в Париже, где встретился с другом юности Бен-Адиром, посмотрел советский кинофильм, а вечером побывал в Лувре; затем

вернулся в Лондон, откуда 13 ноября 1936 года отправился домой в Эрец. По сравнению с общей апатией и равнодушием к культурной жизни Лондона, которая характеризовала состояние Берла до начала лечения, перемена была весьма ощутимой.

Окрепший и возбужденный, прибыл Берл 19 ноября в Хайфский порт. С радостью увидел он еврейских докеров, грузивших цитрусы на стоявшие в порту корабли (после объявленной арабами всеобщей забастовки обслуживание порта перешло в руки еврейских рабочих). Встречал Берла его тезка, приветливый и верный Берл Репетор. Репетор старался отвлечь внимание Берла от траурных объявлений, развешенных в порту, не дать ему возможности перелистать "Давар". Но глаза Репетора не умели лгать, и во взгляде друга Берл прочел недобрые вести. На настойчивые расспросы Берла Репетор неохотно отвечал, что болен Бейлинсон. Вскоре выяснилась трагическая правда: Бейлинсон умер от разрыва сердца. "Я опоздал", — записал Берл в дневнике.

Для Берла это был тяжелый удар. Со времени смерти Бреннера не постигала его такая утрата. И снова, как после смерти Бреннера, смерти Сары и отца, Берла обуревали чувства вины и раскаяния. Их отношения с Бейлинсоном не строились на основе равенства. Бейлинсон никогда не противоречил Берлу. Если существовал на свете человек, всегда и повсюду до конца верный Берлу, то человеком этим был Бейлинсон. Их связывала подлинная дружба, основанная на глубоком уважении и неподдельной бескорыстной душевной близости.

Бейлинсон был бессменным оруженосцем Берла в "Давар", он брал на себя весь груз повседневной редакционной работы, тяготившей Берла. Инициалы "М. Д.", которыми подписывались передовицы "Давар", служили псевдонимом сперва для Берла, потом для Бейлинсона. Не Берл, а Бейлинсон держал фронт, отражал атаки, проповедовал, метал

громы и молнии. Так было в 1929 году, так оставалось и вплоть до 1936 года. Пока в редакции "Давар" сидел Бейлинсон, Берл знал, что газета, его излюбленное оружие, находится в верных руках.

Более чем кто-либо другой из друзей, Бейлинсон был "глазами и ушами" Берла, когда тот уезжал за границу. Отчеты Бейлинсона о положении дел в партии, Правлении Всемирной сионистской организации являлись для Берла важнейшим источником информации, единственным их недостатком было то, что Бейлинсон склонен был видеть вещи такими, какими Берл хотел их видеть.

В начале февраля 1937 года членам Центрального комитета Мапай стало известно, что профессор Копланд, самый активный и влиятельный член комиссии Пиля, во время выступления Вейцмана перед королевской комиссией спросил его, как он относится к разделу Палестины и созданию на ее территории двух независимых государств — еврейского и арабского. Взволнованный до глубины души близящимся осуществлением заветной мечты, Бен-Гурион с энтузиазмом изложил на пленуме ЦК Мапай свой план основания еврейского государства в части Западной Палестины.

Берл соглашался с тем, что план типа бен-гурионовского весьма соблазнителен для евреев. Однако он считал, что евреям ни в коем случае не следует самим выступать с подобной инициативой, ибо это чревато неизбежным проигрышем. Берл опасался, что если начнутся реальные переговоры, предложенный Бен-Гурионом план будет воспринят как устремления еврейской стороны, а это поведет к сужению границ, особенно если учесть воодушевление ответственного за переговоры Вейцмана, его готовность пожертвовать "частностями".

Поэтому Берл потребовал, чтобы евреи настаивали на соблюдении мандатных обязательств Великобритании, и лишь в случае, если им предложат создание

еврейского государства в приемлемых границах, согласились бы обсудить такой вариант. После заседания Центрального комитета Мапай Берл и Бен-Гурион остались вдвоем и, видимо, с глазу на глаз договорились о тактике, которой должно придерживаться Правление Всемирной сионистской организации.

Врачи, осматривавшие Берла в Эрец, не согласились с диагнозом, поставленным в Лондоне. Следуя их указаниям, Берл прекратил принимать таблетки тироида. Вскоре у него возобновились головные боли и головокружения.

Друзьям стало известно об ухудшении самочувствия Берла, состояние его здоровья стало вопросом, занимавшим всю партию. Товарищи несколько раз предлагали Берлу снова съездить в Лондон для лечения, а заодно проверить работу представительства ВСО на улице Грейт Рассел. Но вместо того, чтобы послушаться этого совета, Берл, скрепя сердце, согласился с мнением врачей из больничной кассы Гистадрута (к которым присоединился профессор Цондак), утверждавшим, что Берлу требуется основательный отдых. Иначе говоря, они не обнаружили у Берла ничего серьезного.

Вместо поездки в Лондон Берл 12 февраля 1937 года отправился в Египет, который считался ближневосточной здравницей: чистый сухой воздух, теплая зима, тишина и спокойствие после насыщенной событиями, напряженной жизни Эрец-Исраэль. Это было бегство человека, погруженного в беспросветное уныние, мечтающего скрыться от людей, забот, ответственности, общения с кем бы то ни было.

Что делать человеку, которого врачи признают здоровым, а он знает, что у него нет сил даже на простой разговор с людьми, на писание письма? Ища причину ухудшения своего состояния, Берл ухватился за смерть Бейлинсона — он стал утверждать, что не в силах в одиночку выносить напряжение колоссальной работы. Чем больше думал он о своей жизни

без Бейлинсона, тем сильнее падал духом. Ему и в голову не приходило искать физиологических причин своего состояния.

Долг перед памятью Бейлинсона обязывал его преданно служить их общему детищу — газете "Давар". Можно сказать и иначе — работа в "Давар" являлась для Берла как бы епитимьей, которую он наложил на себя после смерти друга. Той же причиной объясняется и отказ Берла ехать в Лондон. Дов Хоз несколько раз звонил из Лондона и настоятельно просил, чтобы он приехал. Берл неизменно отказывался, мотивируя свой отказ стремлением всецело отдаться работе в "Давар".

Лея тревожилась за здоровье Берла, но не проявила большей находчивости и здравого смысла, чем другие. Она предлагала Берлу приехать к нему в Египет. Сперва он наотрез отказывался, будто желая сбежать от нее, как и от прочих забот мира сего. Но когда он немного отдохнул, а она снова попросила разрешения навестить его, Берл согласился, чтобы она записалась на кратковременную групповую экскурсию по Египту и во время экскурсии заехала к нему.

Он все же пытался убедить Лею, что Египет — скучная страна, что экскурсия не интересна, утомительна и вообще не имеет никакого смысла. Лею обижала угрюмая замкнутость Берла, его нежелание видеть ее, и Берл пытался объяснить ей то, чего сам толком не понимал: "Разве не заключается вся тяжесть моего нынешнего состояния в том, что меня мучают головные боли, — а потому я думаю, что мне надо быть как можно осторожнее, ибо даже лучшие друзья (намек на Лею) не понимают этого. Ведь я каждую минуту могу потерять равновесие".

17 марта 1937 года, более чем через месяц после отъезда Берла в Египет, Лея поехала туда на экскурсию и навестила Берла, находившегося тогда в санатории доктора Гланца. Встреча их не удалась. Берл был холоден, сдержан, замкнут, держался на

расстоянии. За все время, что Лея провела вместе с ним, — за две недели — он ни разу не открыл ей своего сердца, не объяснил своего странного поведения.

Лишь после того, как Лея, обиженная и сбита с толку, уехала домой, Берл рассказал ей в письме о своих опасениях и страхах, о расстройстве нервов и мозга, о безысходной тоске человека, которого врачи объявили здоровым, в то время как он чувствует себя неспособным к какой-либо деятельности.

Тем временем усилилась политическая напряженность в Лондоне и находившийся там Дов Хоз вернулся в Эрец и потребовал, чтобы к нему направили Берла. Видимо, товарищи Берла — Элияху Голомб, Дов Хоз и другие — пришли к тем же выводам, что и Лея, а именно, что источником всех страданий Берла является неверный диагноз местных врачей и пришло время сделать то, чего так страшился Берл, — выйти за официальные рамки больничной кассы Гистадрута и обратиться к другому, "независимому", как говорила Лея, врачу.

Ривка Хоз взяла на себя заботы о всех формальностях, связанных с поездкой Берла в Лондон, а Элияху Голомб сумел уговорить Берла. На какой-то момент Ривке показалось, что Лея намеревается сопровождать Берла в Лондон. "А мне думается, что это будет грубая ошибка, — писала Ривка мужу, — но кто может вмешиваться в такое дело и высказывать свое мнение?" Однако Берл безо всяких колебаний оставил Лею в одиночестве и в начале апреля 1937 года уехал в Лондон.

На этот раз Берл отправился в Англию пароходом. Заботясь о его комфорте, Элияху Голомб купил Берлу билет первого класса, но тот не любил роскоши. Против обыкновения, Берл не пытался завязывать новых знакомств, не интересовался новой обстановкой. Он ни с кем не познакомился на корабле.

На ужин он, единственный из пассажиров первого класса, являлся не в вечернем костюме. Соседями его по столу были немецкий профессор с супругой. Они обычно заказывали разные блюда, чтобы каждый мог попробовать оба. Наблюдая за ними, Берл, поглощенный собственными бедами и несчастьями еврейского народа, горько заключил: "Есть, видно, на свете и другая жизнь".

В Лондоне Берл проконсультировался с несколькими известными специалистами и по их совету возобновил прием таблеток тироида. Он поселился в доме доктора Кунина, ставшего его хорошим приятелем и трогательно заботившегося о нем. В течение двух недель состояние Берла резко улучшилось.

Он сознавал свою зависимость от лекарства и пунктуально отмечал в дневнике принятую дозу тироида. В считанные дни к Берлу вернулась прежняя энергия, он начал проявлять интерес к окружающему: записался на курсы английского языка на улице Оксфорд, посещал театры, выставки, даже собачьи бега. Особое удовольствие доставила Берлу коллекция рисунков Рембрандта в Национальной галерее, где он побывал вместе с Кунином.

Он внимательно прочел корректуру "Летописи кровавых событий", которую послала ему Браха Хабас, но гневно отозвался на ее предложение включить его имя в список редакторов книги, считая, что оно продиктовано "меркантильными соображениями". "За кого вы меня принимаете? — писал он Брахе. — Разве какой-нибудь профессор станет подписывать работу молодого ученого только на том основании, что дал ему пару советов?".

Берл написал предисловие к "Летописи кровавых событий" и сделал на полях корректуры единственное замечание. Он обратил внимание, что в списке жертв беспорядков не проставлена партийная принадлежность тех из них, кто относился к движению ревизионистов. "С моей точки зрения, — писал Берл Брахе Хабас, — это грубая несправедливость. Мы

ведь не скрываем своей политической принадлежности. Так зачем же дискриминировать наших братьев, принадлежащих враждебной партии?”

Берла все больше грызло сознание своей праздности, обусловленное его политической бездеятельностью, — ведь его направили в Лондон для политической работы. В тот момент составляла свой отчет комиссия Пиля. Заседания комиссии и ее решения держались в тайне. Члены Политического отдела Всемирной сионистской организации и их помощники с улицы Грейт Рассел питались крохами информации, перепавшими им со столов британского кабинета министров и комиссии.

Недостоверные слухи непрерывно сменяли друг друга. То сообщили, что комиссия включает Галилею в состав еврейского государства, то говорили, что Галилея исключена из его территории. Аналогичным образом колебались сведения о судьбе Негева, еврейской части Иерусалима и так далее.

Вейцман, Бен-Гурион, Моше Черток, а также “англичане” — Немир и Баффи Дагдейл — все поддерживали идею раздела. Опыт долговременных контактов с правящей элитой Великобритании подсказывал им, что за арабским восстанием последуют новые указы, подавляющие идею создания Еврейского национального очага. Тот факт, что палестинская мандатная администрация, единственная из подобных ей, продолжала действовать безо всяких перемен, не развиваясь в сторону самоуправления, лишь подтверждал их мнение о неизбежности изменений существовавшего в Палестине положения. На улице Грейт Рассел полагали, что будут введены серьезные ограничения на еврейскую иммиграцию и покупку земель в Палестине и произойдут изменения в государственном статусе Палестины, причем не в лучшую, с точки зрения сионистов, сторону.

Поэтому предложение о разделе Палестины и создании еврейского государства представлялось работникам Лондонского представительства неожиданным

даром, спасением. Избавясь от гнетущей опеки британской мандатной администрации, которая под давлением арабского большинства проводила антисионистскую политику, еврейское государство само сможет регулировать алию и в течение нескольких лет добиться небывалого расцвета экономики.

План раздела не должен был, по мнению Вейцмана, Бен-Гуриона и их соратников, явиться окончательным решением проблемы Эрец-Исраэль. Они готовы были смириться с ним на пять-десять лет ради быстрых темпов роста еврейского населения, но сам раздел являлся для них временным решением — до тех пор, пока не удастся "расшириться".

Берл смотрел на положение иначе. Товарищи Берла проводили аналогию между суровыми мерами мандатной администрации, последовавшими за беспорядками 1929 года, и последними событиями, а он подчеркивал политические достижения сионизма за 1930 — 1931 годы, приведшие, по существу, к отмене Белой книги Пасфилда — за счет весьма либеральной интерпретации, приданной ей в послании Макдоналда.

Берл требовал, чтобы сионисты начали настоящую войну за "исправление мандата", то есть за неограниченную еврейскую иммиграцию, превышающую доселе достигнутые масштабы. По мнению Берла, согласие сионистского движения пожертвовать частью Эрец-Исраэль будет означать отказ от этих земель на срок жизни многих поколений и возникнет положение, которое будет крайне трудно поправить, поскольку оно не явится результатом односторонних драконовских указов мандатной державы, а окажется как бы узаконено самими сионистами.

Возражения Берла против плана раздела вытекали отнюдь не из метафизической любви к Эрец-Исраэль. Правда, элемент иррационального — смесь мистики, истории, любви к каждому уголку Эрец, политому еврейским потом и кровью, — тоже всегда присутствовал в мировоззрении Берла, но он не занимал в нем господствующего положения. Возражения Берла

против плана раздела страны имели сугубо конкретный, политический характер. Берл полагал, что англичане предложат создать еврейское государство в таких границах, которые превратят его в карикатуру и на государство, и на еврейство.

От вопроса границ Берл переходил к критическому анализу отношений между двумя будущими государствами, особенно в переходный период между объявлением раздела страны и провозглашением независимых государств. Берл опасался, что война и сложная международная обстановка сделают идею раздела неосуществимой уже после того, как она будет одобрена сионистами. В таком случае сионистское движение окажется в "пиковом положении" — отказавшись от большей части Эрец-Исраэль, оно к тому же лишится мандатной основы.

Таким образом, Берл предпочитал оставаться на твердой почве мандатория и не прыгать в неверные воды новой политической обстановки. На аргументы о том, что мандатные установления уже расшатаны и нет никаких шансов на их строгое выполнение, Берл отвечал: "Руководствуясь обычным здравым смыслом, столь характерным для нас, евреев, я полагаю, что те самые силы, которые закрыли перед нами все благоприятные возможности, помешают и благоприятному для нас разделу страны".

Берл, единственный из всех находившихся тогда в Лондоне сионистских деятелей, возражал против раздела. Эта обособленность позиции нейтрализовала возможности Берла. Он был лишь свидетелем событий, лишенным всякого влияния на их ход. Только когда в начале июня 1937 года в Лондон приехал Элияху Голomb, начались серьезные беседы между Берлом, Бен-Гурионом и Голombом, к которым позднее присоединился Дов Хоз.

Бен-Гурион стремился прийти к общему соглашению с Берлом, но не за счет того, что представлялось ему основой основ в тогдашней политике Всемирной сионистской организации — шанса на создание госу-

дарства. То, что казалось Берлу пустым призраком, Бен-Гурион воспринимал как неповторимую историческую возможность. Он не видел путей продолжения строительства еврейского национального очага без изменения политического статуса страны.

Поскольку за годы своей работы в политическом отделе Еврейского агентства Бен-Гурион хорошо изучил англичан и их методы, он понимал, что альтернативой раздела явится не четкое осуществление мандатных обязательств, не изменение текста мандата в желательную для сионистов сторону, а новые препоны строительству национального очага.

Создание же еврейского государства открывало, по мнению Бен-Гуриона, неограниченные возможности алии и экономического строительства. Бен-Гурион слышал шелест крыл истории, Берл же был к ним глух.

По тактическим соображениям Бен-Гурион тщательно придерживался политической линии, выработанной им с Берлом тогда, когда впервые разнеслись слухи о плане раздела, — бороться за осуществление мандата; ни в коем случае не выказывать радости при оглашении англичанами плана раздела; приложить все усилия к тому, чтобы представить его как чисто британский план.

Однако в продолжение совещаний королевской комиссии представителям Всемирной сионистской организации задавали прямые и косвенные вопросы относительно желательных и предпочтительных границ будущего еврейского государства, и таким образом они невольно оказывались втянутыми в обсуждение плана раздела, не имея на это полномочий.

Возвращение Берла к политической деятельности и его попытка идти против господствовавшего в политике Всемирной сионистской организации течения произошли после того, как он прочел протокол заседания Центрального комитета Мапай от 1 июня 1937 года, на котором Ицхак Табенкин, Шаул Меиров и Моше Черток критиковали политическую

линию, проводимую сионистами в Лондоне.

Берлу стало ясно, что не он один выступает против раздела, что он в состоянии сплотить вокруг своей позиции сильный лагерь сторонников внутри Мапай. Подобно тому, как вопрос об объединении киббуцного движения провел грань между Берлом и Табенкиным, так план раздела "развел" Берла с Бен-Гурионом.

Но в одном вопросе Бен-Гурион и Берл были едины. Оба они считали, что следует как можно скорее создавать новые поселения в ключевых точках Эрец: в долине Бет-Шеана, между нею и Зихрон-Яаковом, вокруг Газы и в окрестностях Иерусалима, на севере Эрец-Исраэль. Ради достижения этой цели Берл пытался побудить Вейцмана начать специальную кампанию по сбору средств среди богатых евреев; особенно среди аристократических еврейских семейств Англии (Зив — Сакер — Маркс).

Вейцман не выказал особого энтузиазма по этому поводу и не проникся сознанием срочности кампании, предложенной Берлом. "Я не могу разорваться на части", — ответил он Берлу, предоставив тому и его товарищам самим вербовать сторонников для планируемого мероприятия. Что ж, они обошлись без Вейцмана, нашлись деньги и энергичные люди — и на карте Эрец-Исраэль вскоре появились новые поселения типа "Хома умигдал".

В начале августа в Цюрихе происходила всемирная конференция Союза Поалей Цион, в которую входили Мапай и ее братские партии в диаспоре, а сразу же после конференции (по существу, почти одновременно с ней) состоялся Двадцатый сионистский конгресс.

Со времени Шестого, "угандийского", конгресса сионистское движение не знало подобного чувства исторической значимости принимаемых им решений. План раздела взрывал сложившиеся уже фракции, сеял рознь между друзьями, отдалял друг от друга близких прежде людей и сближал тех, кто был раньше далек.

Часть делегатов конгресса горела колоссальным воодушевлением, особенно это касалось представителей восточноевропейских общин. Другие были охвачены чувством надвигающейся катастрофы. Берл принадлежал к противникам плана раздела, однако он остерегался принципиального отрицания **любого** плана раздела Палестины и обосновывал свои возражения против данного плана рациональными доводами.

Правда, он напоминал в своей речи об исторической важности таких мест, как Масада и Модин, о легендарной способности Эрец-Исраэль влиять на реальные факты жизни народа. Однако лейтмотив речи Берла нашел выражение в народной притче (речь Берла, как и большинство речей на этом важнейшем конгрессе, была произнесена на идиш, поскольку в противном случае многие делегаты, особенно представители США, не поняли бы ораторов).

Говоря о плане раздела, Берл напомнил про того простака-еврея, который говорил: "Если твой должник обанкротился, но обещает вернуть долг, лучше отсрочь платеж, но получи его наличными, а не векселем". "Наличность", которой требовал Берл, заключалась в определении суверенных прав будущего государства, условий его обороноспособности и гарантиях права на алию. Наряду с этим Берл требовал, чтобы до тех пор, пока еврейское государство не создано, Всемирная сионистская организация не выпускала из-под ног твердой почвы мандатных обязательств.

Речь Берла носила двусмысленную окраску и, судя по всему, такой же была и его позиция. Во время работы конгресса была опубликована карикатура, изображавшая две группы, перетягивающие канат. Последним из тянущих канат с обеих сторон был Берл.

Дело в том, что Берл опасался двух вещей: раскола в рабочей фракции и раскола в самой Всемирной сионистской организации. Но и по сущест-

ву он был против четкого однозначного решения о разделе Палестины. Такое решение грозило поставить еврейскую делегацию в затруднительное положение на переговорах с англичанами, так как если бы сионистское движение выразило поддержку плана раздела, оно уже не могло бы более вести себя как разборчивая невеста, которую надо беспрестанно одаривать дорогими подарками.

Если сионистское движение намерено бороться за улучшение условий, предложенных комиссией Пиля (а в этом пункте умеренные сторонники плана раздела, например Черток, не расходились с его умеренными противниками), то ему необходимо сохранять выжидательную позицию, воздерживаясь как от полной поддержки плана, так и от его полного отклонения. Поэтому Берл добивался принятия решений, приемлемых для всех, осторожных решений, которые увеличили бы полномочия Правления.

Первая стадия этой подпольной работы Берла заключалась в том, чтобы добиться принятия конференцией Всемирного союза Поалей Цион такого решения, которое обязало бы палестинскую рабочую фракцию соответствующим образом держаться на конгрессе. Шесть дней длились дебаты на конференции, до самого момента открытия сионистского конгресса.

Начиная с той длительной дискуссии и до последней минуты не появилось новых аргументов ни за, ни против раздела страны. Решающий момент наступил в четверг 5 августа, на утреннем заседании. В 10.30 того же дня должен был начать работу сионистский конгресс, а спасительной формулировки, вокруг которой могла бы сплотиться рабочая партия, все не находилось.

Тогда Берл составил проект резолюции, приемлемой для всех партий — участниц конференции. Предложенная им резолюция состояла из четырех частей: 1) Правление ВСО должно бороться за международное признание исторической связи между

еврейским народом и Землей Израиля, за сохранение основ мандата. 2) Правлению ВСО предоставляются полномочия вести переговоры, в ходе которых должно быть выяснено содержание предложений английского правительства о создании еврейского государства в Эрец-Исраэль. 3) Правление ВСО обязано представить результаты переговоров на рассмотрение специально созванного сионистского конгресса.

Третий пункт резолюции имел целью успокоить противников раздела Палестины. Еще более четко та же мысль была проведена в четвертом пункте, гласившем: "До созыва чрезвычайного сионистского конгресса Правление Всемирной сионистской организации не имеет права давать от имени ВСО какие бы то ни было обязательства или принимать планы, противоречащие положениям мандата".

Шаткое равновесие, соблюденное в тексте резолюции между предоставлением Правлению возможности действовать и ограничением его права выносить окончательное решение, удовлетворяло обе стороны и ограждало делегацию Всемирной сионистской организации на переговорах с правительством Великобритании от излишнего энтузиазма, которого Берл опасался более всего.

Дебаты на конгрессе, хотя в ходе их и было произнесено немало блестящих речей, носили несколько поверхностный характер. В своих основных положениях резолюция, принятая конгрессом шесть дней спустя, походила на резолюцию Всемирного союза Поалей Цион: сохранение основ мандата, придание Правлению полномочий для ведения переговоров с английским правительством и созыв нового сионистского конгресса, который, когда придет срок, вынесет конкретные решения.

Позиция, занятая Берлом на конференции Всемирного союза Поалей Цион и особенно на самом сионистском конгрессе, удивила и разочаровала противников раздела Эрец-Исраэль. Его готовность

предоставить Правлению полномочия для ведения переговоров и решение наотрез отказаться от любого плана раздела Эрец были для многих непонятны.

Самое разумное объяснение поведения Берла на конгрессе дал Моше Черток, когда в письме к своей жене Циппоре попытался по ее просьбе растолковать двусмысленную позицию Берла. Черток говорит о чрезвычайной тактической ловкости Берла, сумевшего завоевать доверие противников раздела и одновременно умерить пыл его рьяных сторонников, что позволило им прийти к согласованной резолюции на конференции Союза Поалей Цион.

Эта резолюция отодвинула опасность раскола в сионистском рабочем движении, предотвратив принятие политически вредного решения, недвусмысленно поддерживающего раздел Палестины. Кроме того, включив в текст резолюции определенные оговорки и ограничения, Берл сумел добиться того, что за резолюцию, предоставляющую Правлению Всемирной сионистской организации право ведения переговоров о плане раздела, высказалось подавляющее большинство — две трети делегатов сионистского конгресса.

Если бы не политическая прозорливость Берла, пишет Черток, весьма сомнительно, чтобы большинство участников конгресса вообще проголосовало бы за переговоры или же такое решение было бы принято лишь незначительным большинством голосов.

В ситуации, когда Вейцман занял явно одностороннюю позицию и даже Бен-Гурион настолько проникся идеей раздела, что смог лишь с трепетом ждать решения, именно Берл обеспечил успешную работу конгресса и нашел путь, позволивший сохранить единство всемирного движения Поалей Цион и Всемирной сионистской организации.

По окончании конгресса Берл — и в этом, быть может, его крупнейшее достижение — представлялся фигурой, одинаково приемлемой и для противников, и для сторонников раздела. И Бен-Гурион, и Табенкин оказывали на него сильное давление,

призывая войти в Правление ВСО. Он и сам признавал, что политическая обстановка требует от него непосредственного участия в определении курса Всемирной сионистской организации.

Берл не лицемерил, не умалял своих достоинств, не пытался прятаться за отговорки типа "кто я такой и что я могу", но больше, чем когда-либо прежде, душа у него не лежала к принятию на себя официальных политических обязанностей.

Как и на всех предыдущих конгрессах, Берл бежал от определенного поста, требующего ежедневной практической работы. Только теперь к обычному нежеланию примешивалось другое чувство: Берлу казалось, что дни его сочтены. В продолжение конгресса он чувствовал себя лучше, чем на предыдущих, много работал, не щадя себя. Но Берла не покидало ощущение, что ему суждено прожить на свете лишь год-другой. "Я стал беречь оставшиеся мне годы", — писал он Лее. Чувство, что времени у него в обрез, а он так и не исполнил своего назначения, преследовало Берла до последнего часа.

Он стремился к одиночеству рабочего кабинета, к письменному столу, к размеренному распорядку дел редактора. На столе ждала его работа, выполнение которой он считал своим призванием и личным долгом, — в первую очередь, редактирование статей Бейлинсона, которыми он так и не нашел времени заняться почти за целый год, истекший со дня смерти друга, а также трудов близкого ему Нахмана Сыркина. Берлу хотелось принять участие и в семинаре Ха-киббуц ха-меухад, он надеялся вернуться в "Давар", сбившуюся без него с пути.

Главным своим поприщем Берл считал дело воспитания молодежи. Он мечтал создать "Институт имени Бейлинсона" — высшее партийное учебное заведение. "Я мечтаю о таком бет-мидраше, который возникнет среди сельскохозяйственных поселений и где я смогу собрать лучшую нашу молодежь и делиться с ней нашим опытом. Это ведь самое

главное из всех оставшихся у меня дел”.

После сионистского конгресса Берл отправился в маленькую чешскую деревушку, где под руководством Ласи Галили был организован летний молодежный лагерь, — искать душевного отдохновения. И вправду Берл нашел там смышленного юношу и девушку, покоровшую его сердце. После этой поездки Берл писал, что ему мила “не дипломатия, а ”меламдут” (воспитание юношества)”. С тех пор он стал то и дело прибегать к традиционным еврейским терминам, связанным с передачей духовного наследия от поколения к поколению: бет-мидраш, иешива и тому подобное.

В дни, предшествовавшие сионистскому конгрессу, и во время его работы Берл посвящал каждую свободную минуту добыванию денег на создание ”Института имени Бейлинсона”. Он мечтал о 20 000 фунтов стерлингов для строительства общежития, библиотеки, лекционных залов и классов.

Но надеждам Берла на скорое открытие ”Института Бейлинсона” не суждено было сбыться. Хотя он и не вошел в Правление Всемирной сионистской организации, но на конгрессе был образован новый орган — консультативная политическая комиссия, которая должна была работать в Лондоне, и от нее Берлу уже не удалось отвертеться.

В течение месяца, следовавшего за конгрессом, Берл много путешествовал: из Чехословакии он поехал в Голландию, много ходил по музеям, любуясь картинами Рембрандта и Ван-Гога, осмотрел загородный дом Спинозы, полистал старинные книги на иврите, по которым учился великий философ. Берла поразили грандиозные мероприятия голландского правительства по осушению болот, он даже окрестил их ”сионистским подвигом”.

В Париже Берл наткнулся на наследство Моше Гесса и не мог оторваться от интереснейших исторических документов, таких, например, как письма друг к другу членов одного немецкого семейства, написан-

ные еврейскими буквами, и богатейшие материалы, относящиеся к периоду зарождения современного сионизма. Разговорившись с немецким евреем, хранителем наследия Лассаля, Берл с волнением узнал, что среди вещей Лассаля-сына бережно сохранялись тфиллин Лассаля-отца.

В Гааге Берл посетил Нехемию де Лима, содержавшего на свои средства Международный институт социальных исследований, где находился архив германской социал-демократической партии и разнообразные частные коллекции. Берл просил де Лима способствовать налаживанию регулярного книжного обмена между его институтом и библиотеками Эрец, а в ходе беседы попытался заинтересовать его делом покупки земель в Эрец-Исраэль.

Де Лима, являвшийся одним из виднейших сионистских деятелей Запада в период, последовавший за Декларацией Бальфура, затем, в двадцатые и тридцатые годы, отошел от сионистского движения. В дневнике Берла осталась беглая характеристика де Лима: "Мрачный, надломленный, острый на язык старикан". Несмотря на старания Берла, встреча не принесла никаких плодов.

Берл остался в Европе из-за того, что был избран членом консультативной комиссии. Комиссия эта (в составе раввина Меира Берлина, Стефана Вайза и Берла Кацнельсона) была назначена сионистским конгрессом для наблюдения за ходом переговоров, которые вел в Лондоне Вейцман с правительством Великобритании относительно плана раздела страны.

Однако английское правительство отложило переговоры. "Все двери перед нашими представителями вдруг закрылись, — писал Берл, — непроглядный туман". Томясь бездействием, Берл ввязался в поездку в Америку. Бен-Гурион вернулся из Нью-Йорка с проектом соглашения между дочерней партией Мапай в США (Поалей Цион — Цеирей Цион) и председателем комитета еврейских тред-юнионов. В соглашении говорилось о вступлении членов американ-

ских еврейских профсоюзов в состав Всемирной сионистской организации.

Возможность завербовать в Америке четверть миллиона новых членов была исключительно заманчивой, и Бен-Гурион, вместе с другими товарищами по партии стал упрашивать Берла поехать в США и на месте прощупать реальность такого соглашения. Одновременно представлялся случай провести сбор средств на развитие поселенчества в стратегически важных пунктах Эрец и попытаться наладить отношения с группой Брандайса.

Берл отправился в Америку на роскошном пароходе "Куин Мери". Приезд Берла поверг его американских хозяев в смятение. Встречать одного из главных вождей палестинского ишува явились лидеры еврейского рабочего движения. Поднявшись на корабль, они стали искать Берла на палубах первого и второго классов — и не могли найти. Когда же "потеря" обнаружилась на палубе третьего класса, они были несказанно удивлены. Это "сумасшествие" было воспринято чуть ли не как "оскорбление чести рабочего движения".

Берл попал в "ярмарочную" обстановку. Он беспрестанно сетовал на нескончаемые поездки, встречи, визиты вежливости, съедающие все его время, не позволяющие сконцентрироваться. Но, как кажется, этот избыток деятельности помогал Берлу бежать от самого себя. Он присутствовал на съезде Поалей Цион, на конгрессе женской организации "Хадасса", на совете деятелей Керен каемет, часто выступая с речами, причем ему, видимо, сопутствовал большой успех, чем шестнадцать лет назад, — быть может, на этот раз его выручала известность, быть может — приобретенный за истекшие годы опыт. Берл обнаружил, что корреспонденты разных газет изобретают интервью с ним, которых не было и в помине, публикуют воображаемые отчеты о его речах, поскольку произносились они обычно поздно вечером, когда уже не было возможности напечатать их подлинное содержание.

Так, в бесполезной суете, пронеслись первые недели пребывания Берла в Америке. Ему никак не удавалось начать серьезные переговоры, ради которых он приехал. Когда же они наконец начались, выяснилось, что оптимизм Бен-Гуриона был весьма и весьма преувеличен.

Члены американских еврейских тред-юнионов, воспитанные на глубоко укоренившихся антиссионистских традициях Бунда, отрицательно относились к участию в работе сионистских конгрессов. Так что идея исторического объединения еврейских рабочих Соединенных Штатов под знаменем сионизма быстро испарилась. Берл шутливо резюмировал эти переговоры одной фразой: "Пришел, увидел и не победил".

В отличие от первой его поездки в США, на этот раз перед Берлом были широко раскрыты двери сионистских организаций. Тепло встретил его крупнейший еврейский деятель Америки, верховный судья Брандайс. Берл попытался и его склонить к помощи по приобретению земель в Палестине, созданию новых поселений и решению проблемы безработицы в Эрец.

Он также не упустил случая заговорить о своей мечте — организации нового учреждения для воспитания подрастающего поколения, — и положительная реакция Брандайса согрела его душу. Берл встречался также с членом Верховного суда США Франкфуртером, и после этой встречи Франкфуртер написал Вейзу: "Вчера у меня был приятный гость — Кацнельсон. Что за чудные люди эти евреи Эрец-Исраэль! Всякий раз, когда я вижу их, во мне крепнет уверенность, что они преодолеют все препятствия, даже самые тяжелые".

Состояние американского сионистского движения вызывало у Берла острое недовольство. Оглядываясь вокруг на заседании Правления Всемирной сионистской организации, Берл не видел ни одного лица, принадлежавшего человеку моложе пятидесяти лет. Сионистское движение в США, утверждал Берл, осталось целиком и полностью движением эмигрантским. Быть может, в том и заключался секрет очарования

таких, как Франкфуртер, Мак, Брандайс, — они были погружены в американскую жизнь, но при этом являлись верными сионистами. Берл не нашел ни широких сионистски настроенных демократических слоев, которые могли бы гарантировать будущее сионистского движения в Соединенных Штатах, ни молодой сионистской интеллигенции. ”Я вижу в этом вопрос вопросов сионизма, а не только вопрос текущего дня”, — говорил он по возвращении из Америки.

Берл успел заметить, что профсоюзные организации поработают своих членов, что их еврейский характер определяется лишь тем, что в правлении сидят евреи. Поэтому Берла глубоко беспокоил коренной вопрос о создании организации, воспитывающей смену движения Поалей Цион в США. Он мечтал, чтобы сыновья и дочери еврейских иммигрантов, составляющие новое поколение, говорящие не на идиш, а на английском, американцы по характеру, изучали иврит и имели сионистские убеждения.

В США Берл познакомился с молодежной организацией ”Ха-боним” (”Строители”), и она произвела на него хорошее впечатление. Даже само название новой группы, простое и краткое, понравилось ему, так как оно отвечало новым условиям, соответствовало вкусам молодых американцев, среди которых ей предстояло вербовать новых сторонников. Возвратившись в Европу, Берл потребовал, чтобы Всемирная сионистская организация приложила все усилия для успешной деятельности этой сионистской молодежной организации в Америке, видя в этом одну из своих первостепенных задач.

И в Америке преследовала Берла полемика вокруг вопроса о разделе. Американские сионисты относились к Берлу с нескрываемой подозрительностью: приверженцы раздела видели в нем сторонника своих врагов. По их мнению, Берл приехал, чтобы усилить позиции противников раздела, подорванные недавним визитом Бен-Гуриона.

А сами противники раздела, особенно экстремистки из женской организации "Хадасса", считали Берла секретным посланцем Правления Всемирной сионистской организации, прибывшим с целью умерить их пыл.

Внутренняя борьба приводила к взаимной враждебности сторон и наносила ущерб дееспособности сионистского движения, что особенно тяжело сказывалось на деятельности Магбита. Если Берлу и удалось сблизить враждебные стороны, то лишь в пределах его партии — Поалей Цион.

Поездка в США была лишь случайным и кратким интермеццо в биографии Берла. Возвратившись в Эрец, он тотчас погрузился в водоворот острой внутренней полемики. Внутри уже задувала буря предстоящего Реховотского съезда, а за ним пошли политические бури, связанные с объединением киббуцного движения, когда Берл и Бен-Гурион встали плечом к плечу против Табенкина.

Но в тот момент Берл и Табенкин еще находились в одном лагере, боровшемся против Бен-Гуриона по главному вопросу внешней политики — вопросу о разделе, так как неустойчивое равновесие, сложившееся во время последнего сионистского конгресса между сторонниками и противниками раздела, снова было нарушено.

У противников раздела возникло ощущение, что их наблюдатели не присутствуют ни на переговорах с англичанами, ни на внутренних консультациях делегации Всемирной сионистской организации в Лондоне.

Разочарование, обиду и подозрительность противников раздела еще более подогрели однозначные высказывания в пользу раздела, то и дело встречавшиеся в речах членов Правления ВСО, например Нахума Гольдмана и Ицхака Гринбойма. Все это привело к новой вспышке внутренней полемики. Берл опасался, что сторонники раздела не слишком пунктуально соблюдают верность дуалистической резолюции цюрихского конгресса.

В Лондоне намечался созыв сессии Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации под руководством Бен-Гуриона. Берлу было ясно, что на этом форуме снова разгорится спор вокруг раздела, — и все это в момент, когда еще не пришел срок выносить конкретное решение, поскольку англичане все еще не сказали своего слова.

Берл задумал предотвратить полемику, грозившую излишне накалить страсти, дав одновременно понять Бен-Гуриону и его сторонникам, что противники раздела не отказались от участия в определении политики ВСО. С этой целью Берл организовал бойкот Лондонской сессии Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации со стороны членов Мапай, выступавших против раздела.

Берл по-прежнему шагал по узкому мостику между отказом от отрицания плана раздела и борьбой за сохранение мандатных обязательств. Такой же линии он держался, когда в Эрец прибыла комиссия Вудхеда и противники раздела выразили желание давать перед нею свои показания, отдельно от членов Правления ВСО. Берл противился их сепаратизму.

Он не верил, что комиссия Вудхеда уполномочена выносить решение по столь кардинальному вопросу, как раздел страны, но полагал, что ей поручено разработать план создания еврейского государства. "А потому, — говорил Берл, — я хочу получить от комиссии Вудхеда наиболее благоприятный для будущего еврейского государства документ. Если только возможно вообще получить его от этой комиссии".

Противников раздела Берл использовал как рычаг давления на Правление ВСО, чтобы заставить его придерживаться осторожной, подозрительной политики на переговорах с англичанами. Он не хотел доводить сионистское движение до раскола из-за дележа шкуры убитого медведя. Табенкин считал раздел вопросом принципиальным, из-за которого дело может дойти до раскола. Он не мог смириться с разделом Эрец-Исраэль, которая была для него

единой и неделимой. Берл же готов был при определенных обстоятельствах и на известных условиях пойти на раздел. Из-за его половинчатой позиции обе стороны считали Берла своим, но относились к нему подозрительно.

После бурного Реховотского съезда и напряженной политической работы Берл провел летом 1938 года отпуск в Иерусалиме. Но еще до осенних праздников он вернулся в Лондон, как раз перед опубликованием отчета комиссии Вудхеда. Лечивший Берла врач также настаивал на том, чтобы он прошел обследование и дополнительный курс лечения.

В Лондоне Берл застал натянутого как струна, готового к бою Бен-Гуриона. Тот еще верил в то, что Правление Всемирной сионистской организации должно бороться за выгодный раздел Палестины. Берл сказал ему: "Оставь это. Теперь нам предстоит бороться за право на существование, надо сплотить народ для этой борьбы".

Берл не верил в практическую осуществимость плана раздела и придавал первостепенное значение близящейся политической схватке, считая главной задачей сплочение народа вокруг общего лозунга, способного объединить все национальные силы на борьбу за общее дело. Не прошло и десяти дней, как во время встречи Вейцмана и Бен-Гуриона с министром колоний Малкольмом Макдональдом с несомненностью выяснилось, что английское правительство забросило идею раздела и планирует жесткие ограничения строительства национального еврейского очага в Палестине.

Пока англичане еще придерживались принятых норм политической вежливости. Внешне казалось, что еще ничего не решено. Министерство колоний еще ожидало выводов комиссии Вудхеда относительно раздела Палестины, но в кулуарах уже повеяло холодным ветром, предвещавшим новые напасти. Это было время переговоров между Чемберленом и Гитлером о будущем Судетской области, и Вейцман

тешился надеждой на то, что с угрозой войны вернется ситуация 1917 года и англичане снова станут поддерживать евреев. У Берла не было подобных иллюзий. Ему было ясно, что "сперва англичане пожелают купить верность наших соседей".

Сильное впечатление произвели на Берла слова Яна Масарика, сына основателя Чехословацкой республики, бывшего послом в Лондоне. Масарик саркастически посоветовал Вейцману приобрести в Лондоне трехэтажный дом: на первом поселится император Эфиопии Хайле Селассие — которого итальянцы свергнут с престола и выгонят из страны, на втором, говорил Масарик, будет проживать он, представитель Чехословакии, надежной союзницей которой является Англия, а третий этаж будет зарезервирован для самого Вейцмана.

Берл видел в попытках англичан умиловить арабов часть политики умиротворения, которой англичане придерживались в отношении Гитлера, не чувствуя никакого противоречия в своих словах, — а ведь на деле усилия англичан привлечь симпатии арабов были продиктованы стремлением подготовиться к грядущей войне с Гитлером. Но тогда, в гуще событий, понять все это было нелегко.

Берл находился в Лондоне в момент, когда Англию потрясло паническое известие начала войны — 27 сентября 1938 года. Вечером 1 октября, когда германские армии вступали в Чехословакию, в доме Хаима Вейцмана собрались виднейшие деятели лондонского представительства Всемирной сионистской организации, в том числе трое палестинцев — Локер, Бен-Гурион и Берл.

Позднее, уже к ночи, пришел Ян Масарик. Вера Вейцман и Баффи Дагдейл поднялись ему навстречу и поцеловали, как целуют человека в трауре. Потом все снова уселись и молча слушали долгую повесть Масарика о предательстве, мелких и крупных обманах и лицемерии английских дипломатов, бросивших на произвол судьбы свою союзницу.

Баффи Дагдейл с опущенной головой слушала Масарика. Она ощущала горечь и бессильное унижение, думая про себя, что чехи ошиблись — они должны были бороться, а не сдаваться без боя. Нечто подобное думал и Берл. В дневнике он записал: "Пришел Ян Масарик и воздал англичанам страшную месть — в разговорах".

Уже в ходе первых бесед с министром колоний Малкольмом Макдональдом, состоявшихся в сентябре 1938 года, Берл пришел к выводу, что за фасадом гладких фраз и изъявлений дружбы англичане готовят новые драконовские указы, подобных которым палестинский ишув еще не знал. Берл хотел подготовиться одновременно и к возможности мировой войны и к борьбе против мандатных властей.

В качестве первого шага в серии подготовительных мер к такому чрезвычайному положению Берл потребовал освободить сионистское движение от споров вокруг раздела и сплотить его "для общей войны с общей бедой". "Вопросы, казавшиеся нам раньше исключительно важными, утрачивают теперь всякий смысл, — писал Берл Табенкину, — нам теперь надо думать лишь об одном — как провести нашу лодочку в этом потоке, сносящем на своем пути все препятствия".

План концентрировался вокруг двух ключевых пунктов: 1) максимально быстрое заселение Негева; 2) организация нелегальной алии — тоже со всей возможной энергией и скоростью.

Интерес Берла к организации нелегальной алии возник много лет назад. Летнюю ночь 31 июля 1934 года Берл провел на берегу моря, встречая первый пароход с нелегальными иммигрантами. В дневнике он записал: "Всю ночь на берегу — встреча первого парохода. Возвышенно и страшно. Лодка перевернулась. Двое утонули. Восход солнца встретил с Галили".

1934 год был одним из рекордных по количеству легальных иммигрантов, отношения между Верховным

наместником и Правлением Всемирной сионистской организации были исключительно дружественными. Бен-Гурион и Черток настаивали на том, чтобы руководство ишува действовало в строгих рамках закона, не соблазняясь никакими окольными путями, чтобы не рисковать главным — плодотворным сотрудничеством с мандатными властями.

Берл же предпочитал не мешать тем, кто действовал независимо от Еврейского Агентства, от приверженцев официальных властей. Он по-прежнему сторонился неевреев, даже тех, кто благожелательно обращался с евреями, искал собственных путей и методов, не желая зависеть от милостей иноземцев. Вопрос этот был предметом горячих споров, которые велись в узком партийном кругу и не выносились на суд широкой общественности. Берл всячески поддерживал Шаула Меирова, Берла Репетора и их товарищей — организаторов нелегальной алии. Именно он санкционировал их деятельность от имени руководства Мапай. Бен-Гурион кипел и возмущался — и формально принятая резолюция отражала его точку зрения. Но, несмотря на эту резолюцию, подпольщики потихоньку продолжали свою работу, причем Берл без малейшего колебания проигнорировал авторитет партии и поддержал их.

Теперь же, накануне крутых перемен в британской политике, настал час, когда работа, именовавшаяся ревностными приверженцами закона "партизанщиной", должна была выйти "из подполья", стать новым, дополнительным направлением общепартийной деятельности. "Сионистское движение было прежде чисто легальным, — говорил Берл. — Теперь оно должно перестроиться на двойную игру".

Для самого Берла такая перестройка не представляла никакого труда. Она давала выход кипевшему в его сердце гневу, исцеляла от чувства беспомощности перед мощными силами, своевольно игравшими судьбой еврейского народа. В новой, самостоятельной деятельности был и вызов великой державе, и бунт, и

стойкость, и противоборство — ”мы не Чехословакия”. А кроме всего прочего, нелегальная алия как нельзя лучше выражала сионизм Берла, альфой и омегой которого были алия и поселенчество.

Как во всех делах, которые Берл принимал близко к сердцу, так и в организации Алии Бет у него находились неистощимые источники энергии. В разгар мюнхенских переговоров Берл начал собирать средства на нелегальную алию. Не брезгуя ни мелкими, ни крупными пожертвованиями, Берл лихорадочно искал знакомств с еврейскими меценатами — сионистами и несионистами.

Именно в тот период все польские евреи были в течение 24 часов изгнаны из пределов Германии. Кошмар ”Хрустальной ночи” ярким светом осветил жуткую судьбу евреев под властью Гитлера. Проблема еврейских беженцев не сходила с повестки дня европейских стран. ”Корабли призраков” кочевали от одного берега к другому, не находя пристанища для лишенных паспорта и родины евреев. Эвианская конференция, призванная найти решение проблемы беженцев, натолкнулась на позорное равнодушие культурных народов к скитающимся по свету евреям, на отказ всех цивилизованных стран предоставить им убежище.

Так жестокая действительность показала, что единственным прибежищем для евреев является Эрец-Исраэль, и те евреи, которые прежде отворачивались от сионизма, должны были волей-неволей признать его правоту и открыть свои сердца (и кошельки) перед посланцами Алии Бет. Так были найдены источники финансирования, предоставившие для организации нелегальной алии немалые средства — в масштабе тысяч фунтов стерлингов, и в начале 1939 года к берегам Эрец-Исраэль стали прибывать корабли с беженцами.

Теперь нелегальная алия получила легальный статус внутри Мапай, Бен-Гурион также признал ее необходимость. Однако между ним и Берлом было существен-

ное различие. Бен-Гуриону важен был демонстративный аспект нелегальной иммиграции евреев в Палестину, ее влияние на мировое общественное мнение. Берл же придавал первостепенное значение самому факту спасения евреев, а потому он не гонялся за показным, сенсационным, считая, что тихая, секретная работа принесет больше плодов, чем демонстративные высадки, подвергающие опасности жизнь нелегальных иммигрантов.

Именно к Берлу обращались организаторы Алии Бет с крупными и мелкими просьбами, именно он из всех членов Центрального комитета Мапай взял на себя ответственность за подпольную работу. Эти обязанности соответствовали и внутреннему складу Берла, его тяге к настоящему делу, отвращению ко всякого рода показухе, его активистскому мировоззрению и самому его положению в ЦК — отсутствию у него формального поста, ведь человеку, занимающему пост в официальном сионистском органе, нелегко было бы действовать в нелегальном мире теней.

В начале февраля Берл возвратился в Лондон для участия в тройственных переговорах, проводившихся в Сент-Джеймском дворце. Еврейская делегация, возглавлявшаяся Вейцманом и Бен-Гурионом, была весьма внушительной. В нее входили деятели самых различных партий и организаций ишува, сионисты и несионисты, а также виднейшие представители английского еврейства, многие из которых отнюдь не являлись сионистами и все без исключения были абсолютно лояльны по отношению к Великобритании.

Зрелище, представшее глазам Берла в роскошных залах Сент-Джеймского дворца, поражало великолепием. Действующие лица этого прекрасно оформленного спектакля являлись на сцену в черных фраках, в соответствии с дипломатическим этикетом. Берл, правда, ограничился своим старым черным костюмом. "Если учесть, какие решения приготовило нам правительство, не стоит мне ради него выражаться в пух и прах", — объявил он друзьям.

Англо-еврейские и англо-арабские переговоры шли параллельно, арабы и евреи не встречались между собой. Делегация правительства Великобритании, возглавляемая министром колоний Малкольмом Макдональдом, излагала еврейской делегации позиции арабов, делая это, по словам Берла, "еще лучше, чем сами арабы". Берл восторгался обходительностью англичан — они с большой любезностью, с ясной улыбкой на лицах внимали бесконечным жалобам и обвинениям со стороны евреев. На любые критические замечания и колкости англичане отвечали одобрительным смехом, показывая, что умеют ценить "еврейские шуточки". "На первый взгляд, это незначительные, вполне безличные "шкоцим", но в государственных манерах и отношениях с собеседниками эти пройдохи набили себе руку!"

Сент-Джеймсская конференция внушала Берлу чувство беспомощности и тщетности всех его усилий. Но выпадали иногда минуты душевного подъема. До начала переговоров Берл вообще был против них, поскольку не был уверен в крепости сионистских позиций в еврейской делегации. Но в продолжение конференции среди евреев обнаружилось неожиданное единство. Еврейско-английские лорды признали безоговорочный авторитет Бен-Гуриона и его друзей, выслушивали их речи с глубочайшим почтением. Раввин Моше Блой из антисионистской партии Агудат-Исраэль, взволнованный удачным выступлением Вейцмана, пожал ему руку, приговаривая: "Браво, браво!"

Бывший ревизионист Гроссман, представитель Государственной партии, тоже вел себя с полной ответственностью. Единство и чувство собственного достоинства, проявленные еврейской делегацией в ответ на все угрозы и соблазны британского правительства и были для Берла лучом света в угнетающей атмосфере Сент-Джеймсского дворца.

Новая Белая книга все еще не была опубликована, но основное содержание ее уже стало известно:

ограничение еврейской иммиграции до 75 000 человек в течение пяти лет, а затем установление новой квоты по согласованию с арабами; ограничение на приобретение евреями земель, а главное — создание в течение десяти лет самостоятельного палестинского государства.

Ишув страны ответил на эти известия забастовками, демонстрациями и уличными беспорядками. Берла такая энергичная реакция даже радовала. "Надо, чтобы правительство почувствовало, что имеет дело с настоящей силой, без согласия которой невозможно ввести в Эрец какой бы то ни было новый режим", — писал он.

Однако Берл принципиально возражал против открытого восстания ишува. Забастовки и демонстрации в дни господства Гитлера никого не пугают, говорил Берл, напротив, они даже наносят вред самому ишуву. Ишув должен вести борьбу по образцу Ганди, который сумел найти такие средства борьбы, которые соответствовали и задачам национального освобождения, и характеру народа. "Конструктивное сопротивление" — такова была намеченная Берлом линия борьбы. Главным ее средством, по мнению Берла, являлась нелегальная алия.

При этом Берл не устал подчеркивать, что политические соображения должны отступить на задний план ради главного — спасения евреев Европы. "Мы добиваемся главного — того, чтобы евреи могли поселиться в Эрец. А потому меня не слишком-то привлекают открытые стычки, я не стремлюсь к конфликтам, не гонюсь за романтической стороной дела. Я хочу основного — евреев в Эрец. Но если нелегальная алия окажется связанной с какими-нибудь эксцессами, я не отступлю". Если в нелегальных иммигрантов будут стрелять, если будут возвращать назад корабли — что ж, "это война евреев за Родину".

Другим методом "конструктивного сопротивления" являлось приобретение земель и поселенчество. За

годы арабского восстания в разных концах Эрец соединенными усилиями национальных учреждений и поселенческого движения было основано около пятидесяти новых поселений. Берл стремился максимально использовать срок, оставшийся до выхода в свет нового земельного законодательства, воспрещавшего евреям покупать земли почти на всей территории Палестины, для того, чтобы успеть приобрести как можно больше земель, рассчитывая, что правительство не сможет помешать евреям селиться на уже выкупленных участках.

Таким образом, алия и поселенчество являлись, по мысли Берла, основой основ политики сионизма. Берл, как обычно, не отделял друг от друга практического и воспитательного значения дела: с одной стороны, спасение евреев и выкуп земель, с другой, — воспитание у молодого поколения готовности к борьбе, к бою, к самопожертвованию.

Поэтому Берл еще глубже втягивался в дела Хаганы. И тут участие его носило самый что ни на есть практический характер. Он занимался закупкой оружия, добыванием средств, разработкой оперативных планов. И снова, как в деле организации Алии Бет, Берл не имел в Хагане никакого официального поста. Но высшее командование Хаганы видело в нем наставника, человека, облеченного высшим партийным авторитетом.

Прошли летние месяцы 1939 года. Белая книга была наконец опубликована. Продолжали прибывать в берегам Эрец корабли с нелегальными иммигрантами. Состоялся съезд Ха-киббуц ха-меухад в Наане, внутренняя полемика в партии достигла апогея. Берл закончил редактирование книги "Киббуц и квуца"; тель-авивские фракции Мапай продолжали междоусобную борьбу. Пожалуй, можно сказать, что жизнь в ишуве протекала в двух параллельных плоскостях.

В одной велась лихорадочная подготовка на случай чрезвычайного положения, собиралось необходимое на черный день оружие, сколачивалась крепкая

подпольная организация. В другой решались повседневные вопросы — тут дела шли своим чередом, будто не было в мире ни Гитлера, ни Белой книги, тут продолжались домашние ссоры — и внутри самой Мапай, и между нею и другими группировками, поглощавшие без остатка лучших людей ишува.

16 августа 1939 года в Женеве открылся 21 Сионистский конгресс. И хотя никому это не могло бы прийти в голову, то был последний сионистский конгресс в жизни Берла. Пожалуй, речь Берла на 21 конгрессе — самая сильная из всех, когда-либо произнесенных им на широком международном форуме, за пределами Эрец-Исраэль.

Дискуссию открыл Вейцман. Он произнес замечательную речь, где бескомпромиссно осуждалась новая линия английского правительства, но одновременно слышались намеки на то, что и в существующих условиях можно шаг за шагом продолжать строительство Эрец-Исраэль теми же методами, которым пользовалась Всемирная сионистская организация и доселе.

Еще более явственно слышались те же нотки в выступлении американского раввина Шломо Гольдмана, призывающего терпеливо копить силы и продолжать конструктивную, творческую работу по строительству страны. Примирительные настроения достигли своего апогея в речи другого представителя США, Аббы Хиллела Силвера, который проповедовал отказ от любых актов, способных привести к столкновению с мандатными властями. Он утверждал, что британское правительство не сможет долго продолжать антисионистскую политику, что она неминуемо будет изменена. Но пока час борьбы с английским правительством не пробил. "Я обращаюсь к вам с призывом воздерживаться от актов отчаяния, от гражданского бунта, от отказа сотрудничать с мандатными властями", — говорил Силвер.

Его несколько раз перебивали выкриками с мест, и кто-то громко спросил, каково отношение оратора

к нелегальной алии. Силвер ответил, что относится к ней резко отрицательно, ибо из-за нее сионистское движение, само того не желая и не успев толком подготовиться, может оказаться втянутым в войну против английского правительства.

Интересы сионизма не в том, чтобы расшатывать мир и спокойствие в Эрец-Исраэль, а в том, чтобы упрочить их. Силвер закончил свое выступление призывом к хладнокровию, упорству, выдержке и твердой вере. На следующий день (20 августа 1939 года) слово взял Берл, объявивший открытую войну примиренчеству. Берл не пытался ходить вокруг да около, затушевывать существующие разногласия, а со всей непримиримостью обрушился на оптимистов, готовых смириться с Белой книгой, точно она представляла собой лишь рядовой антисионистский выпад. "С этой трибуны раздавались голоса людей, занимающих исключительно ответственное положение в нашем движении, — начал Берл, намекая на Вейцмана. — Слова их свидетельствуют о том, что они до сих пор не поняли смысла Белой книги".

В нынешних условиях, говорил Берл, прежние методы сионистского движения — освоение земли дунам за дунамом, медленная, но упорная борьба за все новые практические достижения — уже не оправдывают себя. Острие своих полемических стрел направил Берл против Аббы Хиллела Силвера. "Вчера с этой трибуны раздался призыв рабби Силвера, который я не могу обойти молчанием. Рабби Силвер бросил камень в нелегальных иммигрантов, он вонзил нож в спину нашей сионистской политики". Отбросив всякую дипломатическую осторожность, Берл ринулся в бой, отстаивая с трибуны официально-Сионистского конгресса, на глазах всего мира, нелегальную алию.

Иммиграция, именуемая "незаконной", иронизировал Берл, есть самое законное из человеческих установлений. Правительства законны, завоевания законны, аннексии законны, даже нарушения спокой-

ствия законны. Незаконна лишь иммиграция евреев в Эрец-Исраэль на основе старинного права Исхода из плена Египетского.

И внезапно, словно осененный даром пророчества, Берл заговорил о будущем. "Каждая идея ищет себе материальную базу, людей, являющихся ее носителями в гуще самой жизни". Идею сионизма сперва воплощали в себе мелкие торговцы, принадлежавшие к Ховевей Цион, потом еврейские студенты и "маскилим", затем рабочие, боровшиеся за еврейский труд. "Теперь, — утверждал Берл, — в авангарде борьбы идут еврейские беженцы, и все мы должны прийти к ним на помощь". [Продолжительные аплодисменты.] "Они не дают заснуть совести мира, из-за них собирается Эвианская конференция, из-за них не могут найти себе покоя еврейские аристократы".

Отвечая тем, кто сомневался в способности еврейских беженцев разрушить существующие политические рамки, развеять планы великих держав, Берл сказал: "Я знаю, что бывают случаи, когда даже великие державы отступают перед горем и страданиями людских масс. Хотите вы того или нет, способствуете этому или мешаєте, но страдающий еврейский народ будет по-прежнему нестись по волнам к берегам Родины". Берл завершил речь призывом к единству сионистского лагеря, к его сплочению вокруг ядра, сложившегося в Эрец.

Когда Берл закончил свое выступление, продолжавшееся более часа, делегаты Сионистского конгресса поднялись со своих мест и устроили ему овацию. В зале царил небывалый подъем. Члены всех враждующих партий, начиная с раввинов из Мизрахи и кончая самыми левыми представителями Поалей Цион, кинулись поздравлять Берла и пожимать ему руку.

"Даже члены "Киббуца" помирились со мной на часок-другой", — написал Берл Лее. Среди всеобщей сутолоки к Берлу подошел какой-то неизвестный ему молодой человек и произнес: "Слушая вас, я гордился, что и я член Гистадрута". Вейцман же, хоть

и сказал Берлу, что речь его — одна из лучших речей, когда-либо звучавших с трибуны конгресса, был страшно рассержен. Непосредственная реакция Вейцмана на выступление Берла была: "Полезной такую речь не назовешь".

Вейцман отнюдь не стремился обнародовать двойственность политики Всемирной сионистской организации, сочетавшей деятельность в рамках законности с одновременной подпольной работой. Положение создавалось весьма щекотливое, и речь Берла, конечно, не отличалась дипломатической осторожностью.

Критическая реплика Вейцмана была обращена к Бен-Гуриону, сидевшему подле него во время выступления Берла. Бен-Гурион, не раздумывая, ответил: "Самая лучшая сионистская речь, произнесенная здесь". Этот ответ так разгневал Вейцмана, что он даже пригрозил своим уходом с поста президента ВСО. Лишь с большим трудом удалось уговорить его остаться.

Но все крупные и мелкие передраги, сопровождавшие работу Сионистского конгресса, разом забылись, когда, два дня спустя после речи Берла, 22 августа, стало известно, что Советский Союз и нацистская Германия подписали договор о ненападении. Над конгрессом нависла угрожающая тень войны, рядом с которой все прочие вопросы сразу стали казаться незначительными. Но в силу инерции конгресс еще три долгих дня продолжал заниматься обычными делами.

Последнее заседание было грустным и трогательным. Вейцман выступил с кратким, рвущим душу прощальным словом. Пожелав польским делегатам избежать судьбы своих немецких собратьев, Вейцман закончил речь словами: "Сердце мое переполнено до краев. Не могу найти подходящих слов, чтобы пожелать благополучия каждому из вас. Вы и сами знаете, что в такие минуты слова теряют смысл. До свидания! [Продолжительные аплодисменты.] Есть события, которые должны совершиться, события, без

которых не сможет существовать мир. Те из нас, кто уцелеет, будут работать, сражаться и жить до тех пор, пока не настанут лучшие времена. До тех пор я и прощаюсь с вами. До мирной встречи!”

Он крепко обнял сидевших рядом с ним в президиуме престарелого Усышкина и Бен-Гуриона, точно не желая расставаться с ними. У многих в глазах стояли слезы. Это была волнующая минута.

Потом делегаты конгресса разъехались по своим странам, торопясь соединиться с близкими. Многие-многие из них больше никогда не увидели друг друга.

В боковой комнате собрались делегаты Эрец-Исраэль, относившиеся к рабочей фракции. Была поздняя ночь. На повестке дня стоял вопрос о том, следует ли инструкторам Хе-халуца в Польше, балканских странах, Германии, Австрии и Чехословакии возвращаться на место работы или домой в Эрец-Исраэль. Один за другим поднимались инструкторы, протестуя против самой постановки этого вопроса, — именно потому, что опасность столь велика, они обязаны оставаться рядом со своими воспитанниками.

Берл прилег на скамейке, стоявшей вдоль стены, — непонятно, то ли дремал, то ли слушал. Лишь изредка приоткрывал он глаза, всматриваясь в это зрелище безыскусного самопожертвования, и искра счастья пробегала по его усталому лицу.

С тех пор, как жребий был брошен и война стала неизбежной, на Берла неожиданно снизошло спокойствие. Ужас, охвативший его в период мюнхенского кризиса, больше не повторился. Он наблюдал панику, воцарившуюся на конгрессе, точно посторонний, глядевший на чужую жизнь. Он был уверен, что в любом случае успеет добраться до Эрец, а как — ему было все равно.

Из Женевы с помощью Шаула Меирова он отправился в Париж на срочное совещание по вопросам Алии Бет и Хаганы. Тут планы его вдруг изменились: ”Я

встретился здесь с одним своим старинным знакомцем и вечным противником, — писал Берл Лее, — и он очень уговаривал меня приехать в Лондон для серьезного разговора с ним”. Человеком этим был Жаботинский. Берл пошел навестить его в парижском отеле: Жаботинский был необычайно растроган этой встречей. Беседа их была краткой, и Жаботинский стал упрашивать Берла приехать в Лондон, чтобы подробно и основательно поговорить обо всех делах, поскольку сам он не мог остаться в Париже. Берл решил, что не имеет права не откликнуться.

Главной темой их бесед, из-за которой Берл собственно и согласился поехать в Лондон в тот момент, когда вокруг занимался мировой пожар, был вопрос о терроре. С самого начала беспорядков 1936 года, а фактически еще до первой их вспышки вопрос о мести и ее способах не сходил с повестки дня ишува.

Берл с первых дней беспорядков провозгласил лозунг ”Не мстить”. Эту позицию он занял не только по моральным соображениям. Это была официальная позиция Сионистского Правления, считавшего, что соблюдение закона еврейской стороной заставит британское правительство занять твердую позицию против арабских политических требований. Он непоколебимо выдерживал повторный натиск бойцов Хаганы, требовавших, чтобы им разрешили отомстить за злодеяния арабских террористов. В ответ на заявление Шаула Меирова, что он не может более удерживать своих товарищей, Берл сказал, что в таком случае Шаул должен подать в отставку.

Правда, после того, как в августе 1936 года в Яффе были убиты две еврейки — сестры милосердия, ухаживавшие за больными яфскими арабами, Берл санкционировал ответную акцию. Но когда при ее проведении жертвами стали арабские женщины и дети, Берл был так потрясен, что более уже никогда не отступал от своего кардинального принципа.

Берл терпеть не мог террора. У него была иная

этика — этика тех деятелей первой русской революции, которые более всего боялись пролития невинной крови, хоть и горели ненавистью к врагу. Берл ни в коем случае не проповедовал ничегонеделания как панацею от ошибок. Напротив, он приветствовал создание ночных ударных батальонов и считал, что активные методы проведения сионистской политики (например, создание поселений типа "Хома умигдал"), неразрывно связанные с обороной, являются наилучшим ответом на террористические акты.

Помимо принципиальных возражений против террора, Берла более всего тревожило опасение, что на этой почве в ишуве может начаться гражданская война. Мысль эта, не оставлявшая его со времени первых столкновений между рабочим движением и ревизионистами, превратилась в неотвязный кошмар после того, как Эцел (военизированная организация, руководимая ревизионистами) нарушил провозглашенную руководством ишува и Всемирной сионистской организации политику сдержанности. Террористическая деятельность еврейских экстремистов подрывала спокойную, устоявшуюся жизнь ишува. "Вслед за еврейским террором, направленным против арабов, настанет черед еврейского террора против евреев", — предсказывал Берл.

Центральный комитет Мапай принял решение о решительной борьбе против проявлений террора, отвечавшее стремлениям Берла изолировать террористов от всего остального ишува, вбить клин между ними и теми кругами, которые предоставляли им моральную и материальную поддержку. Резолюцией ЦК Мапай предусматривалось также обратить особое внимание на разъяснительную работу среди выходцев из стран Востока и в ортодоксально-клерикальных кругах, которые, по-видимому, более других слоев ишува были склонны поддерживать линию Эцела.

В резолюции даже содержался пункт о том, что члены партии должны принимать все возможные меры для предотвращения запланированных актов

террора, о которых им стало известно. Но в ней и полслова не говорилось о сотрудничестве с англичанами в деле подавления террора — трудно поверить, что Берл одобрил бы подобное решение: еврейский террор был для Берла бедой самих евреев, внутренним делом, в которое не следует впутывать посторонних.

Летом 1939 года в самый разгар борьбы против Белой книги началась новая волна террористических актов на фоне всеобщей озлобленности против Англии. Действия террористов нашли живой отклик в сердцах многих юношей и девушек, даже среди тех, кто принадлежал к кругам, близким к рабочему движению.

Берл выступал на молодежных собраниях, призывая "вести нашу войну чистыми руками". Он (единственный из руководителей рабочего движения) даже подписал "Воззвание против внутреннего террора", под которым поставили свои подписи также Генриетта Сольд, Аврахам Халеви Франкель, Шмуэль Иосеф Агنون и профессор Хуго Бергман.

Бывая в киббуцах, Берл также без устали проповедовал борьбу против террора. На Женевском конгрессе он занял абсолютно четкую позицию, превознося политику сдержанности: "Сдержанность означает, что мы хотим сохранить свое оружие чистым. Мы учимся обращаться с оружием, мы носим оружие при себе, мы защищаемся от тех, кто нападает на нас. Но мы не желаем пятнать нашего оружия невинной кровью". Берл предостерегал от провокаций, которые могут иметь самые непредвиденные последствия, и не остановился даже перед открытым обвинением определенных еврейских кругов в проведении чересчур опасной, авантюристической политики.

Но параллельно с бескомпромиссной, непоколебимой борьбой против террора Берл искал возможности договориться с ревизионистами — его неотступно терзал страх перед гражданской войной. Неудивительно поэтому, что когда Жаботинский стал упрашивать

Берла приехать в Лондон для переговоров, Берл не мог отказаться.

Первая встреча их состоялась 31 августа 1939 года в лондонской квартире Жаботинского и продолжалась с 10.15 утра до 19.00 вечера. В дневнике Берл записал: "Я дошел до полного отчаяния и бессилия". Но встреча эта не была последней — наутро Жаботинский пришел к Берлу и переговоры возобновились. В общей сложности они провели четыре беседы.

Берл увидел перед собой мрачного, отчаявшегося, познавшего горечь разочарований челсвека. Он почувствовал тоску Жаботинского, мучительное состояние эмигранта, против воли оторванного от Родины, от действия, от переднего края борьбы. Когда Берл коснулся террористических актов, проводимых членами Эцела, и выразил свою озабоченность по этому поводу, Жаботинский ответил, что он, спокойно сидящий вдалеке, не вправе судить людей, действующих на месте, готовых взойти на виселицу.

Беседа их была посвящена, главным образом, выяснению позиций сторон. Берл обнаружил, что его собеседник почитает мапайников сионистами типа Ахад-Гаама, проповедующими избранную алию и "духовный центр" и равнодушно отворачивающимися от страданий еврейских масс. Страшась за судьбу еврейского народа, Жаботинский испытывал даже какую-то враждебность к ишуву. "По-моему, сионизм это дело тех евреев, которые не находятся в Эрец-Исраэль", — сказал он.

Разногласия между собеседниками охватывали все проблемы сионизма: самооборону, террор, поселенчество, алию. Когда они попытались сформулировать свои позиции на бумаге, оказалось, что их разделяет глубочайшая пропасть. Прощаясь, Жаботинский сказал Берлу: "Слова ваши повергли меня в уныние. Я вижу, что вы с нами совсем не считаетесь. Вам хочется, чтобы я вернулся во Всемирную сионистскую организацию, а вообще-то вы хотели бы просто избавиться от нас, как от досадной помехи".

В ходе разговора Жаботинскому показалось, что, по мнению Берла, деятели рабочего движения лучше его сподвижников разбираются в политических делах, в обороне и поселенчестве. "Так зачем же мы вам?" — спросил он. Это была трудная минута, ведь Жаботинский четко уловил отношение Берла и его товарищей к ревизионистам. Берл не собирался увиливать, но его ответ говорил не столько о его личной оценке ревизионистской организации, сколько о неповторимости личности и проницательности самого Берла. Он так объяснил Жаботинскому свое отношение к политическим противникам. Если Жаботинский обычно пренебрегал теми, кто возражал ему, то Берл вел себя иначе. "Когда я вижу противника, мне хочется понять, почему он против. И хоть я в общем-то уверен в своей правоте, в правильности пути своей партии, я все же склонен считать, что мой противник исходит из какого-то моего просчета. Вы существуете потому, что в нас есть какой-то изъян".

Таков был подход Берла к партиям, с оттенками ложного мессианства справа и слева от него. Он полагал, что в самих их заблуждениях есть доля истины. Ревизионисты, пояснил он Жаботинскому, сделали упор на государственном аспекте. Возможно, рабочее движение, ввиду многочисленности своих функций, не уделило этому аспекту достаточного внимания, и отсюда пошли ревизионисты, которые, со своей стороны, занявшись лишь одним этим вопросом, в отрыве от целого, неизбежно "нагромоздили ошибку на ошибке и скатились на ложное мессианство". Если же ревизионисты вернуться в живой организм сионистского движения, они не только спасут себя, но и обогатят движение в целом.

В центре переговоров с Жаботинским стояла проблема авторитета Всемирной сионистской организации. Вся горечь Жаботинского, все его страдания переплелись с враждой к ВСО. К руководителям Мапай он сохранил доверие, помня связывавшее их в годы молодости общее дело — Еврейский легион. Он

смутился, когда Берл напомнил ему об инсинуациях, которые распространял орган Эцела в Польше — газета "Тат" по адресу Элияху Голомба.

Но к руководству Всемирной сионистской организации и Вейцману Жаботинский питал глубокую вражду. Он утверждал, что если бы был созван подлинно народный еврейский конгресс, где делегатские мандаты не покупались бы за шекели*, то его партия получила бы на нем большинство. До тех пор, пока не будет проведен такой конгресс, говорил Жаботинский, он не вернется в ВСО, потому что на нынешних конгрессах голоса покупаются за деньги.

Берл сперва отказался согласиться на такую "народную демократию", поскольку подобный, ничего не требующий от своих членов конгресс не может продвинуть осуществления сионистских начинаний, неразрывно связанных с ассигнованиями и фондами. Но к концу второй беседы с Жаботинским Берл выдвинул предложение: если по окончании войны Сионистский конгресс решит созвать единый съезд, куда делегаты будут, правда, избираться на основе шекеля, но такого шекеля, который будет распределяться бесплатно среди всех, кто подпишет Сионистскую Декларацию, — вернутся ли в таком случае ревизионисты во Всемирную сионистскую организацию?

Идея Берла произвела на Жаботинского сильное впечатление. На следующий день он позвонил Берлу и сказал, что на основе выдвинутого Берлом предложения ревизионисты согласны вернуться в ВСО.

Берл не повторил ошибки Бен-Гуриона — он не подписал с Жаботинским никакого документа, не дал никаких обязательств. Беседы носили личный характер, но подкреплялись авторитетом каждого в своей партии. Похоже, что Берл понял душевную боль Жаботинского, вызванную оторванностью от родины, лучше, чем Бен-Гурион. Но, в отличие от Бен-Гуриона,

*Шекель — членский взнос в ВСО. (Прим. переводчика)

Берл не поддавался очарованию своего собеседника. Он отдавал себе отчет в глубине разделявшей их пропасти, хотя и пытался перекрыть ее мостом. Уважение и симпатия к Жаботинскому-человеку не заслоняли от глаз Берла ни разногласий прошлого, ни страха за настоящее. В беседах Берла с Жаботинским не было эйфории, сопутствовавшей в свое время переговорам Бен-Гуриона с главой ревизионистов. Было взаимное уважение, было ощущение насущной потребности договориться — близился страшный час уничтожения польского еврейства.

Накануне возвращения Берла в Эрец они снова увиделись для прощальной беседы. Жаботинский с горькой печалью сказал Берлу: "Вы победили. За вами богатое еврейство Америки. А за мной было лишь бедное еврейство Польши. Теперь же нет и его. Я проиграл". А Берл подумал про себя, что его проигрыш не меньше проигрыша Жаботинского. С начала войны в Польше перекрылись каналы алии, поставлявшей пополнение в армию строителей Эрец-Исраэль. Катастрофа восточноевропейского еврейства нанесла невосполнимый урон не только партии ревизионистов, но и рабочему движению.

В середине сентября 1939 года Берл пароходом отправился в Эрец. 21 сентября пароход "Марко Поло", на котором он плыл, бросил якорь в Хайфском порту. С тех пор Берл уже не покидал берегов Родины.

Припертые к стене 1939 – 1944

”Чем отличаются хорошие годы от плохих? Когда наступают на земле хорошие годы, все твари Божии братаются между собою, когда же приходят плохие годы, все становятся друг другу чужими, все завидуют друг другу и обижают друг друга”.

(Поучение из Талмуда, процитированное Берлом в речи, произнесенной в Тель-Авиве 20 января 1940 г.)

1. В эпицентре бури

Начала мировой войны ждали все, но когда она разразилась, мир застыл от удивления и ужаса. Никогда слабость ишува, его почти полная беспомощность так не бросалась в глаза, как в те годы, когда мировые гиганты истощали силы в непримиримой схватке между собой. Среди бури, закрутившей в бешеном водовороте весь мир, кромсавшей еврейство Европы, палестинский ишув оказался в относительном затишье. Правда, итальянские самолеты несколько раз бомбили Хайфу и Тель-Авив, и при бомбежках многие люди погибли и получили ранения. Правда, до 1942 года ишув находился в состоянии экономического кризиса, и часть его оказалась на грани голода.

Но по сравнению с теми лишениями, которые выпали на долю, например, гражданского населения Англии (не говоря уже о континентальной Европе), ишув жил точно в эпицентре бури, бушевавшей вокруг, но не затрагивавшей его самого. Со всех сторон подстерегали чудовищные опасности, и бывали минуты, когда казалось, что ишуву уготована участь

Масады, но повседневная жизнь все же шла своим чередом. Буря, столь близкая и столь далекая, так и не захлестнула спокойных берегов Эрец.

Пожалуй, в двойственности этого положения — одновременной близости и отдаленности мировой грозы, соучастия в ней и отчужденности от нее, следует искать объяснения поведению ишува и его вождей в тот грозный час, поведению, в котором смешались страх и спокойствие, героика и повседневность.

Человеку трудно жить долгие годы в постоянном напряжении. И когда опасность не колет глаза ежедневно, не затрагивает основ существования, общество склонно игнорировать ее, находя прибежище в заботах о хлебе насущном, в утешающей привычной рутине.

Мировая война вспыхнула вскоре после опубликования Белой книги, пресекавшей дальнейшее строительство национального очага. Весной 1940 года, после захвата Польши германской армией, в период "мнимой войны" в Европе, в Эрец был издан Земельный закон, жестоко ограничивший приобретение евреями земель на большей части территории Палестины.

Война мандатных властей с нелегальной алией продолжалась. Чиновники английской администрации без малейшего содрогания готовы были повернуть прибывавшие к берегам Палестины корабли с беженцами и нелегальными иммигрантами в открытое море. Лишь после долгих переговоров удавалось добиться того, чтобы пассажиров направляли в лагерь для интернированных лиц в Атлите. Куда большее рвение проявляли англичане при поисках незаконно хранившегося в Эрец оружия.

Руководители Еврейского агентства Бен-Гурион и Вейцман предлагали британскому правительству создать воинские соединения еврейских добровольцев, которые, сражаясь под еврейским знаменем, внесли бы свой вклад в войну против фашизма. Но

английское правительство не торопилось откликнуться на это предложение. Оно готово было принять еврейских добровольцев для участия в боевых действиях на западном фронте, а затем и на других фронтах, но лишь под британским флагом, и, разумеется, не соглашалось считать евреев самостоятельной воюющей стороной.

Такое обращение британского правительства с ишувом и сионистским движением породило трагическую двойственность в отношении последнего к мандатным властям. Великобритания возглавляла борьбу против Гитлера. С момента вторжения Гитлера в Польшу, когда Советский Союз, по существу, встал на сторону Германии, захватив, согласно договору Молотова — Риббентропа, изрядную часть польской территории, а особенно после падения Франции и в период "Битвы за Британию", Англия в одиночку несла все бремя войны с державами оси. Не было никакого сомнения в том, на чьей стороне стоит весь еврейский народ, но Британия относилась к своему естественному союзнику как к пятому колесу в телеге.

В первые же дни войны Бен-Гурион бросил призыв: "Воевать с Гитлером, как будто не существует Белой книги, и бороться против Белой книги, как будто не существует Гитлера". В качестве лозунга эта формулировка сделала свое дело. Но когда ишуву пришлось переводить ее на язык поступков, выявились скрытые в ней неувязки.

Как бороться против Белой книги и антисионистских законов, не нанося ущерба ходу войны с фашизмом? Упорная борьба против англичан могла вызвать ответную реакцию с их стороны, привела бы к утрате экономических и поселенческих достижений ишува, завоеванных с таким трудом. Не лучше ли подождать до конца войны, а тогда английская политика изменится сама собою?

Таково было главное содержание спора в ишуве и внутри самой Мапай, то и дело вспыхивавшего с

новой силой вплоть до создания Государства Израиль. Спор этот шел между "активистами" и умеренными, и, как всегда бывало в ишуве, политическая полемика прорезала классовые, мировоззренческие и прочие позиции.

Берл пошел в этом споре по линии крайнего активизма. Он наметил три области, в которых нельзя было отступать "даже под страхом смерти": алия, земли и Хагана. Если английские власти препятствуют евреям иммигрировать в Палестину, то надо это рассматривать как открытый вызов. Если власти препятствуют еврейскому поселенчеству на территории Эрец-Исраэль, они тем самым лишают евреев их исторического права на Родину, права, признанного за ними в тексте мандатных обязательств Великобритании, и смириться с этим нельзя. Наконец, если власти подкапываются под Хагану, угрожая разоружить ишув, то Хагана должна защищаться и не имеет права разоружаться.

Берл гордо отстаивал право еврейского народа на самооборону еще и потому, что хотел воспитать молодежь в готовности к самопожертвованию и сознании того, что в народно-освободительной борьбе неизбежны аресты и тюрьмы.

После опубликования Земельного закона в Мапай разгорелся особенно острый спор, чуть не приведший к расколу в партии. Одну группировку составляли "люди действия", во главе с Бен-Гурионом, Берлом, Элияху Голомбом, руководителями Ха-киббуц ха-меухад. "Активисты" опасались, что отсутствие ответной реакции со стороны ишува может быть истолковано властями как покорность только что введенному закону и может привести к еще более суровым антиеврейским указам.

Они требовали, чтобы руководство ишува отказалось сотрудничать с властями во всех областях жизни, оказало активное сопротивление попыткам разоружения Хаганы, организовало массовые демонстрации протеста против политики правительства, не

страшась столкновений с полицией, и, создав в Палестине состояние перманентного беспокойства, доказало бы англичанам, что не только арабы способны подорвать устойчивость мандатного режима в Палестине.

Против этой группы с большой решительностью сплотились умеренные. Внутри Мапай к ним принадлежали бывшие члены Ха-поэл ха-цаир во главе со Шпринцаком, а также бывшие члены Ахдут ха-авода во главе с Ремезом. Они считали активистскую линию Берла — Бен-Гуриона одновременно глупой и опасной. Они полагали, что политика Белой книги вытекает из потребностей Англии накануне войны, а после ее окончания эта политика сама собой прекратится.

Поэтому борьба против английских властей представлялась им излишней. Их соображения подкреплялись тем, что премьер-министром Англии был назначен Черчилль, известный своими просионистскими взглядами. Кроме того, говорили они, Англия возглавляет борьбу против Гитлера, а потому ей не только нельзя мешать, но необходимо всемерно помогать, ведь ее враг — это и враг еврейского народа.

Ко всем этим доводам присоединялось опасение перед реакцией англичан на еврейское восстание. В момент, когда решаются судьбы народов мира, Англия не остановится перед тем, чтобы силой подавить любое сопротивление, а это могло бы, в свою очередь, поставить под угрозу дальнейшее развитие ишува. Но даже если английское правительство воздержится от применения силы, в его руках имеется тысяча средств экономического удушения ишува, сведения на нет всех его достижений.

Достаточно Великобритании прекратить охранять ишув от его арабских соседей — и само его существование окажется под угрозой. В силу всех этих причин умеренные считали, что воинственная линия, на проведении которой настаивали Бен-Гурион

и Берл, максимально рискована и к тому же не обещает никаких реальных плодов.

В апреле 1940 года Бен-Гурион оказался в Правлении Еврейского агентства в меньшинстве, так как большинство членов Правления выступало против проведения активной антианглийской политики. Бен-Гурион подал в отставку. Правление отставки не приняло и потребовало, чтобы Бен-Гурион взял свое заявление обратно. Вейцман отправил Бен-Гуриону телеграмму, где также просил его вернуться в Правление и выражал свое полное доверие ему. Бен-Гурион согласился и вскоре отбыл в США.

Теперь из всех оставшихся в Эрец "активистов" Берл оказался самым влиятельным. Правда, Табенкин также возглавлял активистский лагерь, но сфера влияния Берла была значительно шире. В тот период он стал выразителем настроений бойцов Хаганы. Речь Берла, обращенная к членам Хаганы, озаглавленная "Припертые к стене" и произнесенная в дни падения Франции, помогла людям распрямиться, яснее осознать свои позиции, подчеркивала независимость и колоссальную ответственность еврейского руководства в грозные дни войны, когда вокруг раздавались причитания типа "Кто мы такие и какова наша сила?"

Ни в штабе Хаганы, ни в руководстве Алии Бет Берл не занимал никакого официального поста. Не подлежит, однако, сомнению, что командиры Хаганы считали его своим высшим начальством. Главным передаточным звеном между командирами подразделений и Берлом служил Элияху Голомб, сообщавший ему обо всем происходящем в Хагане и доводивший указания Берла до бойцов.

Но Голомб не был единственным. Многие командиры Хаганы обращались к Берлу со своими сомнениями и предложениями, видя в нем последнюю, решающую инстанцию.

Спор между "активистами" и умеренными особенно обострился в конце 1940 года, когда к берегам

Эрец прибыли три корабля с нелегальными иммигрантами "Милос", "Пасифик" и "Атлантик". До тех пор мандатная администрация обычно помещала нелегальных иммигрантов в лагерь предварительного заключения в Атлите, а затем понемногу освобождала их, вычитая соответствующее количество виз из иммиграционной квоты, отпущенной Еврейскому агентству в рамках Белой книги, — чтобы оно не могло воспользоваться тем, что легальные пути иммиграции оказались закрытыми из-за войны.

Власти отказывались выдавать иммиграционные визы гражданам враждебных государств, мотивируя это тем, что немцы смогут таким образом заслать в Палестину своих шпионов. В понятие "враждебные государства" включались все страны, захваченные державами оси, то есть практически вся Европа. Таким образом, во время войны единственным способом иммиграции евреев в Палестину стала нелегальная иммиграция.

Когда "Милос" и "Пасифик" бросили якорь в Хайфском порту, стало известно, что Верховный комиссар намеревается выслать нелегальных иммигрантов на отдаленный остров Маврикий, находящийся под владычеством Британской короны и расположенный в Индийском океане на расстоянии около пятисот миль к востоку от Мадагаскара. Тем самым Верховный комиссар хотел раз и навсегда положить конец нелегальной иммиграции. Эта акция была пощечиной ишуву и именно так воспринималась им. Пробыв в Хайфе несколько недель, нелегальные иммигранты были переведены на пароход "Патрия", готовый к отплытию на Маврикий.

Руководство ишуву, стремясь придать огласку происходящему, организовало всеобщую забастовку протеста против замышляемой властями высылки беженцев (20 ноября 1940 года). Было установлено, что среди прибывших были организованные добровольцы-киббуцники, родственники проживавших в Эрец поселенцев, состоятельные лица, переведшие

свои капиталы в Палестину еще до войны, а также просто люди, бежавшие от фашистского истребления. Это опровергало измышления мандатной администрации о том, что нелегальные иммигранты являются "пятой колонной".

Но все попытки Правления Еврейского агентства, руководства Национального комитета и других представителей общественности, пытавшихся воздействовать на Верховного комиссара и склонить его к отмене бесчеловечного решения о высылке, оказались тщетными.

Вейцману, находившемуся в Лондоне, также не удалось, несмотря на все усилия, сломить упрямство правительственных чиновников, решивших покончить с нелегальной еврейской иммиграцией на время войны.

Несколько дней спустя Берл получил из Хайфы неожиданное известие: "Патрия" взорвана и опускается на дно. Следом за этим сообщением к Берлу явились Шаул Меиров и Берл Репетор. Мы не располагаем прямыми доказательствами, но есть основания думать, что Берл был в курсе плана этой операции и получал отчеты о возникших осложнениях.

Член Хаганы пронес на корабль мину, взрыв которой должен был слегка повредить корабль и отсрочить дату его отплытия в надежде на то, что тем временем удастся изменить позицию администрации. Старый истрепанный корабль среагировал на взрыв гораздо сильнее, чем предполагалось заранее, в борту образовалась большая пробоина и через несколько минут судно начало опускаться на дно.

Масштабы катастрофы выяснились лишь позднее — около двухсот пятидесяти человек утонуло. При проведении спасательных операций англичане действовали выше всяческих похвал и благодаря их самоотверженности около полутора тысяч человек удалось спасти. После этой катастрофы английское правительство, несмотря на противодействие Верховного комиссара Мак-Майкла, разрешило спасшимся

беженцам остаться в Палестине в счет иммиграционной квоты.

В то же время в Хайфу был переведен с Кипра корабль нелегальных иммигрантов "Атлантик", на котором началась эпидемия. Руководствуясь гуманными мотивами, мандатные власти решили временно разместить пассажиров "Атлантика" в Атлитском лагере, где им была оказана медицинская помощь.

Принятое в Лондоне решение оставить пассажиров "Патрии" в Эрец не распространялось на евреев "Атлантика". Они были обречены на высылку на остров Маврикий. Неожиданно появившиеся в Атлитском лагере крупные силы полиции насильно усадили отчаянно сопротивлявшихся иммигрантов с "Атлантика" на грузовики и затем на корабли, доставившие несчастных людей к месту ссылки.

Вся эта операция проводилась с исключительной жестокостью, подчас разыгрывались столь душераздирающие сцены, что даже некоторые из полицейских не были в силах исполнять свои обязанности. Эвакуация пассажиров "Атлантика" застала ишув и Хагану врасплох. Грузовики проследовали в порт по опустевшим улицам Хайфы — власти предусмотрительно включили в это время сирену воздушной тревоги. Руководство ишува узнало о случившемся, когда все уже было кончено.

Историю "Патрии" Берл обозначил в дневнике словом "катастрофа", но эвакуацию пассажиров "Атлантика" он назвал "страшным известием". Тот факт, что ишув смирился с высылкой нелегальных иммигрантов, не встал грудью на их защиту, не устроил демонстраций протеста по дороге к порту, не пытался остановить автоколонну, был для Берла источником душевной боли, стыда и гнева.

Сведения о высылке нелегальных иммигрантов из Атлита появились 9 декабря 1940 года, в тот самый день, когда в Кфар-Саве должен был собраться пленум Исполкома Гистадрута. Берл, давно уже не появлявшийся на заседаниях Исполкома, на этот раз

приехал. Было принято единогласное решение, что пленум заслушает речь Берла, посвященную происшедшему в Атлите, а затем заседание будет отложено на неделю, в знак протеста.

В своем выступлении Берл прежде всего свел счеты с оппонентами внутри партии, хотя и в адрес британского правительства он высказал тяжкие обвинения. Эпиграфом к его речи могла бы послужить одна фраза из нее: "Ни один народ не может без самых разрушительных последствий отказаться от борьбы за свое освобождение".

Честные и благородные евреи, говорил Берл, намекая на Шпринцака и иже с ним, начали видеть в алии вопрос второстепенной или третьестепенной важности, из-за которого не стоит ссориться с правительством, который можно отложить до окончания войны. Но ищув, борющийся за дело сионизма, не имеет права допустить, чтобы интересы евреев приносились в жертву во имя чего бы то ни было.

Самое жуткое обвинение обрушил Берл на своих противников в связи с гибелью "Патрии". Если умеренные говорили, что именно "активисты" повинны в напрасных жертвах, то Берл утверждал обратное: "Будь наше движение иным, очень возможно, что иной была бы и судьба пассажиров "Патрии". Еще не были исчерпаны все возможности политической борьбы даже в военное время". Берл имел в виду, что если бы на более ранней стадии сионистское движение проявило бы бóльшую смелость, то не было бы нужды прибегать к таким отчаянным средствам, как взрыв корабля. "Готовность к риску подчас спасает от опасности", — заключил Берл.

Умеренные в ответ обвинили Берла в политическом авантюризме, ничуть не меньшем, чем у ревизионистов. Вопрос о нелегальной иммиграции несколько недель не сходил с повестки дня Мапай. Партия разделилась на два лагеря, одни прославляли историю "Патрии", ставили ее в один ряд с защитой Тель-Хая, другие видели в ней несчастье, позорный результат

разнузданной, нечестной, аморальной политики.

В период борьбы "активистов" за нелегальную алию и против Белой книги Берл сформулировал и изложил товарищам всеобъемлющий план сионистской политики, где были четко очерчены цели еврейского народа в войне. 17 декабря 1940 года в мошаве Айенот открылась конференция Всемирного объединения Поалей Цион, в состав которого входили братские партии Мапай.

В зеленой тиши мошава собрались представители всех еврейских общин — еще вчера руководители киббуцов и партий, а сегодня беженцы, которым едва удалось спасти жизнь. Конференция отражала судьбу европейского еврейства, во всей ее беспомощности и безысходности.

Одни рассказывали об ужасах, связанных с фашистским вторжением в Польшу, воцарением нацистской партии в Румынии и так далее, другие рисовали мрачную картину национально-культурного самоубийства на территориях, захваченных русскими, где в одночасье были уничтожены все еврейские учреждения, закрыты еврейские школы, произнесен смертный приговор ивриту и сионизму.

Колоссальные масштабы катастрофы повергли в состояние духовного паралича не только еврейские массы, оказавшиеся на захваченных территориях, но и тех избранников судьбы, бывших сионистских лидеров, которым удалось добираться до обетованных берегов Эрец-Исраэль, — в них не чувствовалось ни былой смелости, ни прежней сообразительности.

Суровые обвинения раздавались на конференции и против сионистов Эрец, которые не проявили необходимой энергии, находчивости и самоотверженности для того, чтобы установить связь с группами еврейского сопротивления ни на германской, ни на советской территории. Из Эрец не поступило даже денежной помощи группам Хе-халуца, продолжавшим действовать в Польше.

Конференцию раздирало сознание контраста между

глубиной открывшейся еврейской трагедии и бессилием отдельных, оторванных друг от друга людей, их неспособностью стать вровень с требованиями времени. Шпринцак, председательствовавший на конференции, много сделал для создания теплой атмосферы, для плавного и бесперебойного течения дискуссии (все выступавшие строго соблюдали регламент). Безмятежная улыбка Шпринцака, милая шутливость его речи словно символизировали собою отсутствие всякого внутреннего беспокойства, побуждающего к немедленным действиям.

Лишь трое ораторов осмелились взорвать это невозмутимое спокойствие. Залман Рубашов в мрачных тонах нарисовал картину послевоенного мира, предсказывая отход передовых стран от национальных идей — процесс, грозящий поставить сионизм в противоречие со всеми прогрессивными силами. Зяма Аронович наметил направления конкретной работы партии среди евреев Эрец и диаспоры, упомянув даже некоторые детали послевоенных планов, например, предъявление немецкому народу от имени еврейского народа требования о контрибуции за разграбленное имущество.

Третьим из этих ораторов был Берл. Пожалуй, никогда еще не отделяла его от товарищей по партии столь огромная дистанция в понимании времени, в видении будущего. Товарищи Берла продолжали говорить языком прошедшего периода, твердили о еврейских киббуцах, что воспрянут к жизни после войны, полемизировали о "текущей работе" в диаспоре, пользуясь формулировками, сложившимися еще до Первой мировой войны.

Берл не тешил себя подобными иллюзиями. С жестокой пронизательностью, не оставляя никаких лазеек для прекраснодушных сомнений, Берл определил Вторую мировую войну как конец европейского еврейства. "Сионисты должны прежде всего осознать, что прежняя Вена, прежний Берлин, прежняя Прага не повторятся, как и прежняя Варшава, прежняя

Лодзь, — говорил Берл, и однозначность его выводов с трудом доходила до присутствующих. — Почему не хотим мы понять, что нынешняя война, все, содеянное Гитлером, — это Рубикон, это граница, после которой прошлое уже не вернется”. А потому исходной точкой любой серьезной сегодняшней дискуссии должно быть, по мнению Берла, уничтожение европейского еврейства.

Даже если евреи и останутся в живых — а Берл не верил в это, — они уже не захотят жить в тех местах, где пережили весь этот кошмар. ”Судьба европейского еврейства решена, — с пророческой силой гремел голос Берла, — решена не потому, что так хочется мне, а потому, что таков беспощадный приговор истории”.

В 1940 году эти слова были не просто непривычны, они переворачивали все устоявшиеся сионистские концепции. Действительно, предвидение катастрофы еврейского народа сопровождало политический сионизм с самого его зарождения. Но между апокалиптическим видением Герцля и грубой констатацией недавних фактов, принятием их за исходную точку ближайших планов расстояние было колоссальное. Этот шаг и сделал Берл.

Острое логическое мышление не оставляло ему никаких иллюзий. Потому он не мог, подобно многим сионистским деятелям, верить в то, что Вторая мировая война принесет с собою благоприятные изменения в палестинской политике Англии (подобно тому, как Первая мировая война дала еврейскому народу Декларацию Бальфура).

Еврейский народ, растерзанный, оторванный от привычной почвы, уничтоженный физически и духовно не воспользуется на этот раз плодами победы. Предвиденная им картина мира приводила Берла к единственно правильному выводу — если сионистское движение желает, чтобы его идеалы стали будущим еврейского народа, оно должно быть готово к тому, чтобы поставить еврейскую проблему перед после-

военным миром во всей ее полноте.

Отсюда связь между судьбой европейского еврейства и планом деятельности сионистского движения, который предложил Берл. Отныне полное прекращение политики малых дел. Берл, ярчайший представитель Второй алии, конструктивист, которому любой крохотный реальный успех был дороже самых великолепных политических мероприятий, пришел к выводу, что действенный, реальный сионизм, основывающийся на медленном, постепенном развитии, накоплении сил, на лозунге "дом за домом, дунам за дунамом", исчерпал себя.

Кроме того, в сложившихся политических условиях сами англичане положили конец дальнейшему постепенному строительству еврейского национального очага в Палестине, не говоря уж о том, что прежние темпы не могли удовлетворить потребностей поколения, пережившего войну. По мнению Берла, война подвела черту под старой политикой сионизма.

Истины, которые Берл признавал до начала войны и публикации Белой книги, вдруг устарели, и он без колебаний изменил свои взгляды. Теперь Берл пришел к следующему заключению: "Мы должны выставить лозунг решения еврейского вопроса, лозунг **еврейского государства**. Если сионистское движение не сможет открыто провозгласить свои требования и отстоять их с помощью всех национальных сил, — утверждал Берл, — никто другой этого не сделает".

В свое время Бен-Гурион опередил Берла в понимании того, что рамки мандата более не оставляют возможности для строительства национального очага. С другой стороны, оправдалось и предположение Берла о том, что в условиях тридцатых годов нет никаких шансов получить от англичан жизнеспособное еврейское государство.

Теперь между ними снова появилась точка соприкосновения — Берл провозгласил создание еврейского государства непосредственной целью борьбы сионистского движения за год с лишним до того, как

Бен-Гурион выдвинул тот же лозунг на Билтморской конференции в США.

Открыто выдвигая теперь этот лозунг, Берл исходил из ясного сознания того факта, что с тех пор, как эта проблема была поставлена на повестку дня комиссией Пиля, ее уже нельзя снова похоронить на неопределенный срок. То, что было возможно и даже желательно в 1931 году, когда шла борьба против требования Жаботинского о провозглашении конечной цели сионизма, стало неприемлемо теперь, после того, как эту идею выдвинули не сионисты, а другая сторона.

И в 1931 году мир не поверил в то, что сионисты отказались от стремления к государственности. Если же сионистское движение будет **теперь** опровергать наличие у него такой цели, оно рискует либо быть обвиненным в нечестности, либо это будет воспринято как отступление от намерения создать национальное государство и согласие с тем, что еврейский народ станет меньшинством в составе арабского палестинского государства.

Требование создания государства отвечало потребностям момента и с точки зрения внутренней — как лозунг, вокруг которого легко было сплотить народ, — и с точки зрения внешнеполитической. Это требование рассеяло туман, в котором блуждала политика Всемирной сионистской организации с момента опубликования Белой книги, определив цель еврейского народа в войне.

Думая о будущем Эрец-Исраэль, Берл наметил некоторые пути решения арабской проблемы. Он не видел возможности договориться с националистическим движением палестинских арабов. Как когда-то Бен-Гурион, Берл теперь готов был предложить арабам помощь в создании панарабской федерации в обмен на их согласие сделать Палестину еврейским государством, — полагая, что такой план будет для них заведомо неприемлем.

Надо думать, что, выдвигая такое предложение,

Берл хотел подготовить Всемирную сионистскую организацию к тому роковому послевоенному часу, когда "разверзнутся небеса" и каждое национальное движение должно будет изложить свои требования, когда сионистам придется внести свой план урегулирования арабской проблемы.

Реальное же решение вопроса взаимоотношений между двумя народами Берл видел в идее трансфера — обмена населения. С тех пор, как эта идея была выдвинута комиссией Пиля, Берл все более увлекался ею, видя в ней зерно исторической справедливости. В подтверждение Берл приводил трансфер турецкого и греческого населения в Малой Азии, осуществленный после Первой мировой войны и разрешивший болезненную проблему дальнейшего существования обеих национальных групп.

Потому так обрадовался Берл, когда съезд английской лейбористской партии, состоявшийся в тот момент, когда лейбористы входили в правительство, вновь подтвердил свою поддержку сионистского движения и включил трансфер в лейбористский план решения палестинского вопроса.

Речь шла о мирном обмене населения, который проводился бы по взаимному согласию сторон.

Идея трансфера находилась в русле характерного для Берла мировоззрения: он не страшился революционных переворотов, решительных перемен в жизни народов и считал послевоенный момент подходящим для таких изменений, которые в обычное время кажутся фантастическими. С другой стороны, в отношении Берла к трансферу проявлялась характерная для него предельная откровенность и трезвость анализа действительности.

Но далеко идущие замыслы Берла не нашли отклика в сердцах его товарищей по партии, особенно из числа бывших членов Ха-поэл ха-цаир. Им мерещилась совсем иная картина будущего — спокойная и безмятежная. Она абсолютно не вязалась с не дававшим покоя Берлу чувством неотложной сроч-

ности нового шага. Неудивительно поэтому, что его слова натолкнулись на глухую стену непонимания — большинство просто не услышало их.

Попытка Берла провести на конференции Всемирного объединения Поалей Цион оперативные резолюции, соответствующие выдвинутым им предложениям, провалилась. Председательствовавший на конференции Шпринцак просто не включил их в повестку дня, и конференция завершилась без принятия резолюций. Аналогичная судьба ожидала и выступление Берла на пленуме Центрального комитета Мапай.

Близкие к берловским взгляды были характерны и для Ха-киббуц ха-меухад. Табенкин тоже был охвачен чувством совершающейся катастрофы. И Берл, и представители "Киббуца" являлись активистами по своему мировоззрению — они считали, что самостоятельная деятельность евреев должна стать основой политики Всемирной сионистской организации.

Такое же единство взглядов существовало между Берлом и Табенкиным относительно того, что евреи должны бороться за свои интересы — за алию и развертывание поселенчества, не заботясь о военных интересах Великобритании. Сознание одиночества еврейского народа в мире и вера в то, что евреи сами могут определить судьбу ишува, судьбу сионизма, несмотря на очевидную слабость своих сил, также, казалось бы, объединяло Берла и Табенкина. Почти по всем вопросам, требовавшим оперативного политического решения, они были единодушны.

Лишь в одном вопросе, стоящем на повестке дня, Берл расходился с "Киббуцом" — в вопросе мобилизации в английскую армию. Табенкин возражал против добровольной службы еврейских юношей вне Палестины. В Ха-шомер ха-цаир и Ха-киббуц ха-меухад опасались, как бы в решительный час в Эрец не оказалось слишком мало боеспособной еврейской молодежи.

Берл же выступал за мобилизацию в английскую

армию по моральным соображениям, а также в целях овладения еврейской молодежью новейшим оружием, выдвигая лишь одно условие — чтобы евреям, подобно чехам, полякам и представителям других народов, было дано право участвовать в войне под собственным именем и собственным знаменем, то есть в составе особой еврейской боевой единицы.

После того, как англичане проявили героическое сопротивление фашизму и стало ясно, что Черчилль твердо решил сражаться до победного конца, а Италия вступила в войну на стороне Германии и открыла средиземноморский фронт, Берл уже более не колебался в вопросе отправки еврейских солдат из Эрец в Сирию, Египет и Ирак. Он считал сражения в этих странах частью битвы за Эрец-Исраэль. Табенкин же по-прежнему был против мобилизации.

Несмотря на его ярко выраженный активизм, в годы войны антибританские настроения Берла проявлялись слабее, чем когда-либо прежде со времени убийства Бреннера. Англия, в одиночку борющаяся против фашизма, вызывала у Берла уважение, рождала в его душе трепетную надежду на то, что, идя по этому пути, она станет освободительницей человечества. Западные страны, воюющие против Гитлера, несмотря на все свои слабости, олицетворяли для Берла надежду на лучшее будущее, единственную надежду еврейского народа.

Аналогичное двойственное отношение к Англии было характерно и для Бен-Гуриона, Элияху Голomba и Дова Хоза. Иначе относились к Англии Табенкин и большинство руководителей Ха-киббуц ха-меухад, а также, конечно, Ха-шомер ха-цаир. У них антибританский настрой сочетался с безоглядной любовью к Советскому Союзу, был как бы ее обратной стороной, поэтому они и заняли иную, чем Берл, позицию по вопросу мобилизации в английскую армию.

Когда во время работы Сионистского конгресса в Женеве стало известно о подписании договора Молотова — Риббентропа, приверженцы Советского Союза отнеслись к этому сообщению с большим недоверием, восприняв его как враждебную пропаганду. Когда же факты обрисовались с непреложной ясностью, в просоветском лагере произошел раскол: одни переживали случившееся как колоссальную непоправимую трагедию, другие пытались найти оправдание советской позиции.

Последние возлагали вину за подписание советско-германского договора на двурушническую политику Франции и Англии, вынудившую Советский Союз искать себе союзников по другую сторону баррикады, поскольку он опасался, как бы западные державы не опередили его.

Большинство приверженцев СССР в Эрец проглотило пакт Молотова — Риббентропа. Ни левое крыло Ха-шомер ха-цаир, ни Ха-киббуц ха-меухад, ни тель-авивская "фракция бет" не отступились от своей симпатии к Советскому Союзу. Во время переговоров об объединении Мапай и Ха-шомер ха-цаир, проходивших в это время, Ха-шомер ха-цаир выставил требование о признании принципов классовой борьбы и диктатуры пролетариата в качестве идейной основы политического курса будущей объединенной партии.

Не ограничившись этим, Ха-шомер ха-цаир потребовал от Мапай "положительного отношения к социалистическому строительству в России". Да и внутри Мапай находилось немало людей, относившихся к Советскому Союзу сходным образом; самым крупным из деятелей, придерживавшихся просоветской ориентации, являлся Табенкин. Возможно, именно это послужило причиной того, что Берл вынужден был развернуть на страницах "Давар" широкую полемику с Ха-шомер ха-цаир. В ходе этой полемики появилась статья Берла, озаглавленная

”Смех сквозь слезы” и вышедшая в виде серии газетных статей. Эта острополюемическая работа преисполнена горькой иронии, в ней слышится и кипящий гнев, и голос израненной души, ведь вопрос об отношении его партии к СССР уже давно мучал Берла.

Когда Советский Союз напал на Финляндию, Табенкин и его друзья поспешили найти оправдания для агрессии. На конференции, состоявшейся к концу первого года войны в киббуце Рамат ха-Ковеш, раздавались голоса адвокатов Советской России, выискивавших причины, побудившие Советский Союз напасть на небольшое соседнее государство. Берл записал тогда в дневнике: ”Нет такой мерзости, которой они бы не простили Сталину. Ему заранее выдана индульгенция на все”. И прибавил по-русски: ”Начальство лучше знает”.

Разногласия Берла с приверженцами СССР выявились особенно наглядно, когда в Эрец вернулись инструкторы Хе-халуца, работавшие в Польше и оказавшиеся на территории, оккупированной Советским Союзом. Как мы помним, ночью после закрытия Сионистского конгресса в Женеве Берл был до глубины души растроган самоотверженностью инструкторов Хе-халуца, стремившихся во что бы то ни стало вернуться в страны Восточной и Центральной Европы к своим подопечным, находившимся в опасности. Резолюция об их возвращении была тогда принята единогласно. Всего через три месяца после этого польские инструкторы вернулись в Эрец через СССР. Почти все они принадлежали к Ха-киббуц ха-меухад. Товарищи радостно встретили вернувшихся инструкторов, в их честь был устроен праздничный вечер в Гиват ха-Шлоша.

Несколько месяцев спустя в свет вышла книга ”В дни катастрофы”, где описывались события, свидетелями которых стали инструкторы Хе-халуца в Польше и Советском Союзе, их впечатления и переживания. В книге рассказывалось о славном

вступлении вооруженных сил Советского Союза на территорию Польши, об изумительном отношении Красной армии к местному гражданскому населению.

У инструкторов Хе-халуца сложилось исключительно благоприятное впечатление о политике, которую советские власти, по-видимому, намеревались проводить в завоеванных районах. Они предлагали секретариату Исполнительного комитета Гистадрута вступить в переговоры с Советским Союзом о выезде евреев в Эрец-Исраэль из присоединенных к нему областей. Авторы книги не уставали восхвалять виденное ими в стране социализма: формирование полного достоинства человека нового типа, развитие новых отношений в обществе, повышение жизненного уровня трудящихся.

Панегирик этот вызвал саркастическую реплику Берла: "Увидали зады Красной армии, один русский колхоз и еще что-то, — недосуг было разобрать, что именно, — и вот, пожалуйста, правдивый очерк с выводами и рассуждениями об успехах строительства социализма и "человеке нового типа", которого дотоле не видывали".

Вскоре после возвращения в Эрец инструкторы Хе-халуца были приглашены на заседание Исполнительного комитета Гистадрута. Против обыкновения, Берл потрудился прийти на это заседание. Он долго молча слушал, как расписывал Лева Левитэ условия жизни на польских территориях, оккупированных Советским Союзом. Члены Исполнительного комитета расспрашивали приглашенных с сугубой осторожностью.

Трудно было задать вопрос, вертевшийся у каждого на языке: "Почему же вы вернулись, да еще так быстро? А как же торжественное обещание, данное всего несколько месяцев тому назад?" Но не стоит судить ближнего своего за слабость, проявленную тем в трудную минуту. А потому Ремез нашел для неудобного вопроса деликатную формулировочку: "Почему не подумали инструкторы оставить одного

из них на оккупированной русскими территории? Не стоило ли задержаться еще на пару месяцев просто ради сбора точной информации о происходящем в Советском Союзе?"

У инструкторов имелись выданные в Эрец-Исраэль английские паспорта, а потому им не угрожали особые опасности. Но вопрос Ремеза так и остался без ответа. Один из инструкторов заметил только, что существенную работу мог бы проделать лишь человек, находящийся в подполье на нелегальном положении, а к этому они не были готовы. Другой инструктор сказал, что ответственные работники Польского отделения Хе-халуца настоятельно требовали их незамедлительного отъезда, дабы не подвергать их напрасному риску.

Но, видимо, наиболее честный ответ дал последний из выступавших: "У нас есть Родина, семья, дети, и не так-то просто порвать со всем этим..." Если бы новоприбывшие ограничились этим простым человеческим ответом, Берл бы, наверное, не вышел из себя. Но речь Левитэ, его панегирик в честь СССР и выраженная им надежда на установление связей с Советским Союзом довели Берла до взрыва, который поверг в смятение всех присутствующих.

Он стал издеваться над поспешным отъездом инструкторов из оккупированной русскими Польши. "Они были чересчур осторожны, — заявил Берл. — Хотел бы я, чтобы десяток инструкторов пали в оккупированной зоне "ал Киддуш ха-Шем" (во имя Божье)". Возвращение инструкторов было апогеем целой серии неудач, в которых Берл видел моральное поражение рабочего движения Эрец-Исраэль, связанное с войной в Польше. "С начала войны наши польские группы не дали ни одного примера непоколебимой душевной стойкости, никто из них ни разу не сказал себе: на свете есть нечто святое, за что стоит погибнуть". И, помолчав, прибавил: "Я живу последнее время с жутким ощущением стыда, какого в жизни не испытывал. Не думал я, что наше движение

способно на такую низость”. А в дневнике Берл записал: ”...во всей Валахии и Галиции, где же Хана и ее семеро сыновей?”

Берл, с детства впитавший традиции самоотречения российских народовольцев, идеалы героической, непреклонной борьбы революционеров против, казалось бы, несокрушимой власти, завидовавший в годы Первой мировой войны немецким социалистам, которые ценою собственных страданий осветили идеалы пацифизма, Берл, так мечтавший воспитать в своих младших товарищах по партии преданность социалистическому сионизму, способность возглавить движение национального возрождения, — оказался в час испытания глубоко разочарованным в своих учениках.

Он подозревал, что инструкторы Хе-халуца не захотели уйти в подполье на территории, захваченной Советским Союзом, считая, что это означало бы борьбу против страны революции. Для Берла подобная преданность СССР была неким новомодным видоизменением слепой веры в лжемессию, причем уже после того, как его измена стала очевидным фактом истории.

Здесь не место разбираться в истоках и последствиях просоветской ориентации левого крыла Мапай и групп, находившихся вне ее рамок. С точки зрения Берла такая позиция являлась абсолютно неприемлемой. По его мнению, главным был не вопрос о правоте Советского Союза, а война против Гитлера. ”Да какой мне прок в том, что есть иные, будь они хоть белее снега, силы, коли они не воюют с Гитлером?” — воскликнул Берл, слушая речь Бен-Ахарона, защищавшего политику Советского Союза.

Берл хорошо понимал, в чем корни преклонения перед СССР. Его поколение, которое своими глазами видело затмение светил и немощь европейского социалистического движения, которое всей душой переживало поражение испанских республиканцев, которое было свидетелем политики постыдного уми-

ротворения деспотизма со стороны демократических государств Европы, — поколение это отчаянно цеплялось за того кумира, в которого, казалось, еще можно было верить.

Вера в СССР — страну строящегося социализма, оставалась для этого поколения единственным прибежищем. Она отвечала насущнейшим психологическим потребностям широких кругов общественности и не случайно была столь популярной именно в далеком от Советского Союза ишуве Эрец-Исраэль.

Вопрос об отношении к Советскому Союзу стал еще одной причиной разногласий внутри Мапай. Ни начало мировой войны, ни опасность уничтожения, грозящая еврейству Европы, ни сложные проблемы, стоящие перед ишувом, не остановили саморазрушительных споров внутри правящей партии ишува. В январе 1940 года Бен-Гурион обратился к товарищам по Центральному комитету партии с патетическим призывом забыть старые междоусобицы, вновь проникнуться взаимным доверием друг к другу ради того, чтобы сообща подготовиться к близящимся испытаниям. Бен-Гурион говорил очень осторожно, подчеркивая, что "все мы виноваты" — хоть в глубине души он и не был в этом убежден.

Но тут же нашелся другой оратор, Бен-Ахарон, обративший формулировку "все мы виноваты" против Берла и Бен-Гуриона, — и впечатление, которое удалось на миг произвести Бен-Гуриону на товарищей, рассеялось, полемика разгорелась вновь. Непрерывающиеся дебаты опять заняли главное место на заседании ЦК Мапай.

Меньшинство, сплотившееся вокруг руководства Ха-киббуц ха-меухад, решительно отвергло предложение отложить выяснение разногласий до окончания войны и направить все силы на совместное решение задач военного времени. "Трудности нынешнего военного положения, еще более обостряющие все наши проблемы, как раз обязывают нас разобраться

в возникших противоречиях, нельзя действовать прежде, чем мы **сообща** не выясним наших позиций и не примем решения”, — утверждали руководители “Киббуца”.

Все и без того устали от бесполезных разбирательств, но требование дополнительных обсуждений раздавалось все настойчивее и громче, ибо “пока все не выяснено до конца, партия остается парализованной”.

Главной ареной действий оппозиции внутри Мапай являлся Гистадрут. В Эрец продолжался экономический кризис. Многие рабочие оставались без работы, семьи их голодали, а выхода из кризиса не предвиделось. Всемирной сионистской организации не удалось собрать дополнительных средств в Соединенных Штатах — в военное время люди не склонны бросаться деньгами. Секретариат Исполнительного комитета Гистадрута предпринимал колоссальные усилия по мобилизации средств в фонд поддержки безработных.

Главными жертвователями являлись рабочие, которым посчастливилось удержаться на своих местах. Но средства кассы взаимопомощи были лишь каплей в море людского горя, которое год от году разливалось все шире. Озлобленные, горящие бесильным гневом люди искали выхода любой ценой. Внутри Гистадрута оппозиция сосредоточилась в тель-авивской “фракции бет”, снискавшей покровительство Ха-киббуц ха-меухад.

Во главе Исполнительного комитета Гистадрута стоял тогда Давид Ремез, его помощницей, отвечавшей за социальную помощь, была Голда Меерсон. Атаки “фракции бет” были направлены против “руководства Гистадрута” вообще, ни один из лидеров Гистадрута не подвергался личным нападкам за какие-либо свои поступки и упущения. Однако заявления лидеров “фракции бет” принимали откровенно провокационный, грубоподстрекательский характер.

Положение руководителей Гистадрута, подвергавшихся непрерывным нападкам, становилось невыно-

симым. У многих возникло ощущение, что Гистадрут находится на грани краха. Вероятно, спорные внутрипартийные проблемы можно было бы разрешить, создав в тель-авивской организации новый партийный орган — нечто вроде ранее предлагавшегося Бен-Гурионом института "комиссаров ЦК".

Однако Центральный комитет Мапай был неспособен провести такое решение, так как за тель-авивской "фракцией бет" стоял Ха-киббуц ха-меухад. Ходили даже слухи о том, что уже создана организация "фракция бет" во всей стране, которая просто еще не успела открыто заявить о своем существовании. Исключение лидеров тель-авивской "фракции бет" из партии грозило расколом Мапай.

Защищая свою союзницу, руководители "Киббуца" готовы были оправдать даже такие поступки, которые в обычное время вызвали бы резкое осуждение с их стороны. Теперь же все списывалось за счет "тяжелого положения". Конечно, тот или иной поступок выходил за общепринятые рамки партийной жизни, говорили они, однако сейчас есть гораздо более серьезные поводы для беспокойства, как то: нарушения демократических принципов партийной жизни; недостаточное внимание и уважение к мнению товарищей (например, в вопросе отношения к Советскому Союзу); коррупция подрядной тель-авивской конторы — а все это, вместе взятое, объясняет и даже оправдывает безответственные и неподобающие поступки лидеров "фракции бет".

Кризис в отношениях между двумя группировками Мапай в Тель-Авиве как будто усиливал взаимную враждебность между членами Центрального комитета партии. Тут разгорелась жестокая война, и вопрос о том, что это: борьба за выбор пути ради достижения власти или борьба за власть ради выбора правильного пути (выражение, пущенное в ход Зямой Ароновичем), начал терять всякий смысл. Членам ЦК Мапай так и не удалось добраться до корней разгоревшихся противоречий.

Видимо, это была борьба между двумя слоями партийных деятелей за руководство рабочим движением. Группировка, рвавшаяся изменить существующее положение вещей, естественно, рядилась в ризы поборников чистоты партийных позиций, последовательных защитников классовых интересов и прочих добродетелей, изо всех сил нагнетала социальный пафос.

А группировке, стремившейся удержать власть в своих руках, приходилось обороняться от сыпавшихся на нее обвинений (которые, по крайней мере отчасти, являлись справедливыми), ей нелегко было атаковать противников, ведь их не в чем было обвинить, кроме как в демагогии и непристойном тоне ведения полемики.

И в 1940 году внутрипартийные распри шли своим чередом. Ни падение Франции, ни вступление Италии в войну, ни победы нацистов не ослабили накала междоусобной борьбы. Однажды утомительные дебаты по внутригистадрутовским вопросам пришлось прервать из-за сильной бомбардировки Тель-Авива итальянскими самолетами (9 сентября 1940 года). Но и этот перст судьбы не заставил участников заседания обратить свои взоры на главные проблемы дня.

Берл присутствовал на большинстве острых заседаний ЦК (Бен-Гурион находился тогда за границей) — слушал и молчал. У него было чувство, что он является свидетелем все углубляющегося раскола, но не в силах остановить этот пагубный процесс. Берл был по-прежнему твердо убежден в том, что между двумя враждующими группировками нет существенных разногласий, но он, увы, не знал, как "примирить сердца" противников.

20 октября 1940 года в киббуце Аялот состоялось чрезвычайное пленарное заседание Центрального комитета Мапай. Кто-то прозвал его "конклавом кардиналов". Это была отчаянная попытка выяснить все внутренние противоречия, преодолеть охватившую

партию болезнь. Но попытка эта не увенчалась успехом.

Сама обстановка чрезвычайного заседания отнюдь не являлась умиротворяющей. Диалог не смягчал, а еще более обострял противоречия. Обвинения, возводимые друг на друга враждебными группировками, были весьма туманны, но пропитавшая их злоба не вызывала сомнений.

Берл поставил в центр своего выступления наболевший вопрос — о действенности и обязательности принятых партией решений. Напомнив о том, что резолюция Реховотского съезда об объединении kibбуцных и молодежных движений до сих пор не выполнена, Берл сказал: "Партия действует, когда ее членам нужно, чтобы она действовала. Но если у кого-либо из членов партии есть собственные средства для достижения партийных целей, так зачем же ему действовать через партию?"

По мнению Берла, саморазрушение партии было обусловлено "частичной" лояльностью ее членов. И все останется по-прежнему, пока не будут выполнены решения Реховотского съезда. Как и в былые времена, Берл прибег на этот раз к эмоциональному шантажу. С болью заговорил он о не дававшем ему покоя вопросе воспитания молодежи. "У Идельсона есть возможность заниматься воспитанием молодежи. И у Школьника тоже есть возможность заниматься воспитанием молодежи. А у меня нет своей партии внутри Рабочей партии Эрец-Исраэль и потому я не имею возможности воспитывать молодежь... Я завишу от милостей хозяев всяких трибун".

Всего за несколько дней до этого Берл закончил цикл лекций перед молодежными инструкторами "Маханот-олим" в Бен-Шемене, во время которых лишний раз убедился в том, сколь ничтожно его влияние на молодежь. Поэтому теперь он обусловил свое участие в секретариате Центрального Комитета Мапай решением молодежного вопроса — видимо, он думал о воскрешении прогоревшего Молодежного

центра — и реорганизацией основ партии.

Но на этот раз эмоционально-личный тон речи Берла не произвел никакого впечатления. После его выступления дебаты разгорелись с еще большей яростью, на Берла нападали со всех сторон, обвиняя его в попытках навязать партии свое решение всех проблем, в диктаторских замашках и прочее.

Вместе с тем все выступавшие требовали, чтобы Берл, Табенкин и Шпринцак вошли в секретариат Центрального комитета, видя в этом решающее условие восстановления его дееспособности. Но если в начале дискуссии и существовали какие-то шансы на то, что Берл согласится войти в секретариат, то после обрушившихся на него обвинений шансы эти свелись к нулю.

Как уже не раз упоминалось, Берлу необходимо было ощущение, что его любят, уважают, ему верят, — без этого он не мог работать. Если подход Берла к политическим проблемам, вопросам поселенчества и строительства Эрец отличался рационализмом, конструктивностью, деловитостью, — то во всем, что касалось его личного положения в обществе, он был обостренно чувствителен и предельно раним.

Возможно, прав был Шпринцак, утверждавший, что если бы Берл добивался объединения поэтапно, не обострял бы этого вопроса сразу, он бы добился успеха. Но Берл не верил в то, что переговоры и всякого рода соглашения могут преодолеть противоречия объединяющихся сторон. Он считал, что лишь волна высокого душевного подъема способна смыть все следы прошлой горечи, привести к настоящим переменам. И чем более сильным было сопротивление, на которое наталкивался Берл в своем стремлении примирить сердца, тем более укреплялся он в сознании своей правоты.

Поэтому Берл ответил на сопротивление не упорной борьбой за достижение цели, а предпочел вовсе уйти от партийной работы. Он чувствовал, что в партии, разделенной на блоки, у него не будет возможности

провести в жизнь свои идеи, касающиеся как рабочего движения вообще, так и воспитания молодежи в частности.

Длительная дискуссия ничего не изменила, раздиравшие партию противоречия не сгладились. В продолжение полемики неоднократно раздавались резкие обвинения в адрес Берла — его критиковали за то, что он в качестве условия своей активной работы в партии требует принятия своих предложений о ее реорганизации. А Берл, оскорбленный и отчаявшийся, замкнулся в угрюмом молчании.

Пусть Берл повел себя капризно, по-детски, после того, как товарищи не откликнулись на его подсознательную мольбу о любви, — но ведь в конечном счете исходная посылка Берла была правильной: в партии, разделенной на блоки, нет места вождю, не опирающемуся на один из них. Участие Берла в секретариате Центрального комитета не увеличило бы и не уменьшило пропасти, образовавшейся между враждующими группировками, пока они сами не поступятся хоть частью своих требований ради общепартийных интересов.

И еще: со времени выхода в свет "Возражений" Берла основная проблематика их претерпела изменения. Теперь главным был уже не вопрос объединения киббуцных движений, а способность партии подчинить себе различные группы. Внутрипартийные блоки, в особенности Ха-киббуц ха-меухад, накладывали вето на партийные решения всякий раз, когда они были им не по нраву. Большинства уже не было достаточно для вынесения какого-либо решения, так как это привело бы к расколу. Поэтому участие Берла в работе секретариата, не подкрепленное готовностью всех сторон признать его авторитет, было бы заранее обречено на провал.

Будь Берл организатором по натуре, он, пожалуй, мог бы, войдя в секретариат, создать себе опору из партийного аппарата, а затем постепенно завоевать власть над всей партией. Но на это Берл был

совершенно не способен: он не любил углубляться в работу аппарата и всеми фибрами души ненавидел тип людей, годных для этой работы. Избалованный со времен Ахдут ха-авода безграничным доверием товарищей, добровольно признававших его решения как окончательный приговор, обязательный для всех, Берл теперь мучительно переживал состояние взаимного недоверия, когда и люди, и целые группировки намеренно отгораживались от него.

Сила Берла всегда заключалась в его личном воздействии на людей, и теперь он чувствовал, что потерял ключ к сердцам товарищей. "То, что задевает меня в отношениях с окружающими, — это не несогласие со мною, а недоверие ко мне, — записал он в дневнике. — Я не прошу со мной заранее соглашаться, но я имею право требовать к себе доверия, пока не возникло необходимости в возражениях". Но Мапай, расшатанная изнутри, уже не могла питать неограниченного доверия к кому бы то ни было. Доверие ограничивалось личными и групповыми интересами, далее царили взаимная подозрительность и настороженность. Партия как будто потеряла центр тяжести, и Берл, являвшийся его носителем, чувствовал, что утратил всякую способность к действию.

Декабрь 1940 принес много тяжелых травм: история с кораблями "Патрия" и "Атлантик", мучительная внутрипартийная полемика, непрекращавшиеся дебаты, попытки найти пути совместной работы; конференция Всемирного объединения Поалей Цион в Аянот и выступление Берла на ней, а затем в Афиким и на заседании Центрального комитета партии; смерть Дова Хоза и членов его семьи в автомобильной катастрофе — все это случилось за один месяц и стоило Берлу больших душевных сил. Но глубоко переживая гибель друзей и развал партии, он вынашивал новые планы, заполнившие его жизнь в последующие годы, — планы издательства

книг и проведения ежемесячного молодежного семинара.

Берл уже давно мечтал о собственном издательстве. Время от времени он по своей инициативе, не получив согласия товарищей, выпускал ту или иную книгу в типографии "Давар". В 1935 году, к десятилетней годовщине "Давар" Исполнительный комитет Гистадрута постановил создать издательство во главе с Берлом Кацнельсоном. Решение было принято единогласно, его поддержали даже члены Исполкома от Ха-шомер ха-цаир. Но под давлением обстоятельств (экономический кризис, антиеврейские выступления арабов) план этот пришлось похоронить.

Теперь председатель секретариата Исполнительного комитета Давид Ремез предложил вернуться к этому плану, сделать его главным из мероприятий, приуроченных к торжественной дате — двадцатилетию создания Гистадрута. Ремез предлагал подчинить книгоиздательство редколлегии "Давар" и вести в нем работу "по системе, принятой в редколлегии газеты", или, иначе говоря, предоставить Берлу в новом издательстве те же неограниченные полномочия по отбору публикуемых материалов и формированию штата, как и в "Давар".

Но блаженные времена Ахдут ха-авода уже миновали. Правда, никто из членов Мапай не оспаривал кандидатуры Берла на пост главного редактора, но появилось возражение против того, чтобы Берл был единственным редактором издательства и пользовался неограниченными полномочиями.

С той поры, как Берл не потрафил членам Ха-киббуц ха-меухад при подготовке к печати сборника "Киббуц и квуца", они перестали считать его единственным и незаменимым редактором партийной печати. Правда, план создания книжного издательства и назначение Берла его главным редактором был одобрен значительным большинством членов Центрального комитета Мапай, но если Берл нуждался в дополнительных доказательствах того,

что он из вождя всей партии превратился лишь в лидера ее части, то доказательство это было налицо.

Показательны в отношении нового положения Берла в рабочем движении дебаты на заседании Исполнительного комитета Гистадрута, а затем на 42 сессии Совета Гистадрута по вопросу о книгоиздательстве. Представители Ха-шомер ха-цаир и левого крыла Поалей Цион выступили против идеи создания гистадрутовского книгоиздательства. Ха-шомер ха-цаир недавно учредил собственное книжное издательство "Сифрият-поалим" ("Рабочая библиотека"), которое уже добилось первых успехов. Члены Ха-шомер ха-цаир резко возражали против нового книгоиздательства, которое, нося имя гистадрутовского, по существу будет принадлежать Мапай.

Пускай Мапай, самая крупная и богатая из рабочих партий, организует свое книжное издательство, говорили они. Но несправедливо, чтобы Гистадрут, включающий различные течения рабочего движения, содержал книгоиздательство, которое будет отражать, главным образом, идеи одной из составляющих его партий. В качестве примера они ссылались на "Давар". У гистадрутовской газеты, безусловно, масса достоинств, ее выпускают талантливые люди. Но фракции меньшинства Гистадрута всегда чувствовали себя обойденными — их воззрениям отводится в "Давар" очень мало места по сравнению с идеями большинства.

Теперь они уже не удовлетворялись "пассивной терпимостью", а требовали "активной терпимости" к своим взглядам, то есть возможности так излагать свои идеи, чтобы они могли воздействовать на настроения общественности, на изменение отношений между большинством и меньшинством в Гистадруте. А если уж ежедневная газета, публикующая текущие материалы, несправедливо обходит молчанием фракции меньшинства — так что же хорошего сулит им книжное издательство, ведь книги, выходящие в свет, живут годы.

Члены левого крыла Поалей Цион не возражали против самой идеи книгоиздательства, признавая, что лишь Гистадрут располагает достаточными средствами для такого крупного начинания (да у них и не было собственных книгоиздательств), но они настойчиво требовали назначить коллегия для руководства издательством и не повторять опыта "Давар" с ее единственным редактором, относящимся к фракциям меньшинства Гистадрута как к "историческим недоразумениям". Левые фракции Гистадрута не простили Берлу его блестящих полемических статей, направленных против них.

Однако все выступавшие остерегались прямо задевать Берла. На них не действовали его чары, они отказывались подчиняться его авторитету, но признавали его огромный талант и разносторонность, его неподражаемые способности осуществлять грандиозные замыслы, подобные идее создания книгоиздательства, а потому предпочитали нападать не лично на Берла, а на план организации гистадрутовского издательства и неограниченные полномочия главного редактора.

Итак, попытка Ремеза провести на 22 сессии Совета Гистадрута решение о создании книгоиздательства во главе с Берлом провалилась из-за требования оппозиции отсрочить принятие этой резолюции, поддержанного Пинхасом Лубяникером. Видимо, сопротивление "диктатуре Берла Кацнельсона" оказали не только левые фракции Гистадрута. И внутри самой Мапай, устремления которой как будто олицетворял собой Берл, нашлось немало недовольных им: слева — "фракция бет", справа — бывшие члены Ха-позл ха-цаир. В дни, отделявшие дебаты на Совете Гистадрута от момента принятия резолюций, за кулисами сессии шла лихорадочная работа.

Недовольство предложением Ремеза внутри Мапай достигло таких масштабов, что друзья Берла вынуждены были искать путей умиротворения противников выдвинутого Ремезом плана. Они хорошо знали, что

если Берл не получит привычной для него свободы действий, то он немедленно устранился, как это уже не раз случалось с мероприятиями, не вызывавшими у него интереса. И поэтому вели себя очень осторожно.

В конце концов Совет Гистадрута большинством голосов (принадлежавших членам Мапай) и вопреки гневным возражениям партий меньшинства постановил создать гистадрутовское книжное издательство и избрал Берла Кацнельсона главным редактором. Параллельно главному редактору учреждался редакционный совет, в котором были представлены все фракции Гистадрута. Функции редсовета ограничивались заслушиванием отчетов и утверждением планов издательства. Вся реальная власть осталась в руках Берла, поэтому было постановлено, что книгоиздательство подчиняется Исполнительному комитету Гистадрута и в случае разногласий между главным редактором и редакционным советом окончательное решение будет оставаться за Исполкомом Гистадрута.

Периоды активности сменялись у Берла циклами депрессии. Он был неспособен к непрерывной упорядоченной повседневной работе. Вслед за бездействием первой половины 1940 года настал период лихорадочной деятельности конца 1940 — начала 1941 года. Берл вновь был полон энергии, новые замыслы теснились в его мозгу. Работая над планом книгоиздательства, он одновременно посвящает много сил организации месячного семинара для членов Гистадрута.

Взаимосвязь между физическим и умственным трудом, между рабочими и интеллигенцией всегда играла для Берла первостепенную роль, эту особенность своего мировоззрения он унаследовал от русских народников. Как человек Второй алии, деятели которой, занимаясь физическим трудом, одновременно являлись носителями культуры в ишуве, Берл мечтал о небывалом в истории облике

рабочего движения Эрец-Исраэль, которое будут составлять широкообразованные рабочие и деятели культуры, не чуждающиеся физического труда, где сокровища культуры станут всеобщим достоянием и не будут принадлежать только избранному меньшинству.

Идея месячного семинара как нельзя лучше подходила обществу рабочих-интеллигентов, наделенных неистребимой жадной жаждой знания и только из-за тяжелых жизненных обстоятельств не сумевших получить систематического образования. Именно таковы были люди, составлявшие костяк рабочих поселений Палестины. Вынашивая идею семинара, Берл думал о людях такого типа, людях, стремящихся расширить свои горизонты.

Идея эта возникла еще в начале тридцатых годов, но тогда Берлу не удалось раздобыть необходимой для такого предприятия финансовой поддержки. Теперь он намеревался осуществить свою мечту, используя скромные средства Гистадрута. Насколько подходящее время избрал Берл для осуществления давнишнего плана? В мире пылал пожар великой войны, Гитлер только что начал наступление на Балканах, фашистские войска овладели Критом, в стране царил глубокий экономический кризис.

К страхам за развитие военных действий на Ближнем Востоке и будущее ишува, к тревоге за европейское еврейство присоединилась повседневная нужда, нехватки, безработица. Внутри Мапай кипели страсти, углублялись противоречия между фракциями. Разумно ли было в столь грозное время на целый месяц зарываться в теоретические вопросы, в область "чистого духа"? Берл понимал, какое недоумение вызовет у товарищей его начинание.

Открывая семинар, он отметил, что укрепление внутренних основ, самосознания и образования членов партии является первейшей задачей именно в данный трудный период. Он говорил о необходимости "мобилизовать все внутренние резервы" для того,

чтобы дать надлежащий ответ на главный вопрос — каков будет ишув, каков будет еврейский народ после войны.

Пожалуй, это заявление Берла было скорее фразой, чем честным объяснением сути дела. По существу, организация семинара являлась для него составной частью борьбы за души лучшей части молодежи, борьбы с просоветскими тенденциями, получившими широкое распространение в рабочем движении. К двум этим факторам присоединилась настоятельная потребность наконец-то "осуществить себя" как воспитателя, наставника масс.

Подобно издательству книг "Ам Овед", созданному Гистадрутом, семинар также должен был носить надпартийный характер, подчеркивать исконное единство всех рабочих Эрец-Исраэль. Берл стремился создать трибуну, где могли бы встречаться представители различных течений и взглядов, вести диалог вне рамок полемики, превращавшей любой спор во внутривнутрипартийную распрю. Поэтому для первого семинара Берл избрал тематику, не затрагивающую напрямую самых животрепещущих вопросов современности.

Стремясь гарантировать желательное ему направление дискуссии, Берл тщательно отобрал участников семинара. Он настоял на своем праве отбирать кандидатов по "субъективным критериям Берла Кацнельсона": благоприятное впечатление от личной беседы, чье-то интересное письмо или замечание с места во время выступления Берла, живой взгляд чьих-то глаз. Берл делал выбор по интуиции, на основе непосредственного личного впечатления от человека, повстречавшегося ему на дорогах страны, особенно в киббуцах. Берл искал у молодых свежесть мысли, открытость, идеализм. Он фанатически охранял принцип личного отбора. В своей вотчине он ни за что не соглашался применять распространившийся в Мапай принцип: делить людей по фракционной принадлежности.

Иначе смотрели на это руководители Ха-киббуц ха-меухад. Берл направлял приглашения, главным образом, лично тому или иному члену киббуца, и правление киббуца не могло вмешиваться в происходящее. Лидеры Ха-киббуц ха-меухад видели в этом покушение на их авторитет. Берл не советовался с ними ни относительно выбора тематики лекций, ни относительно отбора лекторов. Никто из признанных лекторов "Киббуца" (кроме самого Табенкина) не был приглашен участвовать в работе семинара.

Если для Берла отбор был единственным способом обеспечения надлежащего интеллектуального уровня и непринужденного характера дискуссии, то руководители Ха-киббуц ха-меухад усматривали в нем нарушение их авторитета и удар по их мировоззрению.

Лидеры "Киббуца" повели тайную войну против берловского семинара. Юноши и девушки, которые с радостью и энтузиазмом откликнулись на приглашение Берла, вдруг — после "товарищеских бесед" в своих киббуцах — отказывались принять участие в семинаре. Некоторые даже не поленились написать ему о своем несогласии с его принципом отбора, не принимавшим во внимание коллективное мнение киббуца; упрекали Берла в том, что он выбирал в основном сторонников объединения киббуцного движения.

Сперва Берл отвечал, что он отбирал людей не на общественные должности, а для учебы, что он в большинстве случаев не знал их взглядов по вопросу объединения киббуцного движения. Но чем больше накапливалось подобных жалоб, тем более уязвленным чувствовал себя Берл. Он стал отвечать своим корреспондентам в саркастическом тоне, несообразном с отношениями между вождем партии и ее молодыми членами. Берлу было очень больно сознавать, что те, в которых он видел своих учеников, предпочитали подчиниться киббуцному диктату, отвергнув протянутую к ним руку Берла.

Хотя семинар организовывался в рамках Гистад-

рута, он вскоре превратился, по существу, в семинар Мапай. Берл изо всех сил обхаживал руководителей Ха-шомер ха-цаир, стремясь добиться участия членов этой организации в семинарах. Он готов был даже предоставить им право отбора лекторов и учащихся, отступив от провозглашенного им отбора под тем формальным предлогом, что он-де не знает молодежи, состоящей в Ха-шомер ха-цаир.

Вначале руководители Ха-шомер ха-цаир, видимо, собирались поддержать семинар Берла. Но когда стало ясно, что "фракция бет" и особенно Ха-киббуц ха-меухад отрицательно относятся к семинару, то и Ха-шомер ха-цаир отказался принять в нем участие.

Наконец 12 марта 1941 года семинар в составе ста тридцати восьми слушателей со всех концов Эрец начал свою работу. Подавляющее большинство его участников представляло рабочие поселения, лишь около 20% составляли городские жители. Среди молодежи трудовых поселений решающее большинство принадлежало членам киббуцов и квучот. Шестьдесят восемь приглашенных отказались приехать по разным причинам, главным образом из-за противодействия своих организаций.

Слушатели семинара происходили из разных общин и представляли различные волны алии. Возраст большинства участников семинара колебался от двадцати до тридцати пяти лет, образование — от среднего до высшего. Британская разведка проявила повышенный интерес к семинару "молодых лидеров" ишува. Реховотскому ее отделу было поручено представить подробный отчет о семинаре, список его участников и лекторов, а также разузнать, занимались ли на нем военными вопросами, в том числе деятельностью Хаганы.

Нет, делами Хаганы на семинаре не занимались. Работа его протекала в рамках различных кружков, тематика которых охватывала: деятельность Гистад-рута; литературу на иврите; организацию быта, а также различные вопросы культуры. Первый кружок

вела Голда Меерсон. Перед его участниками раскрылась широкая панорама разносторонней работы Гистадрута, они осознали весь ее размах, незаметный в повседневной суете. И хотя от молодежи не скрывали негативных сторон положения в Гистадруте, общая картина его работы оказалась исключительно впечатляющей. Это был, пожалуй, наилучший ответ на грубые нападки, которым подвергался Гистадрут со стороны "фракции бет".

Кружок ивритской литературы вела Рахел Кацнельсон при содействии Аврахама Карива. Характерно, что Берл считал еврейскую литературу важнейшим средством воспитательной работы семинара. Писатели, произведения которых изучались в литературном кружке, были близки Берлу с юности — бунтари, борцы против косности мышления: Файерберг, Бердичевский, Бреннер. К ним Берл присоединил недавно открытого им Элишу Родина, еврейского писателя из Советского Союза, ставившего в своих книгах мучительные вопросы веры и неверия, Божественного промысла и тому подобное, — а также Хазаза, с которым впервые познакомились многие участники семинара.

В третьем, культурно-бытовом кружке выдвигались и обсуждались новые идеи относительно проведения субботы и традиционных еврейских праздников: Песах, Ханукка, Девятое Ава, Рош-ха-Шана и Иом-Киппур. Участники кружка пытались выяснить проблемы, давно волновавшие Берла, — как сохранить национальные традиции и символику для нового поколения, порвавшего с религией, но они, разумеется, не пришли ни к каким новым выводам.

Учебный план семинара включал также еврейскую историю. В промежутке между лекциями Залмана Рубашова об иммиграции евреев в Эрец-Исраэль в период средневековья и лекциями Бен-Циона Динабурга, посвященными полемике вокруг эмансипации еврейства в XIX веке, участники семинара были посвящены в результаты новейших изысканий Гер-

шома Шолема об эпохе и личности Шаббтая Цви.

Занятия в кружках по вопросам социализма и современной политики были неминуемо сопряжены с полемикой. Берл пытался показать учащимся разные пути к социалистическому обществу, отдавая предпочтение пути национально-демократическому. К сожалению, лекторам, работавшим в этих кружках, не удалось затронуть сердца слушателей.

Берл вложил в организацию семинара весь свой незаурядный талант воспитателя. Он не любил фронтальных лекций, предпочитая им самостоятельную работу учащихся. Берл всегда восторженно отзывался об иешивах — традиционных еврейских университетах, где раввин помогал учащимся в их самостоятельных занятиях, всемерно ободрял их на тернистом пути науки. Берл не раз говорил, что предпочитает иешиву современным университетам. В своем семинаре он постарался организовать занятия по кружкам с небольшим числом участников и позаботился о том, чтобы под боком была обширная библиотека, где учащиеся могли бы самостоятельно изучать материал, не ограничиваясь пассивным прослушиванием лекций.

В этом отношении особенно отличались учащиеся кружков еврейской литературы и истории. В культурно-бытовом кружке занятия велись без лектора или преподавателя — по излюбленной системе Берла. Берл ходил по кружковым комнатам с видом счастливого хозяина. Давно уже не выпадало ему таких светлых дней.

Прибывшая на семинар молодежь грела ему сердце, быстро установилась дружеская, творческая атмосфера. С большим успехом проходили совместные субботние вечера, в которых Берл с радостной надеждой различал искры новой народной жизни. Особенно полюбились участникам семинара "собеседования", проводившиеся во второй половине субботнего дня (иногда по пятницам), на которых участники семинара рассказывали друг другу о

волнующих событиях своей жизни, делились впечатлениями и переживаниями.

На одном из таких вечеров Берл открыл юношу по имени Игал Пайкович (будущего Игала Аллона), когда тот рассказывал о стычке с арабами неподалеку от своей родной деревни Месха. На другом вечере Берл, забыв о привычной сдержанности во всем, что касалось его лично, рассказал о своей молодости, вплоть до приезда в Эрец. В этом рассказе, озаглавленном "Мой путь в Эрец", Берл открыто, без утайки, поведал о метаниях еврейского юноши из черты оседлости, разрывавшегося между сионизмом и социализмом, между болью за еврейский народ и тягой к освободительной революции, о его скитаниях из партии в партию, об извилистом пути, приведшем его в Эрец.

Речь Берла поражала откровенностью, "беспощадной искренностью" даже в тех случаях, когда она была не в пользу рассказчика. Это был честный рассказ вождя о пройденном пути, о том, как нашел он дело, которому посвятил свою жизнь.

Берл говорил вовсе не для протокола, но Голда Меерсон предусмотрительно посадила за кулисами сцены, на которой выступал Берл, молодую стенографистку по имени Сара Заит. Она и записала его автобиографический рассказ. Сара Заит присутствовала на семинаре не случайно. Еще в конце 1939 года между нею и Берлом завязались особые отношения, не прекращавшиеся до самой смерти Берла.

Долгие годы совместной жизни не укрепили союза Берла и Леи. Наоборот. Старость, настигшая их обоих относительно рано — где-то в пятидесятилетнем возрасте, — привела к тому, что у них оставалось все меньше общих тем. А обаяние Берла, его незаурядная индивидуальность и душевная теплота безотказно действовали на женские сердца. Сам он тоже тянулся к красивым женщинам, но у него были строго пуританские моральные принципы во

всем, что касалось интимных отношений, да и чувство долга по отношению к Лее, память о ее благородстве во время бурных перипетий его любви к Саре Шмуклер и периода отчаяния, последовавшего за ее смертью, никогда не покидали его.

Поэтому тяга Берла к другим женщинам всегда умерялась мыслью о том, как бы не огорчить Лею. Впрочем, может быть, это была лишь отговорка, так Берл пытался самому себе объяснить скованность, которую испытывал в обращении с противоположным полом, не давая себе отчета в ее подлинных истоках. Кроме того, будучи одной из ведущих фигур ишува, Берл чувствовал, что живет точно в стеклянном доме, каждый его шаг получает огласку, и одного этого уже было достаточно, чтобы помешать ему выйти в отношениях с привлекавшими его женщинами за рамки платонической дружбы.

На протяжении многих лет его связывала близкая дружба с красавицей и умницей И. Ш. В доме Берла часто бывали молодые писательницы и поэтессы, искавшие его совета, поддержки и, наверное, дружбы.

Лея чувствовала, что все более отдаляется от его мира. В пятидесятилетнем возрасте она стала утомленной, желчной женщиной. Лее и в молодости недоставало женственной теплоты и мягкости — качеств, отличавших ее подругу Сару Шмуклер. Теперь она утратила и то немногое, что имела раньше. Беспреданно хлопоча о своих сестрах и племянниках, Лея так и не сумела добиться их любви.

О Берле она тоже преданно заботилась — и отчаянно его ревновала. Любая женщина, проявлявшая к нему интерес, даже совершенно невинный, тут же становилась врагом Леи. После смерти Берла Лея просмотрела все его письма и дневники, тщательно вымарывая любое слово, намекающее на заинтересованность Берла какой-нибудь другой женщиной.

Лея ненавидела роль домохозяйки и отказывалась считать заботу о муже делом своей жизни. Она

снова и снова пыталась сбежать на общественную работу, но и в ней не находила удовлетворения.

Сара Заит была моложе Берла на двадцать четыре года. Когда завязалась их дружба, ему было пятьдесят два, ей — двадцать восемь. Сара родилась в литовском городе Ковно, в образованной, религиозной, сионистски настроенной семье. Это была незаурядная, исключительно независимая личность. Окончив школу "Тарбут", она отправилась в Париж, где получила широкое образование в области философии, литературы и искусства. Шесть лет провела она во Франции, жадно впитывая французскую культуру. В конце тридцатых годов она приехала в Эрец и устроилась работать стенографисткой в Исполнительном комитете Гистадрута. Работала отлично, приобрела репутацию превосходной стенографистки.

Сара резко отличалась от подруг Берла времен его молодости. Среднего роста, стройная, легкая в движениях очаровательная брюнетка, она не была красавицей в общепринятом смысле слова, но на улице мужчины оборачивались ей вслед. У нее был превосходный вкус, одевалась она всегда нестандартно, подчеркивая свою индивидуальность.

Открытая и сердечная по натуре, Сара умела вести блестящую, остроумную и разнообразную беседу. Многие влюблялись в нее, она успела разбить не одно мужское сердце. Сара никогда не была замужем. Будучи истой горожанкой, она вовсе не тянулась к поселенчеству и сельскому хозяйству. Ей был чужд бескорыстный идеализм, характерный для Сары Шмуkler, Леи и даже И. Ш. И к общественной жизни она тоже не имела никакой склонности.

Когда отношения Сары и Берла стали известны, один из ближайших воспитанников Берла искренне удивился — что нашел его обожаемый наставник в этой служащей Исполнительного комитета, столь далекой от идеалов, культивировавшихся в руководстве рабочего движения. Возможно, как раз контрастностью своего облика с романтическим клише,

принятым в рабочем движении, Сара обратила на себя внимание Берла, привлекла его.

Мы не располагаем особыми подробностями об этой "осенней" любви Берла. Сара Заит погибла в 1953 году во время авиационной катастрофы самолета авиакомпании Эл-Ал, произошедшей над территорией Болгарии. Письма Берла к ней пропали, а с ними и тайна их любви.

Сара всячески избегала огласки своего романа с виднейшим деятелем ишува и ни с кем не говорила об отношениях, связывавших ее с Берлом. Берл же всегда фанатично оберегал свою личную жизнь от посторонних взоров. Они избегали любой рекламы своей связи и крайне редко появлялись вместе на людях.

Видимо, оба они очень дорожили этой дружбой. У Сары и раньше бывали романы, но этот отличался от всех прежних. Берл же со времен Сары Шмуклер, как кажется, вовсе не имел подобной связи с женщиной. В Саре Заит он нашел те душевные качества, которых так не хватало ему в жене: открытость, чуткость и любовь к людям. Да и с интеллектуальной точки зрения Сара была ему интересна. Она открыла ему французскую литературу, которой он прежде не знал. С ее помощью познакомился он, например, с поэзией Бодлера.

С самого начала их связи, с осени 1939 года, она ни разу не прерывалась до смерти Берла. Связь эта не являлась тайной для окружающих. Близкие к Берлу люди скоро заметили ее, а потом молва разнеслась и дальше, хоть и не столько широко, как можно было ожидать, исходя из положения, занимаемого Берлом. Чтобы почаще встречаться с Сарой, Берл воспользовался ее специальностью — она в качестве стенографистки сопровождала его на всех партийных форумах, проводившихся в различных уголках Эрец. Так оказалась она и на семинаре в Реховоте, где стенографировала его рассказ "Мой путь в Эрец".

В качестве воспитательного мероприятия реховотский семинар оказался очень успешным — но не более того. Не много вождей выросло из среды его участников. Случайно ли это? Некоторые утверждают, что Берл ошибся в подборе состава слушателей. Другие оправдывают его, обвиняя киббуцы в том, что они не позволили участникам семинара продвигаться на общественном поприще. В какой-то мере оба эти утверждения справедливы. А может быть, неправомерна сама постановка такого вопроса, ибо качества, которые искал Берл в молодежи: открытость, стремление к широте взглядов, — вовсе не характерны для политического лидера. Свойства эти отличали друзей, собравшихся во время оно в киннеретском кружке, но весьма сомнительно, чтобы они могли обеспечить успех в политической борьбе молодого поколения руководителей внутри сложившейся партии.

Берл надеялся вырастить новое поколение руководителей, широко образованных, внутренне свободных, проникнутых идеализмом и не похожих на уже сформировавшийся тип партаппаратчика.

Берл стремился воспитать у слушателей семинара терпимость, но сам ею не отличался, не относился с должным уважением к суждениям противника. Понятия эти плохо совмещались с его индивидуальностью, его душевной структурой. Пропасть между качествами, которые он хотел усвоить, и фанатичным складом его характера всегда создавала в нем внутреннюю напряженность. По сути дела Берл не учил своих питомцев самостоятельно выбирать путь, а пытался привить им свое мировоззрение.

Когда ему удавалось воспитать у человека критический взгляд на вещи и тот избирал себе другую дорогу, отличную от пути Берла, Берл воспринимал такой факт как свое поражение. Он не привил своим воспитанникам интеллектуальную и душевную самостоятельность. Возможно, в этом кроется один из путей понимания слабости поколения, выросшего

в Эрец, не выдвинувшего руководителей крупного калибра, подобных ветеранам рабочего движения.

Было нечто кастрирующее в самом принципе передачи духовного наследия от одного поколения к другому, без взаимной борьбы, без смены вех, без формирования коллективной индивидуальности молодежи в противоборстве с "отцами движения". Именно потому, что молодежь стремилась лишь продолжить дело наставников, не помышляя о бунте против них, она так и не сумела освободиться от покровительства учителей.

В 1941 году после годового отсутствия в Эрец вернулся Бен-Гурион. Попав в кипящий котел внутривнутрипартийных распрей и склок, он, со свойственной ему энергией и целеустремленностью принялся изменять положение дел. Бен-Гурион наметил план работы к предстоящему съезду Мапай: сплочение партии, сосредоточение руководства в узком центре, отчитывающемся перед съездом партии, который будет собираться ежегодно. Главная особенность его плана состояла в том, что руководители партии должны избираться всеми членами партии и каждый из них будет ответствен перед всей партией, а не только перед группировкой, к которой принадлежит.

Однако выборы на съезд Мапай проводились по смешанной системе. В этих выборах впервые участвовала в качестве особой единицы "фракция бет", выступавшая единым списком, объединявшим ее тель-авивскую группу и членов Ха-киббуц ха-меухад со всей страны.

Бен-Гурион требовал провести параллельно с выборами на съезд Мапай референдум с участием всех членов партии для решения вопроса о ее организационной структуре. Главный пункт опросного листа гласил: "Бюро и Совет партии не формируются из представителей различных фракций и блоков, а избираются всем составом съезда партии, причем каждый член руководящих органов ответствен перед

всей партией”.

Берл кое-где смягчил и упростил предложенные Бен-Гурионом формулировки опросного листа, но в целом поддержал предложение Бен-Гуриона. Другой вопрос, насколько Берл верил в возможность решения главных вопросов жизни партии с помощью референдума. 27 апреля 1941 года состоялось заседание Совета Мапай. На нем обсуждался порядок проведения выборов на съезд партии и предложение о проведении опроса членов партии. Бен-Гурион вел заседание железной рукой, не позволяя руководителям оппозиции вступать в споры с ним. Берл не выступал, но составил текст резолюций Совета, одобрявших намеченный Бен-Гурионом план действий.

Май 1941 года был для страны самым трудным месяцем на протяжении всей Второй мировой войны. Немцы вторглись на Балканы, захватили Грецию и дошли до Крита. Роммель продолжал свое победное шествие по Западно-Африканской пустыне. Казалось, что почва буквально уходит из-под ног, — но и в эти отчаянные дни не утихала междоусобная война в Мапай. ”Фракция бет” укрепляла свои позиции. Берл встретился и беседовал с Исраэлем Галили, присоединившимся к ней. Куда же идет партия, спросил его Берл. Галили не мог ничего ответить на этот вопрос. Он утверждал, что за полдня до своего вступления во ”фракцию бет” он и сам не знал, что поступит так.

В субботу Берл поехал на собрание отделения Мапай в Петах-Тикве, где стал свидетелем острой схватки между фракциями. Вернувшись домой после тяжелой дороги (свирепствовал хамсин), он как будто попал на другую планету. В дневнике Берл записал: ”Пришел Шаул (Меиров). Говорили об ожидающем нас завтра-послезавтра... У Бен-Гуриона вместе с Шаулом, Моше (Чертоком) и Элияху (Голомбом) — о том же. Нет сил встретить завтрашний день”.

В следующие недели члены Мапай разрывались между героическим и гротескным — в разгар напряженного ожидания фашистского вторжения состоялись выборы на съезд партии; дебаты в Центральном комитете велись вокруг предвыборной кампании.

Несмотря на весь свой авторитет, даже Бен-Гурион не мог навязать партии своего мнения. Во время референдума, проведенного в партии, подавляющее большинство ее членов проголосовало против существования фракций, но секретариат Мапай постановил не публиковать этих результатов. Было решено, что на первом заседании только что избранного съезда партии будут разбираться исключительно политические вопросы, а также проводиться выборы руководящих партийных органов, организационные же вопросы будут отложены до второго заседания.

Видимо, между бывшими членами Ха-поэл ха-цаир и членами "фракции бет" имелось молчаливое соглашение обо всем, касающемся организационных вопросов. Ни тех, ни других отнюдь не вдохновляло создание сплоченной партии без традиционного "ключика", который оставлял за бывшими членами Ха-поэл ха-цаир особое положение, отведенное им с самого возникновения Мапай. Против такого союза Бен-Гуриону трудно было бороться.

Однако главной причиной, объединившей всех и приведшей к отсрочке обсуждения организационных вопросов, являлось наступление Роммеля в Северной Африке, докатившееся до границ Египта и вызвавшее паническое отступление в рядах английских войск.

Съезд Мапай избрал постоянную комиссию, назначившую кандидатов в Секретариат и Центральный комитет партии. Одним из участников ее стал Берл. Но комиссия была настолько проникнута фракционной закулисной борьбой, что список кандидатов в Центральный комитет был составлен и принят съездом в его отсутствие. Когда же Берл попытался протестовать, то оказался в изоляции: ни у кого не было

сил пускаться в жестокие споры в последний день съезда, когда и сердце и мозг поглощены мыслями о том, что происходит в Западно-Африканской пустыне.

Почти тайком был утвержден принцип, согласно которому треть мест в руководящих органах партии отводилась "фракции бет". Результаты референдума вовсе не рассматривались. Берл записал в дневнике: "Я чужой всему".

Через десять дней после съезда Мапай германская армия вторглась на территорию Советского Союза и военная ситуация изменилась. Дневник Берла обходит это событие молчанием. Несколькими днями раньше Берл занес в дневник сообщение о незначительном отступлении англичан от Мардж-Аюн, а теперь даже не упомянул события столь колоссального значения. С начала июня 1941 года Берл снова вступил в полосу депрессии, усталости и головных болей. Цикл активности, характеризовавший его жизнь за последние полгода, закончился.

Лето и осень 1941 года Берл провел в Иерусалиме и в любимом своем санатории "Арза" и лишь в конце января 1942 года вернулся в Тель-Авив. В течение этого периода он был некоторое время болен, потом оправился от болезни (сентябрь 1941), а в октябре 1941 года снова почувствовал себя плохо.

Он ощущал крайнее переутомление и почти ничего не делал. Посещали Берла только зятя (Шаул Меиров и Моше Черток), сообщавшие ему о том, что творилось в партии. Такого одиночества, как в этот период, Берл еще не знал: Бен-Гурион находился в США, связи с членами "Киббуца" были порваны, молодежь отдалилась от него. Созданная им партия опустылела Берлу.

Осенью 1941 года мандатная администрация удовлетворила просьбу Правления Еврейского Агентства об организации специальной радиопередачи из ишува для евреев Советского Союза. Берл выступил в этой

передаче от имени палестинского рабочего движения. Он говорил на идиш. Речь его начиналась с обращения "Братья-евреи!", — а не "Рабочие!" или "Трудящиеся!", как можно было ожидать. Берл ни единым словом не упомянул о советской власти, лишь однажды произнес официальное название "Советский Союз", да и то в связи с союзом, заключенным СССР с крупнейшими демократическими странами мира.

У Берла не нашлось ни единого хвалебного слова для родины социализма. Он говорил о единстве исторических судеб еврейства, о братстве по мукам, о совместной борьбе против Гитлера и надеждах на свержение его режима. Речь Берла вызвала критику со стороны Цизлинга, отражавшего, по-видимому, позицию "Киббуца". Как-де можно после стольких лет впервые обращаться к советскому еврейству, не посоветовавшись ни с партией, ни с Гистадрутом относительно содержания речи?!

Месяцы болезни Берл провел в уединении, в отдалении от друзей. Лея периодически наезжала к нему; изредка навещала Сара Заит. По большей части Берл был один. Лежа в постели, он продумывал осуществление последнего из своих крупных начинаний — издательства "Ам Овед". Как всегда, занимаясь дорогим ему делом, Берл почувствовал новый прилив энергии и творческих сил. В этом, наверное, состояла причина его физического и душевного выздоровления.

Залман Рубашов, вспоминая Берла времен Второй алии, рассказывал притчу о том, как после вынесения Богом смертного приговора человечеству Моше Рабейну очертил место, на котором стоял, и сказал, что не сойдет с него, пока не добьется отмены приговора. По мнению Рубашова, в период Второй мировой войны Берл, отчаявшись изменить действительность, вернулся в свой заколдованный круг.

Берл оценивал свой замысел иначе. Это вовсе не был каприз обожаемого всеми своевольного вождя,

который друзья поддержали только потому, что знали о его помешательстве на книгах. Берл считал "Ам Овед" мощным оружием формирования еврейского общества и его культуры.

"Мне удалось на краткий миг подключить Гистадрут не просто к решению важной практической задачи, но к определению судеб еврейской литературы, заставить его вольно или невольно повлиять на условия работы еврейского писателя". Но не более и не менее. Подобно тому, как "Хеврат овдим" ("Рабочее общество") взяла на себя ответственность за строительство Эрец, так издательство "Ам Овед" взяло на себя ответственность за строительство национальной культуры.

Со времен Второй алии Берл всегда поддерживал писателей. Он не считал литературу роскошью, которую можно отложить "до лучших дней", но жизненно важной интегральной частью процесса национального возрождения. Как всегда, Берл переводил великие идеи на простой язык повседневных дел. Он, видевший, как Бреннеру пришлось оставить творчество ради добывания хлеба насущного, хорошо понимал трудности писателя, вынужденного напряженно искать заработка.

Став известным, Берл начал сознательно завязывать знакомства с богатыми меценатами, которые могли бы помочь нуждающимся писателям. Берл не гнушался обхаживать богачей, если это помогало избавить хоть одного писателя от голодной смерти. Но занятие это давалось Берлу нелегко, и с годами все труднее.

"Все финансовые учреждения, в образовании которых я участвовал, не стоили мне таких усилий над собой, как штурм кошельков моих друзей-меценатов". В освобождении писателя от ярма меценатов, в контакте писателя с широкой читательской массой Берл видел одну из главных задач издательства "Ам Овед".

"Ам Овед" начал свою деятельность в период

экономического кризиса. Издательство призвано было обеспечить работникам пера скромный, но достаточный для жизни заработок и опубликовать их произведения, которые, в противном случае, могли бы так никогда не увидеть свет. Писатели и поэты завалили Берла предложениями. Ему пришлось с налета отвергнуть многих, нажив немало врагов и наслушавшись обвинений в пристрастности.

В роли издателя Берл увидел творческих людей с их менее привлекательной стороны. Один не давал ему прохода своими просьбами и мольбами о работе; другого не удовлетворял скромный гонорар, который удалось выхлопотать Берлу, он требовал еще и еще. Третий не знал ни минуты покоя, пока не увидел, как поносят других поэтов.

Берл оказался одновременно в роли отца-исповедника, психиатра, мецената и редактора. В отличие от меценатствующих богачей, директор издательства "Ам Овед" не был отделен от писателей высокой стеной. Число нудных приставал, атаковавших его дом, двери которого всегда были открыты перед любым удрученным человеком, стало теперь поистине беспредельным.

Поэтессы, без устали навещавшие его, возбуждали ревность Леи, хоть Берл, видимо, не проявлял к ним особого интереса. Терпение, вежливость и предупредительность Берла к творческим людям не знала границ, но нареканий и жалоб становилось все больше.

1 апреля 1942 года, накануне праздника Песах, в "Давар" появился первый проспект издательства "Ам Овед". Берл задумал начать дело с большим размахом. Он планировал выпускать четыре библиотечки: "Современник" — для взрослых, "Юность" — для молодежи, "Детям" — для дошкольного и младшего школьного возраста и "В центре событий". Берл хотел составить рабочему и его семье полную домашнюю библиотеку.

Среди книг для детей и юношества Берл отбирал

такие, которые помогли бы юному читателю расширить знания и привили ему "понимание правды". Многие изданные в "Ам Овед" книги для молодежи описывали жизнь евреев в Эрец и странах диаспоры, рассказывали о еврейской истории и романтике халуцианства.

Тут Берл стоял на грани пропагандистской литературы, и только тонкий вкус удерживал его от того, чтобы грань эту перейти. Ответственной за серии "Юность" и "Детям" была Браха Хабас. Ее собственная книжка "Наши маленькие герои" может служить примером этих библиотечек, которые имели целью не развлекать юного читателя, а как уже говорилось, прививать ему "понимание правды".

Следует отметить, что выбор оригинальных ивритских книг для детей и юношества был очень скуден, да и число авторов, работавших для молодежи, было невелико. В свое время "Давар" выпустила книжку "Лубенгулу — король зулусов" — но как мало таких жемчужин находилось среди многочисленных посредственных книг, увидевших тогда свет! Тут Берл сознательно подчинял свой эстетический вкус намеченным им воспитательным целям. Приключенческую литературу и мировую классику он оставлял коммерческим издательствам, а сам ограничивался книгами, способными привить любовь к еврейскому народу, Эрец-Исраэль и "духу халуцианства". Поэтому книги серий "Юность" и "Детям" уступают по художественному качеству книгам из серии "Современник".

Отбирая книги для библиотечки "Современник", Берл дал волю своему литературному вкусу, хоть и тут он сознательно наложил на себя некоторые ограничения. Он не выпускал дорогих ему с юности произведений классиков русской литературы и вообще не стремился публиковать на иврите знаменитейших книг мировой литературы. Он видел свою основную задачу в поощрении оригинального творчества на иврите. Впрочем, знакомя своего читателя с лучшими

произведениями новейшей еврейской литературы, с Хазазом и Агноном, с Дворой Барон, Кабаком и Фихманом, Берл меньше выпускал в свет переводную беллетристику, но склонялся более к публицистике, делая главный упор на литературу с политико-социологическим уклоном.

Он хотел опубликовать автобиографию Ганди "Единоборство с истиной", видя в ее авторе одного из величайших людей своего поколения. Берл также наметил к публикации книгу Эйницио Силоне (с которым встречался и подружился) — итальянского коммуниста, разочаровавшегося в Советской России, озаглавленную "Школа для диктаторов". Издательство "Ам Овед" выпустило книгу Артура Розенберга "Германская республика, ее рождение и закат". Большое удовольствие доставила Берлу публикация книги друга юности Якова Лещинского, посвященной еврейству Советского Союза.

Планируя выпуск политической литературы, Берл исходил из того, что его издательство обращено к рабочему читателю, не имеющему досуга для чтения множества книг, а потому издательство должно заниматься отбором материала. В первом проспекте "Ам Овед" сообщалось о плане выпуска двух книг — "Во время войны и после нее" и "Книга о государстве", отражающих взгляды издательства. Это были антологии, первая из которых включала документы новейшей социалистической философии, получившей в предшествующие годы бурное развитие в Англии; вторая должна была ознакомить читателя с вершинными достижениями политической мысли, начиная с античной Греции и кончая современным периодом.

Берл задумал даже издание еще одного сборника, желая представить еврейскому читателю американских мыслителей. Все эти замыслы были обусловлены стремлением Берла поставить заслон на пути бурного потока просоветской романтики, затопившего в те годы значительную часть рабочего движения Эрец-

Израэль.

Антология, по самому своему определению, означает отбор небольшого количества образцов из широчайшего материала, она направляет мысль читателя за счет выбора именно того, что желательно редактору. "Я считаю своей задачей не поставлять публике то, что она требует, а давать ей то, что, по моему мнению, нужно", — так определил Берл свое издательское кредо. Он наотрез отказывался уступить непрестанному нажиму слева и не принимал критики за то, что издательство не выпускает произведений основоположников социализма.

"Коммунистический манифест" можно и нужно публиковать на иврите, говорил Берл, но не как самодовлеющий документ, а с подробными примечаниями, комментариями и предисловием, которые осветили бы место этого произведения в историческом процессе, показали бы, что в нем актуально для сороковых годов нашего столетия, а что отжило свой век. Когда издательство встало на ноги, Берл наметил выпустить в свет произведения некоторых зачинателей социализма.

При этом он не включил в план издательства сочинений тех мыслителей, которые успели занять почетное место в библиотеках кибуцов Ха-шомер ха-цаир и значительной части поселений Ха-киббуц ха-меухад, предпочитая им других авторов, не отличавшихся порой последовательностью мышления, но замечательных своею оригинальностью и гуманистической направленностью, — Руссо, Герцена, Прудона, Кропоткина, Гесса, Мадзини, Густава Ландауэра.

Издательство Берла носило воинствующий характер, опасения представителей гистадрутовской оппозиции, что Берл превратит его в орудие борьбы за свои убеждения, полностью оправдались. Берл сознательно игнорировал те политические течения, в которых усматривал опасность для своего сионистско-социалистического мировоззрения, одновременно открывая читателям мир близкой ему философии.

Особенно досадил Берл левой партии Поалей Цион, выпустив сборник писем Борохова под редакцией Залмана Рубашова, друга покойного гения. Сборник этот показал читателю иного Борохова, непохожего на схематичный одноплановый образ, бытовавший в среде тех, кто считали себя продолжателями его дела.

Особый раздел в работе издательства отводился сочинениям видных деятелей сионистско-социалистического движения. Берл начал эту серию еще до организации "Ам Овед", выпустив сборник статей Нахмана Сыркина. Книге было предпослано обширное введение, написанное Берлом и озаглавленное "Один из участников битвы".

Издавая статьи Бейлинсона, Берл также предпослал им пространное предисловие. Не в меру ретивые противники Берла иронизировали по поводу этих предисловий, говоря, что в них до неузнаваемости смещены пропорции и избранные Берлом авторы предстают куда более значительными фигурами, чем были в действительности. Но для Берла масштаб личности определялся душевной близостью, которую испытывал он в том или ином случае.

Предисловия Берла к сочинениям Сыркина, Яффе, Лави и Бейлинсона говорят, пожалуй, о его неверии в способность читателя поставить каждого из этих деятелей на соответствующее ему место. Иначе вел себя Берл в первые годы существования "Давар", полностью полагаясь на вкус и суждение читателей. Когда Мордехай Кушнер, приятель Берла еще со времен Второй алии, однажды удивленно спросил, неужели еврейский читатель так низко пал в его глазах, Берл, с присущей ему по отношению к себе и другим жестокой откровенностью, сказал: "Читатель отделился от нас. Это уже другое поколение".

В этой отчужденности Берл видел проявление противоречий между различными поколениями, тех противоречий, которые он так стремился избежать.

”То, что для нас трепетное настоящее, для нынешнего читателя — мертвое прошлое”, — продолжал Берл. А через несколько минут добавил: ”Завидую тем, кто этого не чувствует, я же живу с постоянным ощущением этого разрыва”.

Когда в другой раз Давид Заккаи спросил Берла, почему предисловие к книге Лави написано как обращение к постороннему читателю, Берл взорвался, точно давно уже ожидал случая излить всю накопившуюся в душе горечь и боль. ”Отвечу тебе откровенно, мне и близкие люди стали далекими”, — сказал он.

В роли редактора Берл отличался сугубой педантичностью и строгостью. Как во всех по-настоящему интересовавших его делах, он влезал в мельчайшие подробности, входил во все детали, касавшиеся выхода книги в свет. Так, он тщательно следил за соблюдением единства шрифта, за чистотой набора; систематически вводил в нужных случаях частичную огласовку, чтобы облегчить процесс чтения.

В ”Ам Овед” имелся штатный корректор, проверявший все рукописи, прежде чем они поступали в набор, и отвечавший за чистоту слога и правильность орфографии. По словам Берла, ”Ам Овед” был первым ивритским издательством, позволившим себе такую роскошь.

По отношению к авторам Берл вел себя как превосходный критик. Он анализировал их произведения, останавливаясь на достоинствах и недостатках, обращал внимание на логические несообразности в обрисовке персонажей и построении сюжета, но всегда оставлял писателям последнее слово, не навязывая им собственных вкусов.

У авторов часто возникало ощущение, что Берл предупреждает их мысли, произнося то, что они хотели сказать, но не могли выразить. Особенно остро ощущалась рука редактора при подготовке к печати антологий или сборников статей товарищей Берла по партии. В последнем случае не раз требовались редакторские коррективы, иначе газетная

полемиическая статья могла бы оказаться нелепой или непонятной много лет спустя на страницах книги.

Берл всегда старался по возможности убрать резкие эпитеты, произнесенные в пылу полемики. Вместе с тем он остерегался излишней "гладкости" текста, дабы не затушевать существа некогда горячего спора. "Я не стал чересчур "причесывать" материал, боясь довести его до фальшивой благопристойности, и долго воевал с собою в процессе редактирования", — признавался он.

В вопросах литературного вкуса Берл не признавал сантиментов. Еще с первых дней "Давар", когда писатели и поэты осаждали его со своими бесчисленными произведениями, Берл научился быстро и решительно отвергать не понравившиеся ему произведения. Он смирился с мыслью о том, что всегда найдутся авторы, упрекавшие его в личных пристрастиях, и это его не останавливало. Он никогда не скрывал своих критических отзывов о прочитанных произведениях, в дружеском кругу подчас отзывался о некоторых авторах с беспощадным сарказмом.

Понятие политической "полезности" или "вредности" отнюдь не были для Берла главными, когда дело касалось явлений подлинной культуры. Так, значение Ури Цви Гринберга как поэта не умаляли в его глазах крайне правые политические взгляды поэта. Когда театр "Охел" столкнулся с непреодолимыми трудностями, его актеры пришли просить поддержки Гистадрута. У них тут же сыскались доброхоты, поспешившие представить театр "Хабима" как буржуазный, а "Охел" — как пролетарский. Берл решительно отверг подобную интерпретацию. "'Хабима' — это не классовое учреждение, — отрезал он. — А право театра "Охел" на существование будет определяться его самобытностью, оригинальностью, а не пролетарским происхождением".

В сущности Берл остался верен той литературе, к которой привык с детства, — еврейской литературе

во всей ее исторической глубине и русской классической литературе XIX века. Начитанностью в старой еврейской литературе Берл не уступал таким блестящим знатокам Священного Писания, как Дов Шток (Садан) и Давид Заккаи, а в некоторых отношениях и превосходил их.

Время от времени он открывал друзьям какого-нибудь забытого еврейского писателя, точно указывал место и время появления его произведений. Постепенно Берл познакомился с европейской литературой. Он высоко ценил Кафку. Вероятно под влиянием Сары Заит Берл прочел Стендаля и даже включил "Пармскую обитель" в издательский план "Ам Овед".

Михаэль Асаф познакомил Берла с сочинениями арабских писателей, переведенными на европейские языки. Нельзя сказать, чтобы Берл пришел от них в особый восторг, но он все же издал книжку Туфика ал-Хакима "Отрывки из дневника прокурора в египетской деревне". Единственным из прочитанных Берлом произведений арабских писателей, которое ему действительно понравилось, была "Летопись" — автобиография знаменитого египетского писателя Таха Хусейна.

Новейшая западная литература не производила на Берла впечатления. В этом, может быть, причина того, что он так по-настоящему и не заинтересовался ни английской, ни американской современной литературой. Берл признавал, что как читатель он где-то остановился в своем развитии. Сначала его вкусы застыли в области русской литературы. Его, кажется, вовсе не интересовало то, что было написано в России после революции.

Потом подобный процесс начался в отношении литературы на идиш. Наконец, Берл почувствовал, что и новейшая ивритская поэзия далека от него. Многие писатели и критики упрекали молодых поэтов за то, что те неспособны писать для широкой публики. Берл воздерживался от таких обвинений.

”Я понял, что и на эти вещи есть свое время, — говаривал он. — И если человек чувствует, что новейшая литература не затрагивает его души, он должен сказать себе: ”Отныне и довеку я уже не судья нового поколения”.

Для Берла вершинами мировой литературы были Данте, Сервантес, великие русские классики, Кафка. А в еврейской литературе, по его мнению, величайшими исполинами духа были двое — Бялик и Бердичевский. К ним Берл присоединял еще одного — своего современника Бреннера.

Работа Берла сначала в качестве редактора ”Давар”, а впоследствии как редактора ”Ам Овед” поставила его на стыке между рабочим движением и интеллигенцией. В Эрец создалась особая ситуация в области книжного дела. С одной стороны, писатель мог публиковаться в рукописных журналах, выходивших в писательских кругах, в различных газетах и издательствах. С другой стороны, ”Давар” и ”Ам Овед” имели решающее влияние на судьбы создававшейся в ишуве литературы.

Так что, хотя Берл и не определял единолично всех аспектов литературной жизни, но к нему сходились все нити, связывавшие самое мощное общественное движение ишув с зависящей от него интеллигенцией. Нет никаких сомнений в том, что он отдавал себе в этом отчет.

Видимо, Берл делил писателей на две группы: одна, к которой он проявлял частичный интерес, и другая, бывшая предметом его постоянной и всесторонней ”тотальной” заинтересованности. В первую группу входило подавляющее большинство творческих работников, с которыми у Берла имелись контакты; книги их выходили в ”Ам Овед”. К некоторым из них Берл питал глубокие дружеские чувства — например, к Агнону или к Гершому Шолему.

Других он знал только с профессиональной стороны и стремился познакомить читателей с результатами их труда. Таково было отношение Берла к профессору

Ицхаку Баэру и его изысканиям по истории евреев в христианской Испании, или к молодому Натану Ротенштрайху и его книге, посвященной истории еврейской философии в новое время.

Все эти люди знали Берла с одной стороны — он был редактором, издателем, знатоком книг и ценителем культуры. Он не стремился в разговорах с ними заходить далее общепринятых тем светской беседы, посвящать их в повседневные вопросы рабочего движения, ради которого было создано издательство "Ам Овед", даже в дела самого издательства Берл не пытался втягивать этих своих собеседников.

Их отношения вполне вписывались в рамки взаимоотношений между редакторами и авторами, без каких-либо особенностей, обусловленных тем обстоятельством, что издательство принадлежало общественному движению с ярко выраженной политической и социальной окраской. С этой группой авторов Берл вел себя исключительно либерально. Если он делал замечания литературного или иного характера, то они были продиктованы особенностями издательства, предназначенного для широкого читателя, и не более того.

Иначе относился Берл к авторам, входившим во вторую группу. По правде сказать, он и с этими литераторами крайне редко переходил за грань делового общения. Он открывал им лишь малую толику постигшего его разочарования в людях. Пожалуй, в глубине души Берл мечтал о том, чтобы писатели, поэты, очеркисты, сочинители детских книг, с которыми у него устанавливались постоянные контакты, испытывали к его издательству те же чувства, которые были у него самого, чтобы они чувствовали себя ответственными не только за то, что сами печатают в "Ам Овед", а видели бы в нем дело своей жизни.

Такого подхода искал Берл у товарищей по труду, но находил его нечасто. Он не стремился ни

навязывать авторам своего мнения, ни руководить их работой, желая лишь ощутить их душевную привязанность к происходящему в "Ам Овед", убедиться в том, что им не безразличны дела издательства, выходящие за рамки данного конкретного договора.

Но большинство литераторов, с которыми сблизился Берл, причем обычно наиболее талантливые из них, не считали ни "Давар", ни "Ам Овед" своим делом. Они ставили превыше всего свою творческую независимость. Это приносило Берлу горькое разочарование, жгучую ревность. Так было с Довом Штоком, Леей Гольдберг, Яцивом и другими. Капля бессильной ярости, накопившейся в душе Берла на любимейших и ближайших помощников, выплеснулась в неотосланном письме к Давиду Заккаи.

Поводом к написанию этого письма была нарочитая угрюмость ветеранов "Давар", в первую очередь Заккаи, уязвленных тем, что Берл обошел их стороной, подбирая кадры для "Ам Овед". В этом письме Берл подводит итог своих отношений с Давидом Заккаи и другими сотрудниками "Давар": "Всю жизнь, в сельском хозяйстве и в сионистской работе, я тянулся к способным людям, стремился найти к ним подход, поддержать их в меру своих сил. Когда же те не откликались или начинали брыкаться, мне приходилось спускаться рангом ниже и работать с теми людьми, которые были в нашем распоряжении, такими, как я, не блистающими ни талантами, ни объемом знаний, но зато честно везущими воз, воспринимающими, подобно мне, неуспех дела как личную беду".

Быть может, люди творческие по самой своей природе неспособны были видеть в газете или издательстве нечто большее, чем работодателя, и смотрели на происходившее там взором чужака, точно говоря "Что это там у вас?", как дурной сын из пасхальной притчи. Вместо живой заинтересованности, которой жаждал Берл, он наткнулся на стену,

которой окружали себя авторы, — они иногда выбирались за эту стену, приближались к нему, но всегда могли скрыться за нею вновь. "А я никогда не умел быть работодателем, держащим наемных рабочих, — продолжает Берл. — Я всегда чувствовал себя членом коллектива. Так смотрел я на "Давар", и тот, кто хотел работать со мной, должен был вложить в дело всего себя; взять на себя всю полноту ответственности за любой срыв. Ответственных людей, а не только одаренных, искал я, организовывая "Давар". Такие нужны мне и теперь, для "Ам Овед".

Берл требовал от людей абсолютной верности. Он очень болезненно переживал то обстоятельство, что авторы "Давар" и "Ам Овед" распространяли свои лучшие произведения в рукописях или печатали их в других издательствах.

Требую верности "своему" издательству, Берл доходил до настоящего фанатизма. Он хотел, чтобы творческие работники были людьми гордыми и независимыми, но в то же время желал, чтобы они отождествляли себя с его детищем — "Ам Овед". Тех, кто отказывал ему в такой абсолютной верности, он любил и одновременно испытывал к ним глубокую неприязнь. А истинный результат этих "смешанных чувств" сводился к тому, что Берл зачастую вынужден был работать со второразрядными литераторами, платившими ему безраздельной преданностью, которой он не находил у более одаренных людей.

Отношение к Берлу со стороны других по большей части было отражением его отношения к ним. Те, с кем он завязывал связи на основе равенства, например Агнон, Гершом Шолем, Халкин, любили его. Они видели в нем блестящего собеседника, поражающего широтой взглядов, богатством ассоциаций, изысканным слогом, глубоким пониманием и знанием еврейской культуры. Характерная для Берла ироничность тоже находила отклик у этой плеяды скептиков. Но при всем том они знали

Берла лишь в одной, пусть и пленительной для собеседника ипостаси.

Иначе обстояло дело с теми, чьи отношения с Берлом не строились на основе равенства. Их чувства к нему метались — от обожания до затаянного разочарования. С одной стороны, они волей-неволей должны были признать за ним несомненный талант, литературный вкус, редкостную эрудицию, тонкий аналитический ум и колоссальный талант организатора.

Работоспособность, умение вникать в мельчайшие детали редакторского труда, инициатива и творческий размах, проявлявшийся Берлом при разработке и осуществлении широких планов, — все это заставляло многих сталкивавшихся с Берлом интеллигентов испытывать перед ним преклонение, граничившее с самоуничижением. И вместе с тем Берл вызывал в людях противодействие, желание бунтовать. Нередко эти чувства являлись результатом внутренней борьбы у людей, желавших сохранить собственную индивидуальность и независимость суждений и неожиданно обнаруживавших в себе непреодолимую тягу к Берлу.

Многие из тех, кто поддался властной силе его личности, чувствовали, что он порой невнимателен к ним — с головой уходя в работу, Берл подчас не обращал внимания на тонкости человеческих взаимоотношений. Он, умевший так чутко прислушиваться ко всем тонам и обертонам душевного строя собеседника, иногда не видел, что задевает чувства людей, изо дня в день работавших бок о бок с ним. Отдаваясь очередному творческому порыву, Берл не принимал в расчет таких факторов, как необходимость оказать почтение ветерану или проявить благодарность заслуженному работнику.

Он, сам того не замечая, обижал товарищей и не отдавал себе в этом отчета. Когда сотрудники "Давар" дали ему понять, как оскорблены они тем, что на протяжении целого года бывая в здании

”Давар” (где размещалась тогда редакция ”Ам Овед”), он избегал товарищей, с которыми работал долгие годы, Берл увидел в этих жалобах признак старости, настигшей людей его поколения, превратившей их в ревнителей почета и престижа, хоть прежде они ставили превыше всего интересы дела.

А может быть, Берл забыл о них, пренебрег их чувствами потому, что вел гонку против времени, и внешняя вежливость и терпеливость, отличавшие его в прошлом даже по отношению к не интересовавшим его людям, отступили перед охватившей Берла жаждой успеть ”осуществить себя” прежде чем наступит конец.

Первой выпущенной в ”Ам Овед” книгой была историко-литературная антология ”Книга о героизме”. Сразу вслед за нею вышел сборник ”Дела и устремления”, подводивший частичный итог месячного семинара в Реховоте. Первый оттиск этой книги Берл послал Энцо Серени, находившемуся тогда с опасным заданием в Ираке. С апреля 1942 года книги стали выходить непрерывно. Накануне Песах в ”Давар” публиковался план издательства ”Ам Овед”, и это было праздничным днем.

За первый год своего существования издательство выпустило в свет тридцать шесть книг. ”Ам Овед” стал проводить подписку на свои серии. Уже в первый год девять тысяч читателей подписались на библиотечки ”Современник” и ”Юность”. На протяжении 1942—1943 годов тираж издательства достиг 150 000 экземпляров. Следует напомнить, что ишув насчитывал тогда 450 000 человек. Это означает, что каждый третий человек приобрел книгу, выпущенную издательством Берла.

Такого успеха не знало до тех пор ни одно еврейское книгоиздательство. Книги распространялись по всей территории Эрец-Исраэль, отправлялись солдатам в военные лагеря, расположенные в Западной пустыне и в Европе; инструкторам Хе-халуца, находившимся в разных европейских странах; агентам

Алии Бет в Стамбуле, которые старались поддерживать связи с евреями балканских стран и нелегально перевозили книги через границу; Бен-Гуриону, разрабатывавшему в США Билтморскую программу; их передавали арестованным бойцам Хаганы, заключенным в крепости Акко, и узникам лагеря № 4, включая членов Лехи. Много лет спустя один из руководителей Лехи Натан Елин-Мор вспоминал дружеское, ободряющее письмо, полученное им от главного редактора "Ам Овед" в ответ на просьбу присылать книги узникам Лехи. Это письмо Берла особенно знаменательно на фоне бойкота, которому подвергались в ишуве бойцы и сторонники Лехи.

Не было такого уголка, куда бы не доходили до жителей Эрец книги "Ам Овед". К всеобщему изумлению издательство завершило свой первый финансовый год с прибылью в 3000 палестинских фунтов — что по тем временам было довольно значительной суммой. Разъезжая по поселениям и городам Эрец, Берл неизменно встречался с благодарными читателями "Ам Овед". И успех его любимейшего детища согревал душу Берла, этот единственный луч света помогал ему сохранять самообладание в те горькие годы.

2. Горькие годы

А годы и вправду были горькие — обострявшаяся болезнь на долгие месяцы отрывала Берла от активной жизни, от общения с товарищами. Но и на больничной койке в "Арзе", в Иерусалиме или Рамат-Гане он не переставал работать. Лежа в постели, писал предисловия, поправлял рукописи, вносил замечания. Его часто навещала Сара Заит, отношения их стали еще более тесными — она вела протоколы "Ам Овед", ей поручал он письма, которые предпочитал до времени не посылать. Но несмотря на все это, последние годы жизни Берла

были окрашены романтической тоской по далекому прошлому.

Чем более отдалялась от него молодежь, пошедшая за Табенкиным, тем более убеждался Берл, что его поколение сошло со сцены, что время его миновало. В этом, быть может, причина того, что он снова и снова обращался к периоду Второй алии и ее героям. Он, как обычно, терзал себя сверх всякой меры. Творя суд над собою, Берл рассматривал свои поступки сквозь очки, невероятно увеличивавшие любые недостатки и скрадывающие все достоинства. Он судил себя по субъективным критериям, которые сам избрал, исходя из недостижимого идеала вождя милостью Божией, властителя дум поколения.

В действительности же влияние Берла на молодежь и старшее поколение, на друзей и противников, на простых людей и избранников народа по-прежнему оставалось колоссальным. Насколько тяжело отразилась болезнь на душевном состоянии Берла, в какой мере являлась она причиной депрессии, окрасившей в мрачные тона последние годы его жизни, определить трудно. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что сменявшие друг друга циклы подавленности и оживления не были обусловлены исключительно внешними обстоятельствами, а являлись также проявлением физиологических процессов.

Тем не менее существовали объективные обстоятельства, усиливавшие замкнутость и угрюмость Берла. Одно из них — известия из диаспоры. Рано, очень рано, гораздо раньше своих товарищей по руководству ишува, Берл стал переживать происходящую Катастрофу. Как мы помним, уже в 1940 году на конференции Всемирного объединения Поалей Цион в Аялот, когда его товарищи еще уподобляли страдания польского еврейства гонениям, постигшим чехов и поляков, Берл говорил о тотальном разрушении, о Рубиконе, о конце всего восточноевропейского еврейства.

Однажды, просматривая газетный фельетон, Берл

наткнулся на несколько строчек, которые потом то и дело повторял по всякому поводу. В фельетоне приводился разговор нескольких женщин на рынке. Одна из собеседниц, старушка, сказала: "Ох, нехорошо, что Господь Бог так мешкает и не посылает нам своего Мессию! А что как придет Мессия, да уже не застанет ни одного еврея?!"

Берл не сомневался, что нацисты действительно намерены провести в жизнь свои чудовищные планы истребления евреев. Выступая 19 апреля 1942 года на съезде Гистадрута, Берл напомнил о заявлении одного из главарей рейха, утверждавшего, что единственным решением еврейского вопроса является кладбище, и добавил: "Они верны этому принципу".

Правление Всемирной сионистской организации и руководство ишува до 1943 года склонны были относиться к происходившему в Восточной Европе с точки зрения понятий Второй мировой войны: голод, эпидемии, нужда, унижения; беженцы, ужас военных зверств. Иное дело Берл. Он жил с ощущением, что нация подвергается уничтожению, что к концу войны еврейский народ прекратит свое существование. "Где возьмем мы силы, чтобы дотянуть до конца войны?" — спрашивал он. Берла не покидал страх перед тем, что освобождение наступит, когда "мир превратится в кладбище народа Израилева".

И позднее, когда все уже как будто узнали о масштабах Катастрофы и поняли ее значение, переживания Берла остались уникальными — Иозль Палги, входивший в группу парашютистов, направленную из Эрец для установления связи с терпящим катастрофу еврейством диаспоры, рассказывал о состоявшейся накануне вылета встрече парашютистов с "людьми, ставшими для нас символом нашего пути". Участники группы спросили, в чем состоит главная задача возложенной на них операции. "Научить евреев сражаться", — ответил Элияху Голомб. "Привить евреям сознание, что Эрец-Исраэль — это их

страна и крепость”, — сказал Бен-Гурион. ”Спасать евреев, — сказал Берл. — Все остальное — потом. Если в мире не останется евреев, то и Эрец-Исраэль, и дело сионизма тоже погибнут”.

Берл мало говорил об этом. Видно, тема была слишком болезненной, чтобы прикасаться к ней избитыми фразами, которыми обычно описывают всяческие бесчинства и бедствия. В словах, сказанных им при прощании с парашютистами, прорвалось глубочайшее непосредственное чувство, не оставлявшее его ни на минуту.

Казалось, он несет на своих плечах всю тяжесть еврейского горя, слившегося из страданий каждого мужчины, женщины, ребенка. Берл испытывал не туманную, анонимную печаль обо всех гибнущих евреях вообще, а острое мучительное горе каждого человека, точно терзали и унижали его самого.

Много лет назад сионизм Берла рождался из глубоко пессимистического взгляда на будущее еврейского народа в диаспоре, который возник у него во время юношеских скитаний по городам и местечкам черты оседлости, при встрече с ”мечом карающим”, по переулкам еврейской Вильны. А теперь Берлу казалось, что сбываются кошмарные видения его юности. Происходящее не было для него неожиданностью, все казалось знакомым, заранее известным.

В этом Берл отличался от своих товарищей по партии, путь которых к сионизму был легче, для которых будущее освещалось сиянием надежды. Теперь им было трудно переварить совершающееся в Европе. Они не могли втиснуть Катастрофу в свою картину мира, даже когда известия о ней били в глаза. А Берл не прятался от жуткой действительности. Беспощадный реализм мышления не оставлял у него и тени сомнения в значении происходящего. Полностью отождествляя свою судьбу с судьбой уничтожаемого еврейского народа, Берл не мог не сгибаться под тяжестью непосильного душевного

груза.

К чаше великого народного горя прибавилась еще одна капля — скорбь об участи еврейского поэта Ицхака Кацнельсона. Он служил директором еврейской гимназии в Лодзи и, будучи родственником Берла и Табенкина, на протяжении тридцатых годов поддерживал с ними постоянные связи. В тот период Кацнельсон даже побывал в Эрец, но вернулся в Польшу. С самого начала войны Берл понимал, что его родичу, занимавшему в Лодзи заметное общественное положение, угрожает серьезная опасность.

Около двух лет у Берла не было никаких сведений о судьбе Ицхака Кацнельсона. В июне 1942 года до Эрец дошли слухи о том, что Кацнельсон сумел бежать из оккупированной фашистами Польши и добрался до Швейцарии. Берл поспешил послать туда поздравительную телеграмму, но впоследствии выяснилось, что слухи были ложными.

В ноябре 1942 года в Эрец прибыла первая группа спасшихся от Катастрофы евреев — женщины и дети, имевшие британские визы на въезд в Палестину, которых при посредничестве Голландии удалось обменять на германских граждан. Ишув и его руководство впервые встретились с непосредственными свидетелями фашистских зверств, из первых рук узнали о гигантских масштабах и систематичности уничтожения евреев. Спасшиеся женщины рассказывали о лагерях смерти, о регулярных транспортах, отправлявшихся туда из гетто.

Факты эти были уже известны из сообщений телеграфных агентств и по слухам, но до сих пор их считали либо измышлениями английской военной пропаганды, либо плодом большого воображения людей, помешавшихся на ужасах войны. Кошмарным рассказам приехавших из Европы женщин трудно было поверить. Когда одна из них стала рассказывать о том, что повидала своими собственными глазами за годы фашистской оккупации, работник Еврейского

агентства Элияху Добкин, пытаясь успокоить ее, сказал: "Вы, конечно, сгущаете краски. Возможно, все это и не совсем так. Такого быть не может". Женщина поднялась с места, подошла к Добкину и влепила ему пощечину. Много лет спустя Добкин рассказывал, что именно эта пощечина открыла ему глаза на весь ужас совершавшихся в действительности зверств.

В августе 1943 года Мелех Нейштат сообщил Берлу, что Ицхаку Кацнельсону и одному из его сыновей удалось раздобыть южноамериканский паспорт, после чего они как подданные враждебного государства были направлены в лагерь гражданских пленников, расположенный во Франции. Появилась надежда, что Ицхака можно спасти. С помощью Красного Креста с ним была установлена переписка через Женеву, Берл отослал ему письмо и посылку и даже, видимо, получил ответное письмо. Вероятно, в начале 1944 года работники Женевского комитета по спасению евреев смогли передать Ицхаку Кацнельсону палестинский паспорт, благодаря которому он получил возможность выехать из оккупированной фашистами Европы в составе одной из групп по обмену гражданского населения. Однако в середине 1944 года немцы обнаружили, что правительства южноамериканских стран не признают паспортов, якобы выданных ими лицам, интернированным в лагере Вейтль, и за несколько месяцев до освобождения Франции заключенные Вейтля, которым не посчастливилось попасть в упомянутую группу обмена, были направлены в лагеря уничтожения. Среди них оказались Ицхак Кацнельсон с сыном.

Вскоре после этого состоялся очередной обмен гражданских лиц, и в Эрец прибыла Рут Адлер, которая жила в Вейтле вместе с Ицхаком Кацнельсоном и его сыном. Ицхак доверил ей свои поэтические произведения и она привезла их в Эрец, спрятав в ручку чемодана.

На глазах у онемевших потрясенных родственни-

ков, собравшихся в доме Берла, Рут извлекла из тайника рукописи Ицхака Кацнельсона. "Только ты да другой мой двоюродный брат (Табенкин) прочтете этот надгробный плач по всему нашему убиенному народу, по младенцам и детям, замученным на глазах их матерей", — писал Ицхак Кацнельсон Берлу. В последнем письме поэт завещал не публиковать его стихов ("Траурная песнь по убитому народу") до тех пор, пока "царство зла не будет сметено с лица земли", и поручал выполнение своей последней воли двум ближайшим родственникам — Берлу и Табенкину.

Как и прежде, после смерти Сары Шмуклер, Бреннера и Бейлинсона, так и теперь Берла преследовало ощущение вины за гибель поэта. Чувство это разделяли все члены семьи, но Берл испытывал его намного более остро.

Это чувство вины сконцентрировалось вокруг гибели Ицхака Кацнельсона, но истоки его, вероятно, лежали глубже. Берл видел, с каким равнодушием воспринимал ишув известия о Катастрофе, как реагировал на них. Сперва, пока сообщения эти не представлялись достоверными, Берл наблюдал, как окружающие его люди отказывались верить в возможность Катастрофы. Когда по радио сообщалось о происходящем в мире, все внимательно слушали, когда же диктор переходил к сообщениям о гонениях на евреев, люди отвлекались и начинали заниматься другими делами. "Это безразличие к нашим бедам, это бессилие перед нашими несчастьями устрашают", — говорил Берл, думая о детях, подрастающих в тех семьях, где радио выключается, как только речь заходит о преследованиях евреев в завоеванной фашистами Европе.

Берл не искал в окружающих внешнего проявления горя. Он помнил дни, последовавшие за смертью отца, когда он как будто испытывал какое-то облегчение после первого удара, но каждую ночь отец являлся ему во сне. Однако Берл знал, что в

живущих вокруг него людях отсутствие внешних признаков страдания — это не прикрытие более глубокого душевного пласта, где таится боль, а лишь выражение внутреннего равнодушия, спокойствия, отчуждения.

”Ам Овед” издал специальную серию очерков под общим названием ”С места событий”, посвященную ужасам войны. Брошюры, описывавшие Лондон во время ”блица”, раскупались нарасхват, а выпуск, озаглавленный ”Письма из гетто”, где были собраны двести пятьдесят отрывков из писем, написанных борцами еврейского подполья, членами Хе-халуца, разбросанными по разным гетто Европы, так и остались мертвым грузом на прилавках книжных магазинов. ”Не думаю, что эти ужасы, информация о которых имеется у каждого из нас в верхних этажах сознания, стали личным душевным переживанием каждого из нас, частью нашей жизни” — таков был вывод Берла.

Поколение, выросшее в Эрец, отождествляло себя с партизаном, евреем и неевреем, с повстанцами гетто. О них много говорили в молодежных организациях, перед ними преклонялись, им старались подражать. ”Боюсь, — говорил Берл, — что во всем этом есть какая-то большая ложь”.

Еврейская молодежь Эрец-Исраэль росла в отрыве от еврейского народа и его страданий. В Эрец возникло как бы новое еврейское племя, наделенное множеством достоинств, но лишенное корней, уходящих в историю своего народа, чуждое инстинктивному еврейскому ощущению, что ”все дети народа Израилева в ответе друг за друга”.

Для этой молодежи живы и понятны арабские беспорядки, история Ха-шомера, Трумпельдор, Вингейт, боевые ударные группы, действующие по ночам. Эта молодежь может отождествлять себя с евреями периода Хасмонеев или Бар-Кохбы. Но двухтысячелетняя история жизни еврейского народа в рассеянии, история еврейского горя, религиозного

мученичества, испытаний, страданий и верности своей вере — все это ничего не говорит юношам и девушкам ишува. Они, конечно, читали обо всем этом, но воспринимали прочитанное как посторонние, со стороны.

Новое поколение способно отозваться на борьбу повстанцев гетто, находя в ней выход чувству вины за укоризненное отношение, которое рождает у него страдания евреев в гетто. Это было бегство от евреев, от их жизни и смерти к другим явлениям, которые, по мнению Берла, были куда менее важны, чем вся совокупность еврейского горя, Катастрофы еврейства. В том обстоятельстве, что в центр истории Катастрофы в Эрец были поставлены восстания в гетто, Берл чувствовал обвинение против евреев, которые не восставали, а покорно шли на смерть, как скот на бойню.

Он хотел бы, чтоб молодежь смотрела на Катастрофу иначе. Один малый эпизод мученичества во имя веры, история о том, как брат рабби из Гура попросил в лагере смерти немного воды, чтобы евреи, вместе с ним обреченные на уничтожение, могли совершить ритуальное омовение рук перед молитвой, прежде чем пойдут на смерть, — эпизод этот был, по мнению Берла, более существенным с еврейской точки зрения, чем восстания в гетто. А он видел, что этот эпизод и его герой чужды новой молодежи Эрец, ибо "мы не живем в еврейском мире, ибо мы иные".

Берл не снимал с себя ответственности за отчуждение выросшего в Эрец поколения от еврейского народа. Как человек, считавшийся воспитателем партии, как человек, наложивший неизгладимый отпечаток на ее историософию своими лекциями, семинарами, беседами, он участвовал в создании этого отчуждения. Отрицание галута, в смысле отрицания еврейского образа жизни в нем, с одной стороны, и отрицание возможности дальнейшего существования еврейского народа в диаспоре — с

другой, лежали в основе сионистского мировоззрения. Отсюда вытекал вывод о катастрофической опасности, угрожавшей будущему еврейской диаспоре, и кардинальный переворот, совершенный сионизмом в образе жизни еврейства, его мышлении, иерархии ценностей и манере поведения.

Но весьма быстро и учителя, и ученики стали интерпретировать сионизм как отрицание **еврейского народа**, живущего в диаспоре, и повышение удельной ценности **нового** еврейского племени, растущего в Эрец-Исраэль. Учителя поколения, люди Второй алии не ставили перед собой такой цели. Восставая против своего прошлого, против общества, из которого вышли, они, естественно, рисовали молодежи свои родные местечки наподобие местечка шолом-алейхемовского Менделе, где нет ничего, кроме безобразия и убожества.

Сами они хорошо знали, что родные их места выглядели иначе, что иным был народ, среди которого они родились. Обрушиваясь на отчий дом и его порядки, сами они продолжали оставаться его неотъемлемой частью, а благодаря этому — одним из звеньев в непрерывной цепи поколений, несущих гнет судьбы народа и претворяющих своим трудом в жизнь его освобождение.

Даже отдалившись интеллектуально и физически от взрастившей их почвы, они инстинктивно сохраняли неразрывную связь с еврейской культурой, литературой на иврите и идиш и совершенно естественно, безо всяких рассудочных доказательств и оправданий, отождествляли себя с еврейским народом.

Иначе относилось к своему народу молодое поколение, воспитанное в Эрец. Их национальному самосознанию не хватало той непосредственности, которую впитывают с молоком матери, с ее колыбельной песней, с субботними и праздничными свечами, со страхом накануне погрома, со скорбью после него. Их национальное самосознание было процессом рациональным, в ходе которого над

народом вершился суд и он признавался неполноценным.

Для молодых народ в диаспоре представлял собой то, против чего восстали их учителя. Они, естественно, не могли не испытывать ничего, кроме отчуждения, смешанного с презрением, даже с враждебностью, к этим жалким евреям, лишенным достоинства, тусклым, боязливым и беспомощным.

Таким образом, если для поколения Берла "отрицание галута" означало спасение еврейского народа от галутной жизни, то для выросшей в Эрец молодежи смысл его заключался в разрыве всяких связей с еврейским народом и еврейской историей. Итак, на склоне дней Берл с пронзительной болью осознавал провал воспитания "детей сионизма". Отчуждение между еврейским ищувом и гибнущим еврейством Европы было для него постоянным укором, источником чувства вины.

Вероятно, эта отчужденность, эта неудача, в которых Берл винил себя, помогла ему отталкивать более тяжелую, почти непереносимую вину. Через год после смерти Берла рабби Биньямин (псевдоним) опубликовал полемическую статью, направленную против него — как если бы Берл был еще жив. Суть статьи сводилась к тому, что Берл в час опасности вместо того, чтобы посвятить себя делу спасения евреев, расходовал силы и энергию на издание книг.

Статья эта вызвала целый поток критических отзывов. Рабби Биньямина критиковали за то, что он напал на покойника, который уже не способен ответить на обвинения в свой адрес. Тем не менее вопрос, поставленный рабби Биньямином, по-прежнему ждет ответа — почему Берл не принял более активного участия в деле спасения европейского еврейства.

Он ведь не мог успокаивать свою совесть тем, что не знал о Катастрофе или не понимал ее значения. Устные и письменные высказывания Берла

по этому поводу не оставляют сомнения ни в его эмоциональной отзывчивости на происходящее, ни в степени его интуитивного проникновения в суть процесса. Чувствительность Берла соответствует скорее душе поэта, нежели облику политического деятеля. И при всем при том Берл не делал ровным счетом ничего.

Про Бен-Гуриона можно сказать, что он был погружен в политическую деятельность, которую считал в тот момент главным направлением сионизма, и деятельность эта не оставляла ему ни сил, ни времени для работы по спасению европейского еврейства. А кроме того, Бен-Гуриону не хватало той человеческой теплоты, которая всегда была отличительным свойством Берла.

Поэтому нечего удивляться, что Бен-Гурион способен был закрыть глаза на все происходящее в Европе и неумоимо добиваться своей цели — создания еврейского государства. Иное дело Берл. Он не был поглощен политической деятельностью, так как не занимал высших постов в Еврейском агентстве или Всемирной сионистской организации. Он, разумеется, не в состоянии был игнорировать страдания миллионов евреев. Быть может, здравый смысл говорил ему, что пути практической деятельности в этом направлении перекрыты. Но ведь Берл никогда не был хладнокровным реалистом, меряющим все поступки возможностью выигрыша или проигрыша, он не раз брался за дела, казавшиеся заведомо безнадежными.

Читатель биографии Берла, должно быть, ожидал, что он отберет подходящих людей, побеспокоится о том, чтобы их освободили от всех прочих дел, и они могли бы посвятить все свое время созданию действенной организации по спасению евреев, которая не была бы скована путами высокой политики, формальных предписаний или легальности. Но человек, сумевший втянуть всю партию в ожесточенный спор серией из нескольких газетных статей, на сей

раз не жаловался на положение вещей, существующее в деле спасения еврейства. Берл хранил почти непроницаемое молчание обо всем, что касалось Катастрофы.

Объяснить это обстоятельство весьма затруднительно, и возможно, что оно так и останется тайной, ибо мы не располагаем никакими свидетельствами на эту тему ни в литературно-документальном наследии самого Берла, ни со стороны близких к нему людей. Насколько мы знаем, он наложил на себя обет молчания, и это не позволяет нам проникнуть в глубину его души.

4 августа 1942 года Берл написал Бен-Гуриону письмо, посвященное работе издательства "Ам Овед". Берл начинает письмо словами: "Давид, ты станешь смеяться надо мною — и действительно, о чем пишу я тебе в такие дни (отсюда ты можешь также сделать вывод о том, что уцелело для меня от всей нашей общественной жизни)". Думается, в этой фразе — ключ к делам и к бездействию Берла в период войны.

Берл в первую очередь являлся человеком движения. Его способность к действию определялась взаимным тяготением, взаимозависимостью между ним и его движением. Разрушительные междоусобные споры внутри Мапай лишали Берла возможности действовать самому и привлекать к своей работе товарищей. Он ощущал себя парализованным, обреченным "видеть, как все, что мне дорого, гибнет, и знать, что я не в силах ничего исправить". От теперь признавал себя вождем, за которым никто не идет.

Берл был угнетен тем, что многие из его ближайших сподвижников предпочли ему Табенкина, чувствовал себя совершенно беспомощным, неспособным, как прежде, вести за собой людей, по своей воле управлять ими. И он нашел себе пристанище в "Ам Овед", зарылся в книги и рукописи, поскольку уже не считал себя способным соизмерять свои воззрения с воззрениями прежде столь близких ему

людей, которые теперь заняли позиции против него.

В состоянии такого одиночества Берл уже не мог найти в себе сил и душевной энергии для настоящего дела. Правда, он поддерживал тесные связи с теми, кто еще искал его поддержки и совета. Шаул Меиров и Энцо Серени постоянно навещали его и подробно рассказывали о своей работе: первый — в Стамбуле и Иране, второй — в Ираке. Берл встречался со всеми, кто возвращался из Стамбула, служившего тогда единственным окном в Европу, и высказывал свое мнение об их работе.

Октябрь — ноябрь 1942 года принадлежат к тем историческим моментам, которые меняют судьбы мира. В продолжение двух этих месяцев Восьмая британская армия под командованием фельдмаршала Монтгомери готовилась к наступлению на войска Роммеля в Западной Африке. Победа англичан при Эль-Аламейне означала поворот в ходе военных действий на Ближнем Востоке, германские дивизии, ждавшие сигнала для захвата Палестины, были отброшены назад. Угроза уничтожения, нависшая было над еврейским ишувом, миновала.

В те самые дни, когда Монтгомери начал наступление, в Кфар-Виткин проходила третья сессия Пятого съезда Мапай, получившая впоследствии название "Съезд в Кфар-Виткин" (25 — 29 октября 1942 года). Ветераны Мапай часто отсчитывают раскол партии именно с этого съезда и даже ошибочно датируют съезд 1944 годом, когда произошел формальный раскол Мапай. Но с точки зрения исторической, а не хронологической правды они не ошибаются, ибо именно на этом съезде определились пути дальнейшего развития партии.

Поворотным пунктом в этом процессе являлись выборы на Пятый съезд Гистадрута, состоявшийся в декабре 1941 года, то есть еще перед съездом Мапай в Кфар-Виткин. Попытка сплотить партийные ряды для борьбы за сохранение гегемонии Мапай в

Гистадруте, которая была предпринята руководством партии в преддверии этих выборов, в конце концов привела лишь к неизбежному обострению внутренних противоречий, которые впоследствии выступили на поверхность во время съезда в Кфар-Виткин.

Руководство Мапай опасалось, что на выборах в Гистадрут многие из его новых членов проголосуют за партию Ха-шомер ха-цаир, участвовавшую в этих выборах под именем "Социалистической лиги" как левая партия сионистов-конструктивистов. Поэтому перед началом предвыборной кампании руководство Мапай, стремясь мобилизовать все силы для победы на выборах делегатов на съезд Гистадрута, пришло к соглашению с внутренней оппозицией. Секретариату Ха-киббуц ха-меухад было обещано, что он получит треть мандатов Мапай во всех органах Гистадрута.

Это решение, принятое, исходя из того, что при возникшей в Мапай внутренней неустойчивости нет иного выхода, как смириться с ее дальнейшим существованием в качестве партии федеративной, придало официальный статус тому положению вещей, которое сложилось гораздо раньше, но никогда дотеле не проявлялось столь четко и однозначно. До тех пор представители Мапай в органах Гистадрута избирались всей партией и были ответственны перед нею. Отныне они превратились в представителей определенных фракций Мапай — со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно преданности делегатов своей партии и верности ее политическому курсу.

Результаты выборов на съезд Гистадрута были встречены с глубоким удовлетворением всеми активистами Мапай: она получила более двух третей голосов избирателей (61 128 голосов при общем числе голосовавших — 88 198 человек). Члены "Киббуца" подчеркивали свое участие в победе партии. Теперь они требовали выполнения обязательств, которые взяло на себя перед выборами руководство Мапай, — предоставить им треть мандатов Мапай в

Исполнительном комитете Гистадрута, а также пропорционального представительства в рабочих советах Тель-Авива и Хайфы. Они настаивали даже на своем праве получить соответствующее количество мест в руководящих органах таких учреждений, как подрядная контора Гистадрута, отдел по сбору налогов и Хеврат ха-овдим.

Созданная специально для решения этого вопроса "Комиссия шести" разработала подробный распорядок формирования Исполкома тель-авивского рабочего совета, органов Гистадрута и подрядной конторы, согласно которому в руководстве каждой из этих организаций участвовал бы по меньшей мере один представитель "фракции бет".

Одновременно проходил процесс формирования "фракции бет" в качестве отдельной организации, и всего через несколько дней после съезда Гистадрута, в котором Мапай выступала как единая партия, состоялся всепалестинский съезд "фракции бет".

Берл не принимал участия в партийной жизни. На съезде Гистадрута он выступил с центральной речью, вызвавшей ярость левого крыла Гистадрута, которое поспешило броситься на защиту необходимости ориентации на Советский Союз и "силы завтрашнего дня", а также против Великобритании и других пораженческих стран "формальной демократии". В своей речи Берл иронизировал по поводу надежд левых групп на изменение отношения Советского Союза к еврейскому народу и сионизму.

Центральной темой съезда был не еврейско-сионистский план действий, а теоретический спор об ориентации в послевоенные годы. Берл в блестящей речи дал ответ гордого социалиста Эрец-Исраэль, борющегося против волны преклонения перед Советским Союзом. Должно быть, речь Берла не прибавила ему популярности ни у членов "фракции бет", ни у молодежи, склонявшейся к курсу Ха-киббуц ха-меухад, которая составляла значительную силу в организациях "Маханот олим" и "Ноар ха-овед".

Для них преклонение перед Советским Союзом, ведущим героическую борьбу против фашизма, являлось сердцевиной идеологии.

В начале своей речи Берл напомнил о докладе, прочитанном им в пору Первой мировой войны и озаглавленном "В преддверии грядущих дней". Берл говорил тогда несколько туманно, чересчур сложно и возвышенно, но слушатели внимали ему с трепетом и награждали бурными аплодисментами. Теперь речь его была поразительно ясной, формулировки отличались исключительной четкостью, — но, увы, он не находил у слушателей ни внимания, ни любви. Слова Берла не нашли отклика в сердцах участников съезда.

Тем временем противоречия в Мапай все обострялись и внутрипартийные отношения стали просто невыносимыми. Возобновились распри во фракции Мапай, входившей в Исполнительный комитет тель-авивского рабочего совета. На этот раз причиной их послужила пресловутая "треть мандатов". При голосовании по вопросу о деятельности подрядной конторы представители "фракции бет" присоединились к делегатам "Социалистической лиги" и левой партии Поалей Цион — в результате чего Мапай оказалась в меньшинстве.

Центральные органы партии пользовались неограниченными полномочиями в управлении работой кадров внутри партийного аппарата. Однако в гистадрутовских органах Мапай сложилась иная ситуация. Лица, избранные в органы Гистадрута, должны были оставаться на своих постах вплоть до новых всегистадрутовских выборов, причем партия не имела права отозвать их.

Таким образом, в органах Гистадрута "фракция бет" могла всегда наложить вето на решения партии. Если в период, предшествовавший гистадрутовским выборам, центром напряженности были внутрипартийные органы Мапай, то теперь он переместился в органы Гистадрута. Руководство Мапай оказалось

беспомощным перед меньшинством в собственных рядах, которое могло, когда ему вздумается, проголосовать вместе с партией, а когда вздумается — и против нее.

Это был имманентный процесс развития фракционной группировки — чем более явственно признается ее особое положение внутри партии, тем более тонкой становится нить, соединяющая фракцию с партией вообще. Среди участников "фракции бет" росло сознание своей обособленности, взаимоотношения между фракцией и партией в целом все более напоминали отношения между двумя различными партиями, стиль их характеризовался вежливостью, принятой при обращении с посторонними, которой никто не придерживается с близкими.

"Фракция бет" состояла из родоначальной — тель-авивской "фракции бет" и примкнувшей к ней впоследствии части членов Ха-киббуц ха-меухад. Не все члены "Киббуца" присоединились к "фракции бет". Люди, составлявшие оппозицию внутри "Киббуца" (ядро которых находилось в киббуце Афиким), оставались верны своим прежним позициям. Да и среди тех, кто поддерживал линию руководства "Киббуца", далеко не все жаждали заключить союз с городскими рабочими и, видимо, колебались относительно того, стоит ли объединяться с "фракцией бет".

Что касается городской "фракции бет", то ей нечего было терять. Междоусобицы, подрывавшие Мапай, ведущие к ее расколу, сулили ей лишь выгоду — в составе будущей самостоятельной партии она оказалась бы более влиятельной.

Иное дело "Киббуц" — при его экономических проблемах, сложной социальной структуре и противоречивых внутренних отношениях любое потрясение внутри партии грозило ему расколом. Члены "Киббуца" занимали важнейшие посты в партии Мапай, в Гистадруте, в Хагане и Алие Бет. Разрыв с Мапай имел бы для них далеко идущие последствия.

Поэтому, если представители городской "фракции бет" толкали группировку на экстремистские позиции, то лидеры "Киббуца" опасались раскола Мапай и стремились сохранить единство партии, но не желали поступиться своим особым положением в ней, той самой "третью мандатов", предоставлявшей им фактическую автономию.

Более всех страшился раскола Мапай сам Табенкин. Он не вступил во "фракцию бет", но не в силах был игнорировать социальный пафос ее членов, тем более, что они выражали настроения тех слоев рабочего класса, которые доселе оставались немые. И хотя стиль их выступлений был ему чужд, Табенкин признавал за ними право выражать свои позиции. Но чем яснее обозначалась тенденция к расколу Мапай, тем лихорадочнее искал Табенкин путь отступления.

Для него раскол партии означал разрыв с людьми, вместе с которыми выковывал он рабочее движение Эрец, создавал Ахдут ха-авода и Гистадрут. С этими людьми была неразрывно связана вся жизнь Ицхака Табенкина — юность в Польше, общие искания и надежды, горести и взлеты. Пусть он подчас спорил с ними, чувствовал по отношению к ним отчужденность, но нить, соединявшая его с ними, еще не оборвалась.

Табенкин ни за что не соглашался изменить лицо организации, бывшей главным детищем его жизни, — Ха-киббуц ха-меухад, подчинив "Киббуц" концепциям Берла. Он старался оставить "Киббуц" экономическим, духовным, общественным и, разумеется, политическим центром, сильным, сплоченным и подчиненным единому руководству. С другой стороны, Табенкин хотел остаться в партии. Раскол казался ему безумием, лишенным всякого смысла как с сионистской, так и с социалистической точек зрения.

В начале октября 1942 года в Эрец возвратился Бен-Гурион. Лишь месяц назад Берл записал в дневнике: "Я до смерти устал от заседаний". А

теперь в нем снова поднялась волна активности, он без устали совещался с ветеранами и молодежью, с членами мошавного движения и объединения "Хевер ха-квучот", с представителями молодежных движений и киббуца Афиким. Он вдруг стал легче на подъем, ездил по стране, ведя активную партийную работу, от которой было совсем отстранился.

23 октября 1942 года Берл, Бен-Гурион, Элияху Голлоб, Шаул Меиров и Моше Черток отправились в Хайфу на последнюю перед съездом встречу с руководителями "Киббуца" — Ицхаком Табенкиным, Берлом Репетуром, Исраэлем Галили, Ахароном Цизлингом и Бат-Шевой Хайкиной. Самым младшим на этой встрече был Исраэль Галили. Почти все участники совещания принадлежали к старой гвардии Ахдут ха-авода. Бат-Шева Хайкина, героиня сионистско-социалистического подполья в Советском Союзе, умная и осторожная женщина, была тут единственной представительницей Четвертой алии.

Подавляющее большинство собравшихся являлись в период Первой мировой войны добровольцами еврейских батальонов и сообща создавали партию, которой отдали лучшие силы души, образование которой стало переломным моментом их биографий, партию, где царила человеческая близость и дух товарищества, партию, которая стала впоследствии идеалом для всех ее членов, — Ахдут ха-авода.

На это историческое заседание не был приглашен никто из бывших членов Ха-поэл ха-цаир. Они являлись лишь статистами в саморазрушающей расправе, охватившей руководителей Ахдут ха-авода; они не оказывали никакого влияния на душевную драму, разыгравшуюся между отдалившимися друг от друга прежними друзьями.

В руководстве Мапай не было другой группы людей более близких по своему мировоззрению, чем десять человек, собравшихся в Хайфе. Все они являлись сионистами-максималистами, активистами. Они походили друг на друга и неумным пылом

созидания, приверженностью к практическим, конкретным делам. Но сколь бы многое ни объединяло участников встречи — все это не могло уменьшить пропасти, разделявшей их.

”В личных взаимоотношениях мы дошли до глухой стены. Мы не слышим и не понимаем друг друга”, — так определил сложившееся положение Шаул Меиров.

После того, как Бен-Гурион изложил свой ультиматум: либо фракция признает авторитет партии, либо съезд закончится расколом, — на добрых четверть часа воцарилось молчание. А затем последовал горький, тяжелый для всех разговор, обнаруживший, что между собеседниками исчезла всякая связь.

Табенкин один за другим перечислил случаи, когда он чувствовал себя в партии ущемленным, лишенным влияния. Он интерпретировал требование Бен-Гуриона о расформировании ”фракции бет” как требование о ликвидации ”Киббуца”. Среди резких по тону обвинений в словах Табенкина проскальзывал ужас перед расколом партии: ”Меня страшит раскол... Не знаю, как я поступлю. Что мне делать? Ведь это вырождение всей партии”. И, сводя исторические счета, он попытался сломать возникшую между собравшимися стену отчужденности, добиться настоящего взаимопонимания, апеллируя к прежней дружбе, к взаимному уважению, которое они всегда испытывали друг к другу.

Бен-Гурион откликнулся на призыв Табенкина: ”Будем вместе по-прежнему. Я тебе ближе, чем многие из твоей ”фракции бет”. Последним из выступавших со стороны ”Киббуца” был Галили. В отличие от Табенкина, выступление которого было проникнуто сердечной тоской, болью разрыва, Галили говорил холодно и четко. И к концу его краткой речи стало ясно, сколь тщетны надежды на то, что ”Киббуц” пойдет на ликвидацию ”фракции бет”.

Тогда слово взял Берл. Он говорил последним,

как всегда бывало в затягивающихся до утра жарких спорах. Если он и обещал, что воздержится от сведения прошлых счетов, то не сдержал обещания. Позорный ярлык, который приклеил ему когда-то Табенкин, назвавший Берла "диктатором в партии", жег его точно огнем.

Бен-Гурион в своем выступлении старался напомнить всем присутствующим о том, что их объединяет. Берл же повел себя иначе. Он не скрывал и не замазывал принципиальных противоречий, возникших между ним и его старым другом: различные социалистические концепции по вопросу о взаимоотношениях между рабочим классом и народом, разные взгляды на пути развития киббуцов и киббуцных движений. Порой казалось, что Берл разговаривает только с Табенкиным, что поверх голов всех присутствующих между ними двоими продолжается горький беспощадный диалог. Берл говорил очень печально, как человек, уже прошедший через отчаяние. Долгая беседа продолжалась до четырех часов ночи, но, увы, — это был разговор глухих.

Съезд в Кфар-Виткин был решающим — и в то же время не был таковым. С одной стороны, на нем была принята официальная резолюция о ликвидации фракций в партии, где однозначно заявлялось; что член партии обязан соблюдать партийную дисциплину. Был даже принят подробный кодекс обязанностей члена партии и тщательно разработана система наказаний, накладываемых на члена партии, нарушившего партийную дисциплину.

С другой стороны, на съезде не было произнесено ни одного слова непосредственно по адресу "фракции бет". Участники группировки, бывшие делегатами съезда, присутствовали на заседаниях, во время которых большинство ораторов метало громы и молнии по поводу фракционеров и призывало искоренить групповщину из жизни партии, но члены "фракции бет" невозмутимо выслушивали все это и, согласно предварительному решению, оставляли без ответа.

Наконец в завершающий день работы съезда Цизлинг зачитал заявление от имени членов "фракции бет". В этом заявлении не делалось никаких попыток смягчить разногласия. Цизлинг говорил, что членов его фракции преследует большинство, сделавшее, по его словам, все для того, чтобы унижить их: большинство нарушало заключенные им соглашения, навязывало меньшинству свою позицию, не оставляло возможности для ведения свободной полемики, которая дала бы меньшинству надежду когда-нибудь стать большинством.

"Мы не позволим большинству партии принуждать нас! — восклицал Цизлинг. — Вы не сможете втиснуть нас в придуманные вами рамки, не сможете преградить нам путь своим кодексом, угрозой большевизации партии. Мы будем бороться за жизненное пространство, за право множить свои ряды..." Еще много времени спустя Цизлингу не могли простить одну произнесенную им фразу: "Говорю вам: **партия рабочих Эрец-Исраэль не сможет существовать без нас**".

Звучавшее в этих словах высокомерие, хорошо знакомое по старой установке "Киббуца" "высоко держать голову", жгло; не случайно уже две недели спустя Бен-Гурион отозвался на него: "Отличительный признак фракционной группировки, возникшей в нашей партии, — смешение двух противоречивых установок. С одной стороны — чувство избранности, мы-де сливки рабочего класса; с другой — мы обиженные и оскорбленные, всеми преследуемые".

Но даже в угаре полемики члены "фракции бет" остерегались перерезать пуповину, связывавшую их с Мапай; они отвергли решение большинства, не признали резолюций съезда в Кфар-Виткин о ликвидации всех фракционных групп, отказались участвовать в партийных органах, избранных съездом, поскольку при выборах секретариата партии был отменен пресловутый принцип "трети" мандатов для "фракции бет".

И все же, после всего этого, они продолжали провозглашать единство рабочего движения и решительно утверждали, что являются составной частью партии. Причина того, что они оставались в партии, хотя это противоречило стремлению тель-авивской "фракции бет" к расколу Мапай и созданию самостоятельной левой партии, крылась в особой позиции, которую заняли в этом партийном водовороте деятели Ха-киббуц ха-меухад. На угрозу "фракции бет" расколоть Мапай Бен-Гурион ответил угрозой расколоть и "Киббуц"; Бен-Гурион произнес эту угрозу ясно и недвусмысленно, и руководство "Киббуца" знало, что он в силах осуществить ее.

1943 год прошел для Мапай в состоянии "ни мира, ни войны". "Фракция бет" окрепла и открыто демонстрировала свою самостоятельность, продолжая, тем не менее, сохранять свою принадлежность к Мапай. К этой наихудшей тактике "фракция бет" скатилась в результате безответственных политических маневров, начатых ею еще на съезде в Кфар-Виткин. Расчеты руководителей "фракции бет" на то, что, отказываясь принимать участие в партийной жизни, они парализуют Мапай, не оправдались.

Секретариат партии, избранный в Кфар-Виткин (на этот раз в него вошли и Бен-Гурион и Берл, отказывавшиеся активно участвовать в партийной работе со времени Реховотского съезда 1938 года), смело поднял перчатку, брошенную Цизлингом, и сумел доказать, что партия может действовать, несмотря на пассивное сопротивление "фракции бет". Бен-Гурион и Берл с согласия товарищей взяли курс на восстановление нормальной партийной жизни, игнорируя отказ членов фракции участвовать в работе Мапай.

Бен-Гурион начал реорганизацию партии, учитывая ее близящийся раскол: прежде всего он старался привлечь в партию новых членов из числа сторонников Мапай, которые до тех пор воздерживались от формального вступления в нее. За год, прошедший

после съезда Кфар-Виткин, в партии появились тысяча четыреста новых членов.

Это была первая ласточка, предвещавшая осуществление бен-гурионовского плана созвать конференцию "беспартийных", все делегаты которой как один человек вступят в партию, обеспечив ей тем самым широкую общественную поддержку. Бен-Гурион рассчитывал при этом, что эта поддержка послужит противовесом против возможного раскола.

Если же раскол и не произойдет, то "беспартийные" станут той гирей, которая перевесит чашу весов в сторону большинства, возглавляемого Бен-Гурионом и Берлом, подорвав положение "фракции бет" и сделав совершенно необоснованными ее претензии выражать мнение трети членов партии. Бен-Гурион стремился доказать лидерам "фракции бет", что он твердо намерен прекратить существование фракции как отдельного политического органа внутри партии Мапай — даже ценой раскола самой партии.

Оживление партийной работы шло за счет ослабления деятельности партии в Гистадруте. Лидеры "фракции бет" ощущали, что Исполнительный комитет Гистадрута все время увильивает от дискуссий на серьезные темы и обсуждение их переносится на пленум Центрального комитета партии, из которого они демонстративно ушли.

Табенкину и его товарищам была ясна линия Бен-Гуриона, но они оказались бессильными против нее. Табенкин высказался по этому поводу совершенно определенно: "Я нахожусь в безвыходном положении".

Табенкин не видел идеологического основания для раскола Мапай. Он не считал, что между голодными и сытыми рабочими существуют социальные противоречия, не предвидел конкуренции в борьбе ни за рабочие места, ни за землю для основания новых поселений. При существующей ситуации Табенкин не находил объективных оснований для раскола широкой рабочей партии на две новые

— партию реформистскую и партию революционную. "Раскол, вызванный исторической необходимостью, являющийся решающим шагом, несравним с расколом, разделяющим надвое ядро народа и рабочего класса, который еще не сложился", — утверждал он.

Табенкин отдавал себе также отчет в том, что его влияние сильнее, когда он находится внутри партии, нежели когда он будет вне ее. Внутри партии "Киббуц" и он лично могут собрать половину голосов всех членов партии ("уравновесить чаши весов" — как выражался Табенкин). Когда же он окажется вне рамок партии, в отрыве от потенциальных сторонников и источников пополнения рядов "Киббуца", силы его станут значительно меньшими.

Однако Табенкин не ощущал себя вправе действовать, руководствуясь только собственными соображениями. На него оказывали давление его молодые сподвижники, обеспокоенные настроениями удрученности и апатии, распространившимися среди членов "Киббуца" в результате состояния "ни войны, ни мира".

Они заставляли Табенкина выбрать — либо возврат к активной партийной жизни, либо окончательный раскол. При этом сами они, при энергичной поддержке лидеров тель-авивской "фракции бет", склонялись к расколу. Табенкин, видимо, чувствовал, что утратил власть над дальнейшим развитием событий, он был скован отношениями, сложившимися в верхушке "Киббуца" и "фракции бет", которые, помимо воли, тянули его к расколу Мапай.

Берл и Бен-Гурион не испытывали, подобно Табенкину, мучительных колебаний. При всех различиях между ними, оба они в середине 1943 года пришли, по-видимому, к выводу о неизбежности раскола. Ни одного из них эта перспектива не радовала. Однако им стало окончательно ясно, что "фракция бет" не подчинится решению большинства о ее расформировании. А до тех пор, пока существует фракция, партия не сможет быть действенной и

авторитетной политической организацией — и это в период, требующий принятия решений, от которых будет зависеть судьба Эрец-Исраэль.

Берл не принимал активного участия в обсуждении этой темы — ему, объединителю рабочего движения, слишком тяжело было принимать решение о его расколе. Но он всегда умел смотреть правде в глаза, как бы горька она ни была, и это свойство мешало ему тешить себя иллюзиями о невозможности раскола, ибо он уже не верил в то, что удастся заглазить трещины, пролегли за последнее десятилетие между прежними друзьями, когда-то безоговорочно доверявшими друг другу.

Как и Табенкин, Берл не считал, что раскол является неизбежным следствием идейных или политических противоречий. Как и Табенкину, ему больно было думать об уроне, который нанесет рабочему движению братоубийственная война. Берл уже в 1938 году почувствовал то, что ощущал Табенкин теперь, в 1943, — свое бессилие спасти тонущий партийный корабль.

Это горькое сознание беспомощности перед грозящей бедой, перед гибельным результатом длительного политико-психологического процесса, приведшего к появлению сперва трещины, а потом непроходимой пропасти между близкими людьми, — чувство это испытывал и Берл, и Табенкин.

Но сознавая, что назад пути нет, Берл все же не мог активно помогать Бен-Гуриону в проводившихся им мероприятиях. А Бен-Гурион, напротив, однажды придя к выводу о необходимости раскола, действовал, как всегда, энергично. "В душе я уже принял решение", — сказал он на заседании Центрального комитета Мапай 23 сентября 1943 года.

Способ, избранный Бен-Гурионом для осуществления "принятого решения", также был характерен для него. Идея единства рабочего движения обладала колоссальной силой, и потому каждая из сторон пыталась изобразить ответственной за раскол другую.

Посоветовавшись с Берлом*, Бен-Гурион взял курс на то, чтобы свалить вину на противника. Он потребовал проведения новых выборов делегатов на съезд Гистадрута.

Таким образом Бен-Гурион поставил "фракцию бет" в затруднительное положение: если она останется в партии и не выставит на выборах отдельного списка, она проиграет, так как не получит после выборов соответствующего представительства в органах Гистадрута. Если же "фракция бет" решит выйти из партии — Бен-Гурион снова останется в выигрыше, ведь не он, а "фракция бет" будет инициатором раскола. Параллельно с этим Бен-Гурион созвал "конференцию беспартийных", стремясь увеличить электоральную силу партии за счет новых членов и возместить таким образом потерю голосов сторонников "фракции бет".

Чтобы узаконить столь важный шаг руководства, в начале января 1944 года был созван Совет Мапай**. Вечером накануне открытия Совета к Берлу приехал Ицхак Табенкин. Сперва беседа вращалась вокруг судьбы их общего родственника Ицхака Кацнельсона, а затем перешла на партийные дела. "Увы, старость наша позорит нашу юность", — записал Берл в дневнике после этого разговора,

*"Я всегда придерживался того мнения, что не следует оставлять им возможности интерпретировать дело так, будто мы исключили из партии 30% ее членов, — сказал Берл несколько месяцев спустя". (Протокол заседания бюро Мапай от 2 марта 1944 года).

**В месяц, предшествовавший созыву Совета Мапай, Берл прилагал все усилия к тому, чтобы восстановить влияние партии на молодежь путем образования представительного органа, в который входили бы организации учащейся и рабочей молодежи, а также молодежь из киббуцов и мошавов. В качестве первого шага решено было провести (под руководством Берла) семинар для молодежных инструкторов. Берл должен был отобрать участников семинара и наметить план его работы.

перефразируя заключение своего письма к Табенкину, посвященного "похороненной книге".

Берл отправился в Иерусалим на Совет Мапай с чувством, что судьба партии решена. Но вдруг оказалось, что решающий час еще не пробил. Большинство участников Совета выражало настойчивое желание сделать еще одну попытку для примирения разногласий. С этой целью была учреждена "комиссия старейшин", в которую вошли старейшие члены партии, представители Второй алии, к которым присоединился Исраэль Идельсон. При посредничестве бывшего руководителя Ха-позл ха-цаир Иосефа Шпринцака бывшие члены Ахдут ха-авода постепенно сблизили свои позиции. На первой же сессии Совета обнаружилась вся глубина связывавших их отношений.

На миг показалось, что порвавшиеся нити связываются снова, что возродилось прежнее товарищество.

Когда участники Совета, обессиленные долгими дебатами, наконец разошлись после заседания с решением вновь встретиться и подвести итоги, многим казалось, что возникла надежда достигнуть договоренности.

Основой для нее служила готовность Табенкина поэтапно, в определенный срок ликвидировать фракцию, одновременно активизируя работу членов "фракции бет" в партии и тем самым вернуть им то положение, которое они занимали в Мапай до съезда в Кфар-Виткин. Намечалось параллельно с этим объединить Мапай и Ха-шомер ха-цаир на федеративной основе.

Но встретившись для новых переговоров, участники Совета обнаружили, что позиции сторон заметно ожесточились. Табенкин, по-видимому, под влиянием товарищей, отказался от проявленной им ранее готовности ликвидировать "фракцию бет".

В продолжение многочасовых заседаний Совета Берл мало говорил с членами "фракции бет". Он следил за дебатами без иллюзий, без надежды на то,

что разговорами и тактическими маневрами удастся остановить процесс саморазрушения партии, над которым она уже давно утратила всякую власть. Берл был твердо убежден в том, что необходимо любой ценой ликвидировать "фракцию бет".

"Я готов пойти на уступки по любому вопросу, но основой любых переговоров должна являться ликвидация фракций", — заявил он. В продолжение переговоров на Совете Мапай в январе, а затем в марте 1944 года Берл оказывал активную поддержку Бен-Гуриону в его работе по созыву "конференции беспартийных".

В середине января в Гиват-Бреннер состоялся съезд Ха-киббуц ха-меухад, проходивший под знаком примирения. Накануне съезда Берл встречался с представителями оппозиции внутри "Киббуца", но на съезде не выступал, опасаясь, что его критикующее выступление может быть истолковано как попытка торпедировать переговоры, ведущиеся "комиссией старейшин". А хвалебных речей "Киббуцу" Берл из себя выдавить не мог. Присутствовавшим на съезде врезались в память оживление Бен-Гуриона и трагическая усталость Берла. Первый сидел в президиуме, веселый и энергичный, — второй примостился где-то в последних рядах, точно никому не нужный старик.

На съезде "Киббуца" познакомился Берл с девушкой, которая запомнилась ему и о которой он записал в дневнике: "Разговор с Ханой из Кейсарии, которая отправляется на опасное задание". Так встретился он с Ханой Сенеш перед самым ее отъездом из Эрец. Берл осматривал выставку киббуцных художников, много времени проводил в обществе Сары Заит, сопровождавшей его на съезд.

Само молчание Берла на съезде свидетельствует о его отчаянии — ушли в прошлое времена, когда Берл выступал со страстными речами и под влиянием его личности люди меняли свои взгляды. Теперь позиции были известны заранее, враждебные лагеря

четко обозначены, между ними не осталось связующих нитей.

Взрыв произошел на заседании Исполнительного комитета Гистадрута 23 февраля 1944 года. На повестке дня стоял вопрос о назначении делегации Гистадрута для участия в конгрессе профсоюзов, который должен был состояться в Лондоне летом 1944 года.

При обсуждении программы выступления делегатов Гистадрута на предстоящем конгрессе мнения резко разделились. Мапай предложила принять платформу, идентичную той, которая была утверждена съездом в Кфар-Виткин. Это была, по существу, Билтморская программа, включавшая требование открыть ворота Палестины перед еврейской иммиграцией, поручить контроль за иммиграцией и развитием экономики страны Еврейскому агентству и, таким образом, подготовить Эрец-Исраэль для создания еврейского "коммонвелт".

Ха-шомер ха-цаир возражал против Билтморской программы и поэтому на заседании Исполнительного комитета Гистадрута выступил против предложенной Мапай платформы, мотивируя свое несогласие тем, что она не предлагает решения арабской проблемы и требует создания независимого еврейского государства. Табенкин также не соглашался с Билтморской программой, выдвигая план международного мандатория в стране (см. ниже).

Неожиданным новшеством на заседании Исполкома Гистадрута явилось сепаратное совещание, состоявшееся в перерыве, в котором приняли участие представители "фракции бет", Ха-шомер ха-цаир и Левой партии Поалей Цион. Три эти фракции представили совместный проект резолюции, обходивший молчанием идею еврейского государства и донельзя смягчавший все требования об усилении роли Еврейского агентства, выдвинутые в платформе Мапай. При голосовании двадцать один голос был подан за совместный проект резолюции, внесенный

тремя фракциями, и лишь двадцать четыре голоса – за резолюцию, предложенную Мапай, которая, по существу, была аналогична плану Правления Всемирной сионистской организации.

Для Бен-Гуриона это была двойная пощечина. Во-первых, он предстал перед всем честным миром как руководитель, не поддерживаемый собственной партией. Во-вторых, продолжая вести переговоры о возврате к полноправной и активной партийной работе, члены "фракции бет" установили связи с мелкими партиями, входившими в Гистадрут, пытаясь сорвать принятие резолюции, отражавшей мнение большинства партии, и тем самым нарушили партийную солидарность. Такого в Мапай еще не бывало. Это голосование оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Некоторое время спустя Билтморская программа стала изображаться основной причиной раскола. Табенкин отчаянно возражал против раздела страны и, полагая, что Билтморская программа ведет к разделу (как и оказалось в действительности), готов был пойти даже на столь крайний шаг, как союз с Ха-шомер ха-цаир, лишь бы затормозить ее принятие. Идеалистическое представление о неделимости Эрец-Исраэль являлось одной из главных основ мироощущения и сознания Ицхака Табенкина. Сомнительно, тем не менее, что именно вопрос о разделе страны являлся истинной причиной раскола Мапай.

Изучение многочисленных и подробных источников, относящихся к рассматриваемому периоду, отнюдь не приводит к такому выводу. Как мы помним, побывав на Сент-Джеймской конференции, Берл пришел к заключению, что Англия не намерена исполнять своих мандатных обязательств и нет никаких способов принудить ее к этому. Против арабского палестинского государства, которое собиралась создать Англия, не имело никакого смысла размахивать текстом Мандата. А потому следует выдвинуть максималистский лозунг, вокруг которого

сплотятся различные политические течения, существующие в еврейском народе — в Эрец и за ее пределами, — требование о создании еврейского государства на всей территории Эрец-Исраэль.

Выступая на конференции Всемирного объединения Поалей Цион в Аялот, Берл говорил о целях, которых добивается еврейский народ в войне, и открыто провозгласил лозунг еврейского государства. Тогда его слова не вызвали никаких возражений со стороны членов Ха-киббуц ха-меухад. Затем Берл использовал все свое влияние в борьбе за выдвинутую Бен-Гурионом Билтморскую программу и добился ее поддержки во Всемирной сионистской организации.

В ноябре 1942 года за несколько дней до того, как в стране были получены достоверные сведения о происходящей в Европе Катастрофе, в Иерусалиме состоялось заседание "узкого" Исполкома ВСО, на котором Бен-Гурион обратился к собравшимся с просьбой утвердить Билтморскую программу Сионистской организацией страны. Главным оппонентом Бен-Гуриона на этом заседании был Меир Яри.

Выступая против предложенного Бен-Гурионом требования массовой иммиграции (два миллиона человек в течение двух лет), Яри ратовал за реалистический подход, состоящий, по его мнению, в постепенном развитии поселенчества и особенно в селективной иммиграции. Пострадавших от войны обессиленных евреев-беженцев он предлагал вернуть в страны, где они прежде проживали, ибо — утверждал Яри — массовая иммиграция этих душевно и физически надломленных людей приведет ишув к катастрофе. Поэтому следует распланировать иммиграцию евреев в страну на десяти-пятнадцатилетний период, а пока что возвратить их в Польшу.

Другим пунктом, вызвавшим возражение со стороны Яри, было провозглашение независимости. Самостоятельное еврейское государство, на создание которого была направлена Билтморская программа, означает либо власть евреев над арабами, либо тран-

сфер, то есть выселение арабов из Палестины. Этот вопрос, который члены Исполнительного комитета ВСО, по правде сказать, предпочитали обходить стороной, находился в центре интересов Ха-шомер ха-цаир. Для решения арабской проблемы Ха-шомер ха-цаир предлагал идею двунационального государства в Палестине и окружающих ее странах под международным контролем. Фактически это означало отсрочку провозглашения независимости и отказ от создания еврейского государства.

Ответ на предложения Ха-шомер ха-цаир дал Берл. С беспощадным сарказмом разбил он идейные извороты Яари. Требования селективной иммиграции и репатриации беженцев в страны их довоенного проживания Берл отменил одной иронической репликой: "Говорят, существует другой план — репатриация. Пошлем-де беженцев на курорт. В качестве курорта намечают Польшу. Там эти несчастные слегка окрепнут, а потом мы их потихоньку начнем готовить к сионизму. Я бы, пожалуй, понял такие речи, — продолжал Берл, — будь они произнесены сионистами, оставшимися в тех странах, куда не дошла война, людьми, которые по-иному видят всю проблему, потому что на своей шкуре не испытали погромов. Но когда слышишь подобное из уст халуца, прошедшего весь этот страшный путь, — сидишь и думаешь — что же тут происходит?"

Обратившись к арабской проблеме, Берл заострил ее до предела. "По-вашему получается, — сказал он, — что желание быть большинством в государстве, где уже имеется большинство другого народа, неприемлемо с моральной точки зрения, а потому мы все порочны. Но ведь и сам Яари сознается себе в том, что и у него есть подобное желание. А значит, и он не свободен от стремления господствовать над арабами. Что же до утопичности, каковую он приписывает идее создания еврейского государства, — то она, во всяком случае, не более утопична, чем идея двунационального государства".

”Ни та, ни другая идея не подкрепляются никакими гарантиями. Причем, если еврейский народ проявляет тягу к государственности, — он выражает свое собственное стремление. Когда же речь идет о двунациональном государстве, тут нам необходим партнер, а ”партнеры” наши не проявили никакого интереса к такому сотрудничеству. Мне хотелось бы попросить всех наших добреньких сионистов, чтобы они не пытались всучить нам товар, который им не принадлежит”, — так закончил Берл.

Коснувшись существа обсуждавшейся программы, Берл отозвался о ней положительно, отметив, что она с большим опозданием формулирует требования еврейского народа и сионистского движения к послевоенному политическому устройству мира. ”Во всех предыдущих войнах победе предшествовало четкое провозглашение целей, которые становились знаменем народа во время битвы”. В послевоенный период застывший статус-кво нарушается, ”открываются небеса” и карта мира кроится заново. Это момент, подходящий для предъявления больших требований. Этим своим взглядам Берл остался верен до смертного часа.

В период 1942 — 1944 годов Берл, как, наверное, никогда прежде, решительно и без колебаний поддерживал Бен-Гуриона и его политику. Пожалуй, в эти годы привязанность Берла к Бен-Гуриону вышла за рамки близости, вытекающей из единства взглядов. Видимо, чем острее осознавал Берл свои слабости, тем больше уважения вызывали у него те качества Бен-Гуриона, которых ему не хватало.

Помня о своей болезни и связанных с нею циклически повторяющихся периодах депрессии и отчаяния, Берл еще больше ценил решительность Бен-Гуриона, упорство, с которым он проводил свои идеи в жизнь. Берл по-прежнему мог при необходимости обуздать Бен-Гуриона, заставить его подчиниться своему мнению, если норовистый характер увлекал Бен-Гуриона дальше, чем Берлу казалось

правильным. Но теперь Берл, больше чем в прошлом, склонен был считать Бен-Гуриона историческим благом для еврейского народа, вождем, которому суждено создать еврейское государство.

Вместе с Бен-Гурионом Берл стремился превратить Билтморскую программу в план действий, вокруг которого сплотится подавляющее большинство еврейского народа. Если для противников раздела Эрец-Исраэль Бен-Гурион был фигурой подозрительной, то взгляды Берла не вызвали подозрения в этих кругах. Прежде всего, речь идет о деятелях "Киббуца"*.

Энергичная поддержка Билтморской программы со стороны Берла помогла очень многим противникам раздела стать сторонниками этой программы. В первую очередь это относится к представителям оппозиции внутри Ха-киббуц ха-меухад.

Берл прилагал все старания к тому, чтобы Билтморская программа не ассоциировалась с идеей раздела Эрец. Тем самым он стремился достичь сразу двух целей: с одной стороны — предотвратить размежевание среди тех, кто выступал за создание еврейского государства, на сторонников и противников раздела; с другой стороны — избежать формулировки целей, которые сионистское движение считает минимальными, накануне начала переговоров. Подход Берла к этому вопросу, как всегда, был чисто прагматическим. "Никто из нас не обязуется ни на шаг не отходить от своих политических позиций", — говорил он.

Сам он, однако, начиная с 1937 года, не менял своей позиции по вопросу о разделе Палестины — "раздел как еврейский лозунг грозит загнать евреев

*Например, выступая на областной конференции Мапай в Иорданской долине (9 октября 1942 года), Цизлинг заявил: "Могу открыто сказать, Берл Кацнельсон воспитывает у молодежи такие сионистские убеждения, которые я разделяю на 99%".

в угол, заставить их согласиться на государство типа того, которое рекомендовала печальной памяти комиссия Вудхеда, быть может — даже на государство, не обладающее полным суверенитетом”.

Поэтому Берл требовал от Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации ”предоставить Правлению полномочия, которые предотвратили бы возможность разговоров о разделе с нашей стороны”.

Сравнение воззрений Берла и Табенкина на политические проблемы обнаруживает их поразительное сходство. Табенкин, подобно Берлу, был ярким сторонником массовой иммиграции, его тоже не ужасала перспектива появления в Эрец миллионов евреев, спасшихся от гибели. Ха-шомер ха-цаир нападал на Билтморскую программу, утверждая, что идея одновременной иммиграции в Палестину полу-миллиона евреев повторяет предложенный в 1920 году Максом Нордау план, который впоследствии, как известно, отстаивал Жаботинский, и, следовательно, план этот является фашистским.

Табенкин, точь-в-точь как Берл, с негодованием отвергал эти возражения. Он напоминал деятелям Ха-шомер ха-цаир, что рабочая делегация на Лондонском конгрессе ВСО 1920 года также одобрила план Нордау. ”Что фашистского в переезде полу-миллиона евреев в Эрец?” — с изумлением спрашивал Табенкин лидеров Ха-шомер ха-цаир.

Табенкин также возражал руководителям Ха-шомер ха-цаир, утверждавшим, что господство евреев в Палестине несправедливо и неосуществимо. ”Нет, оно и возможно, и справедливо”, — утверждал Табенкин. Идея двунационального государства вызывала у Табенкина глубочайший протест. Выступая в марте 1944 года на Совете Мапай (в последний раз как член партии), Табенкин заявил: ”Мы не провозглашали двунациональности”. Он даже запнулся, произнося слово ”двунациональность”. В накаленной атмосфере заседания Табенкин бросил по этому

поводу шутливое замечание на идиш ("У меня даже язык не поворачивается такое произнести"), в котором было немало правды.

Подобно Берлу, Табенкин считал главным не арабский, а еврейский вопрос и не верил в то, что хитроумными формулировками удастся погасить враждебность между двумя народами. Он, так же, как и Берл, видел корень конфликта в стремлении евреев стать большинством в Палестине, и полагал, что усиление евреев в конце концов приведет к тому, что арабы смирятся с действительностью.

Как и Берл, Табенкин поддерживал идею трансфера, постольку, поскольку переселение является добровольным, и даже пытался доказать его реальность тем же самым примером, который в свое время приводил Берл, — переселением немцев Поволжья в Сибирь во время войны (он, видимо, не знал обстоятельств этого "добровольного переселения").

К уже перечисленным точкам соприкосновения Табенкина и Берла следует прибавить их одинаковый активистский подход к любым сферам деятельности — к алии, поселенчеству, обороне. Таким образом, мы получаем весьма широкий спектр сходных воззрений.

Некоторые утверждают, что Табенкин нашел общую платформу с Ха-шомер ха-цаир вследствие их общего противодействия Билтморской программе. Утверждение это, основывающееся на их совместном голосовании в Исполнительном комитете Гистадрута, а также на сближении "фракции бет" с Ха-шомер ха-цаир после раскола Мапай, ошибочно: разногласия между Табенкиным и Ха-шомер ха-цаир были более глубоки и многочисленны, чем те, что разделили его с Берлом и Бен-Гурионом.

Нам могут возразить, что требование о создании двунационального государства со стороны Ха-шомер ха-цаир еще не было актуальным и потому оставляло возможность сотрудничества с ним на достаточно длительный период. Однако аналогичное утверждение

будет справедливо и в отношении того вопроса, из-за которого Табенкин якобы разошелся со старыми друзьями, — вопроса о разделе страны. Ведь и этот вопрос еще не стоял на повестке дня, требуя немедленного решения, а лишь маячил где-то в глубине Билтморской программы, и Берл сделал все для того, чтобы его пока вообще игнорировали.

Таким образом, Табенкин вполне мог бы найти общую основу политической деятельности со своими товарищами по партии и отсрочить кризис до того момента, когда вопрос о разделе станет актуальным. К тому же когда этот вопрос поднимался в 1937 году, Табенкин и его товарищи по "Киббуцу" не говорили о расколе партии, а лишь попросили отсрочить решение, чтобы найти формулировку резолюции, устраивавшую обе стороны. В 1944 году подобные усилия не предпринимались.

Кроме того, лагеря сторонников и противников раздела Палестины не совпадали с границами "фракции бет" и остальной части Мапай. Члены тель-авивской "фракции бет" в большинстве являлись горячими приверженцами Билтмора и раздела. Отношение же представителей внутрикиббуцной оппозиции к разделу было весьма и весьма неоднозначным, как и у самого Берла.

У Табенкина было гораздо больше шансов сколотить сильную группировку противников раздела, пока он находился внутри партии, а не вне ее, причем Табенкин всегда ясно видел соотношение внутрипартийных сил, даже когда подталкивавшие его сторонники склонны были тешиться чрезмерными надеждами.

Ко всем этим пунктам следует присоединить вопрос о влиянии раскола Мапай на политику активизма. Раскол грозил неминуемым ослаблением лагеря активистов, который Табенкин старался всемерно усиливать. Мероприятия, стоявшие тогда на повестке дня, а именно: борьба против "Белой книги", организация нелегальной алии, укрепление

Хаганы и т. д., — должны были неминуемо пострадать, если Берл и Бен-Гурион лишатся внутри Мапай поддержки со стороны Табенкина и его товарищей, а умеренные — Шпринцак, Элизер Каплан, Лубяникер и другие — будут по-прежнему противиться их проведению. Это соображение никогда даже не принималось в расчет.

Все эти несообразности свидетельствуют, по-видимому, о том, что причина раскола Мапай лежала не в политических разногласиях, хотя Табенкин в последний момент и выставлял их как решающие. А когда раскол уже совершился, Табенкин и его товарищи пытались мотивировать его политическими причинами, поскольку они казались им более благопристойными, чем мотивы, уходящие в противоборство различных сил внутри партии. Но, думается, все это было уже не что иное, как поздняя попытка рационального оправдания совершившегося.

Для Бен-Гуриона Билтморская программа и возможность действовать ради ее осуществления в качестве лидера сплоченной партии были неразрывно связаны друг с другом. Еще с 1937 года основным содержанием жизни Бен-Гуриона стала борьба за создание еврейского государства, а внутривнутрипартийная дисциплина являлась для него жизненно важным условием плодотворной деятельности в Правлении Всемирной сионистской организации.

Бен-Гурион не занимался идеологией Табенкина и его товарищей. Но как только ему стало ясно, что они подрывают партийную дисциплину, что из-за них он не может быть уверен в результатах голосования представителей партии в гистадрутовских органах и в Правлении ВСО, он тут же прибег к решительным мерам.

Бен-Гурион даже не пытался прятаться за идеологическими аргументами. Он смотрел на партию не как на клуб для ведения дебатов по идеологическим вопросам, а как на действенную, борющуюся организацию, поэтому организационные вопросы имели для

него первостепенное значение.

Не случайно Бен-Гурион назвал наличие фракций в партии "моральной коррупцией". Поскольку большинство партии поддерживало его, он считал себя выразителем ее воли. Тот же, кто мешал партии действовать так, как считал нужным Бен-Гурион, нарушал, по его мнению, демократию и навязывал (организационными средствами) волю меньшинства большинству. Именно постановка организационных вопросов на моральную основу помогла Бен-Гуриону оправдать раскол.

Существовала еще одна причина, о которой мало говорили, но которая, несомненно, оказала влияние на раскол Мапай, — отношение к Советскому Союзу. Во время войны просоветские тенденции усилились в рабочем движении страны вообще, а во "фракции бет" — в особенности. За концепцией "международного мандата" скрывалась неясная надежда на то, что после войны СССР вмешается в решение палестинской проблемы — разумеется, ко благу сионистов.

Разочаровавшись в дряхлых демократиях Запада, Табенкин и его окружение с пылом последней надежды устремились к Советскому Союзу. Даже репрессии против сионистских деятелей России и оккупированных Красной Армией областей Польши не открыли лидерам "Киббуца" глаза на то, что на социалистическом солнце существуют пятна. Преклонение перед Сталиным достигло среди членов "Киббуца" колоссальных масштабов. Культурная жизнь "Киббуца" была проникнута советскими фильмами, книгами, песнями.

Бен-Гурион не обращал на это никакого внимания, пока "Киббуц" не нарушал норм партийной жизни. Берла же этот культ Советского Союза крайне тревожил. Он опасался еще одной истории в духе Элкинда. "У меня нет никакого сомнения, что люди эти не понимают, куда ведут их поступки — быть может, в места, откуда нет возврата", — записал он

в дневнике. Однако ни Берл, ни деятели "Киббуца" и "фракции бет" не считали различное отношение к СССР причиной для раскола.

Видимо, политико-идеологические факторы сыграли второстепенную роль в процессе раскола Мапай и являлись не столько его движущей силой, сколько оправданиями, приводившимися постфактум. Современные психосоциологи, разумеется, определили бы все эти запоздалые аргументы как рационализацию инстинктов и импульсов, не подвластную человеческой логике. Так же относился к происходящему и Берл. В мрачные месяцы, последовавшие за расколом, — последние месяцы своей жизни — Берл снова и снова в публичных выступлениях и личных письмах возвращался к тому, что истинные причины раскола останутся тайной для современников.

Он твердил о душевной болезни, поразившей его поколение. Берл отвергал утверждение, что причиной раскола являлись идеологические или политические расхождения. "Рациональные объяснения тут ничего не проясняют — если ради активизма рвут с Давидом или ради единства семьи рвут со мной, — утверждал он. Равным образом не признавал Берл деления на "левых" и "правых", на "демократов" и "недемократов".

Он видел причину раскола в ином. Даже социологическое объяснение — будто бы тут имела место война между "отцами" и "детьми", где молодые выступили на стороне "фракции бет", а ветераны — на стороне большинства Мапай, — не удовлетворяло Берла.

Берл подчеркивал роль личности, личных пристрастий и мотивов, перевесивших исторические или политические взгляды. Действительно, группа сионистов-социалистов из СССР не сохранила своего единства и разделилась между двумя враждующими лагерями. Такой человек, как Табори, один из самых непоколебимых городских сторонников киббуца, входивший в число организаторов "фракции

бет”, в последний момент переметнулся на другую сторону баррикады. А Берл Репетур, всегда далекий от политических споров, в решительный час пошел за своими друзьями из Ха-киббуц ха-меухад.

Но и личным мотивам Берл придавал лишь весьма ограниченное значение. ”Я лично склонен думать, что истинная причина или истинные причины лежат вне поля нашего зрения, — говорил он. — Полагаю, что в исторической плоскости человеку не надо видеть совершаемого им. Я не считаю, что причины, приводимые людьми (искренне верящими в их правильность), на самом деле направляют их действия”. И далее Берл подробнее развивает это психологическое наблюдение: ”Вероятно, не мы избираем те или иные ”позиции”, а они избирают нас, заставляют отстаивать их”.

Тем самым круг замыкался: внешне Берл, начиная с середины двадцатых годов, служил ярчайшим примером политического деятеля, ставящего свои заявления на рациональную основу, стремящегося всегда твердо стоять на почве реальности. Сила Берла заключалась в трезвом уме, в продуманности взглядов. Но в глубине души Берл остался приверженцем Бердичевского, который видел подлинные причины человеческой деятельности в скрытых и неуправляемых инстинктах, в иррациональных силах.

Только если в молодости Берл верил в то, что **воля**, творческие силы человека способны управлять инстинктами, то к старости он стал смотреть на человека как на игрушку неосознанных им инстинктов. Это было глубоко пессимистическое мировоззрение, находившееся в полнейшем противоречии с великой верой Берла (также возникшей под влиянием Бердичевского) в силу человеческой воли, в волюнтаризм.

Тут приходит на ум фрейдистское определение инстинкта смерти. ”Ахдут” (”Единство”) — выражение юношеского оптимизма и веры в победу светлых сил и жизнеутверждающих инстинктов над разруши-

тельными, раскол же символизирует победу саморазрушительных инстинктов над творческими порывами, — это и есть пессимизм стареющего Берла. Человек, всю свою жизнь отвергавший исторический детерминизм, на склоне дней сформулировал концепцию, которую можно назвать детерминизмом психологическим.

Поучительно, что в процессе оформления раскола Мапай Берл не высказывал своего мнения о деятелях тель-авивской "фракции бет", он говорил лишь о членах Ха-киббуц ха-меухад. Даже не обсуждая объективного веса "фракции бет" в формировании зародыша возникшей после раскола Мапай новой партии, можно с уверенностью сказать, что руководство Мапай, олицетворением которого являлись Бен-Гурион и Берл, не придавало особого значения группировке, сложившейся в Тель-Авиве.

Секретариат "Киббуца" во главе с Табенкиным, напротив, считал ее корнем всей проблемы как с точки зрения ее влияния во внутрипартийной борьбе, так и по высокому личному потенциалу составлявших его людей. В начале 1944 года полемика внутри партии велась почти исключительно между руководителями Мапай и руководителями Ха-киббуц ха-меухад.

Участники тель-авивской "фракции бет", разумеется, действовали за кулисами, подталкивая представителей "Киббуца" к более жесткой линии, но ни комиссия старейшин, ни другие уважаемые инстанции не удостоивали их своим вниманием.

В весенние и летние месяцы 1944 года Берл вел жестокие бои за души молодых. Здоровье его продолжало ухудшаться, но, едва почувствовав себя лучше, он, между уколами и электрокардиограммами, торопился на партийный семинар, проводившийся в Доме Рутенберга в Хайфе, где он прочел свой последний большой курс лекций, посвященный истории рабочего движения.

Как трагически отличался Берл 1928 года, высту-

пивший перед представителями социалистических групп с лекцией об истории Второй алии, искрившийся оптимизмом и твердой верой в правильность пути рабочего движения Эрец, объединявшего все более широкие массы, от большого, скептически настроенного человека, для которого путь, прежде ясный и бесспорный, вдруг оказался неясным и туманным.

Внешне Берл рассматривал в своих лекциях историю мирового рабочего движения с начала XX века, по существу же он говорил об истории своей партии, противопоставляя упрямую веру в себя, характеризовавшую партию в первые годы существования, когда руководители ее считали социалистическую революцию неизбежной, настроением разочарования, возникшим после того, как ход исторического процесса показал, что существовала и другая возможность — фашизм.

Отсюда Берл делал следующий вывод: "Нужно понять одну вещь — в общественной жизни невозможно безмятежная уверенность, в ней всегда подстерегают неожиданные опасности, вытекающие из природы человека, каких-то его недостатков и изъянов, и нет никакой гарантии того, что завтра в человеке возобладают силы разума, ибо с разных сторон прорываются обуревающие и порабащающие нас темные инстинкты". [Подчеркнуто автором.]

И здесь, на грани отчаяния, Берл снова напоминал, что "...в общих вопросах надо всегда быть на страже... и не только по отношению к другим, но и по отношению к себе самим".

В этот период Берл много ездил по киббуцам, входившим в Ха-киббуц ха-меухад, пытаясь привлечь сердца колеблющихся людей из Бет ха-Шита, Гинносара, Ашдоод-Якова. Он не ленился ездить на партийные собрания, проходившие в Иорданской долине. Напротив, на городские народные собрания он ходил нечасто и не принимал активного участия в предвыборной кампании, проходившей под руководством Бен-Гуриона.

Люди, видевшие Берла в то время, запомнили его погруженным в печаль, с какой-то трагической печатью на лице. Выступления Берла в киббуцах укрепляли внутрикиббуцную оппозицию, активисты которой просили его приезжать снова и снова, говоря о колоссальном влиянии его речей. Но к середине июля 1944 года Берл совершенно обессилел и уехал в Иерусалим — отдыхать и лечиться.

В заключительной стадии избирательной кампании Берл не принимал уже никакого участия, и победа Мапай на выборах в Гистадрут была, по его мнению, достижением неутомимой энергии Бен-Гуриона. Последнее заседание Центрального комитета партии, в котором участвовал Берл, состоялось 10 июля 1944 года в Иерусалиме. После этого Берл уже не возвращался в Тель-Авив, поселившись у друзей (семейство Черняк) в квартале Рехавия. Большую часть времени он отдыхал или писал, разрабатывая план книги "Вторая алия". В последнюю неделю жизни Берл разослал по многим адресам опросный лист, озаглавленный "Товариществу верных Второй алии".

В начале августа 1944 года состоялись выборы в национальное Собрание страны и на съезд Гистадрута. Мапай получила 37% мандатов в национальное Собрание и 53% мандатов на съезд Гистадрута. Вместе с делегатами партии Ха-овед ха-Циони (Сионистский рабочий) и Ха-овед ха-дати (Религиозный рабочий), собравшими около 6% общего числа голосов, Мапай получила твердое большинство в Гистадруте.

Ха-гнуа ле-ахдут ха-авода (Движение за единство труда), сформировавшееся из "фракции бет" и Ха-киббуц ха-меухад, собрало около 19% голосов, а Социалистическая Лига, основанная Ха-шомер ха-цаир, — около 20%. Зависимость от трети голосов "фракции бет" более не грозила руководству Мапай. Это была крупная победа Бен-Гуриона.

Известия о победе на выборах дошли до Берла, но не обрадовали его. Голде Меир, встретившей его

в эти дни, он сказал: "Они отдаляют от меня молодежь".

В субботний вечер Берл заглянул в дом Гершона Шолема и его жены Фани. Он любил это семейство и часто заходил к ним без всякой предварительной договоренности, обычно поздним вечером, улизнув с долгих заседаний, которые были ему неинтересны. Просунув в дверь голову в своей неизменной кепке, он спрашивал: "Вы уже спите? Ну, не беда, вставайте и дайте-ка мне стакан чайку".

Дом Шолемов был для Берла своего рода убежищем от политических дряг — ведь хозяин политикой не занимался. В дружеской беседе с Гершомом и Фаней Берл мог не касаться болезненных вопросов, терзавших душу. Они говорили о новостях, о литературе и писателях, об Агноне и его произведениях, об университете, о еврейской традиции, о каббале и хасидизме, об ишuve и рабочем движении.

У Шолемов Берл находил то, чего так не хватало ему в своем доме: приветливость и человеческую теплоту, сердечную милую женщину и высокоинтеллектуальные запросы. В последние годы жизни, которые были для него столь нелегкими как для общественного деятеля, Берл не находил утешения и дома. Пропась между ним и Леей все увеличивалась. Какую-то компенсацию давали ему отношения с Сарой Заит. Но тоска по дому в широком понимании этого слова ничем не утолялась.

Лея, угрюмая и ревнивая, так и не сумела сделать их дом теплым, радующим душу уголком. Их скромная, лишенная элементарного комфорта квартирка, отражала, если не считать книжного шкафа и рабочего стола Берла, характерное для Леи отсутствие стиля. Стакан чаю и симпатия, которые всегда ждали его у Шолемов, поднимали Берлу настроение.

Так и в последний свой субботний вечер Берл зашел к друзьям. Дом был полон гостей. Стульев, чтобы рассадить всех, не хватало, и хозяин одолжил

несколько в соседних квартирах. "Ух, сколько тут у вас стульев", — сказал, войдя, Берл. Он был в хорошем настроении и вскоре стал центром общества. Ближе к полуночи гости разошлись, а он засиделся.

Расспрашивал хозяев о только что встреченных у них людях. Потом заговорили о выборах, о расколе. "Я теперь верю, что люди, участвующие в исторических процессах, не понимают причин своих поступков, — сказал он. — Я вот участвую в расколе партии, не желая этого раскола, и, поверь, не знаю, зачем это делаю, да и Табенкин не знает".

Больше всего говорил Берл о движении Ха-шомер ха-цаир. Он считал, что воздействие марксизма и коммунизма на Ха-шомер ха-цаир носит вторичный характер, и выражал надежду на то, что молодежь освободится от очарования чуждых влияний. И наряду с этим говорил, что боится, как бы не повторилась в еврейской истории эпидемия лжемессианства, наподобие той, что связана с именем Шаббтая Цви.

Беседа затянулась часов до двух ночи, пока Фаня Шолем не напомнила ему, что пора идти спать. "Вечно ты меня выгоняешь! Вы разве устали?" — шутливо спросил Берл. А потом признался: "По совести сказать, я просто выжат". Снова заговорили о выборах, о Бен-Гурионе. Наконец Берл простился, сказав Фане: "Скажи, как люди отдыхают? Я совсем не умею отдыхать".

В конце той недели Лея приехала к нему в Иерусалим и тоже остановилась у Черняков. Суббота проходила в неспешных разговорах с Элизером Капланом. После обеда Берл встретился с молодыми людьми — Зеевом Шерфом и Тедди Коллеком. Это была последняя беседа в его жизни.

Вечером около половины девятого Берл зашел в туалет и вдруг Лея услышала его крик: "Лея, это конец!" У него случилось кровоизлияние в мозг. Берл еще дышал, но потерял сознание. Вызвали врача — но было уже поздно. Через полчаса Берл

скончался. Ему было пятьдесят семь лет.

В Тель-Авиве Сара Заит взглянула на часы, и ее вдруг охватило предчувствие несчастья. Она помчалась из своей квартиры, находившейся в северной части Тель-Авива, в редакцию "Давар" на улице Алленби. Не успела она войти в здание редакции, как там было получено известие о смерти Берла.

В 22 часа 15 минут 12 августа 1944 года по радио было передано сообщение о горестной утрате и со всех концов страны люди стали стекаться в скромную иерусалимскую квартирку. Давиду Хакохену, находившемуся в Тель-Авиве, сообщили о смерти Берла по телефону и поручили известить о несчастье Бен-Гуриона, отдыхавшего тогда на Кармеле.

Время было позднее; Бен-Гуриона пришлось разбудить. Хакохен присел на кровать рядом с Бен-Гурионом и сказал: "Берла не стало". "Он напрягся как сжатая пружина, откинулся назад так, что голова его стукнулась о стену, потом снова подался вперед и застыл напротив меня словно окаменелый", — так описывал Давид Хакохен первую реакцию Бен-Гуриона на известие о смерти друга.

Бен-Гурион упал на постель и, закрыв голову простыней, уткнувшись в матрац, застонал, как раненый зверь. До Хакохена доносились отдельные невнятные слова: "Берл, нет Берла, как можно без Берла?" Когда же в сопровождении Давида Хакохена, жены Поли и сына Амоса Бен-Гурион ехал ночной дорогой в Иерусалим, с уст его не сорвалось ни слова, ни стога. Он сидел молча, с хмурым, посеревшим лицом.

В Иерусалим они приехали на рассвете. Бен-Гурион сразу направился в комнату, где лежало тело Берла. Взглянув на молча стоявших вокруг мертвого Берла товарищей, Бен-Гурион упал без чувств. Придя в сознание, он попросил, чтоб его оставили наедине с Берлом, и долго сидел рядом с мертвым другом, погруженный в горестное молчание. Выйдя из ком-

наты, Бен-Гурион сказал сыну: "Это был мой единственный настоящий друг".

В течение недели, последовавшей за смертью Берла, материалы о нем соперничали на первых полосах газет с сенсационными военными сообщениями о близящемся освобождении Франции. Вся еврейская пресса, начиная с правого "Ха-машкиф" (Обозреватель) и кончая левой "Мишмар" (На страже), отдавала дань уважения памяти Берла.

После патетического призыва к воссоединению рабочего движения, с которым обратилась любимая сестра Берла Хана Нешер, произнося надгробную речь во дворе Здания национальных учреждений, между Мапай и "Движением за единство труда" начались переговоры. И хотя переговоры эти окончились безрезультатно, они все же свидетельствовали о коллективном чувстве вины, которое испытывали все товарищи Берла по партии.

По истечении семи дней траура состоялись специальные сессии Советов Мапай и Гистадрута, посвященные памяти Берла. Траур был продлен до традиционных тридцати дней, хотя интенсивность его несколько снизилась. Это было время решающего перелома в войне, когда был подписан приказ об уничтожении еврейства Венгрии, когда усиливалась деятельность Лехи, — и потому смерть вождя рабочего движения потихоньку сошла с повестки дня.

Но и через год после кончины Берла помнили и любили. В годовщину его смерти в Иорданскую долину направился специальный кортеж машин, битком набитых его друзьями и товарищами. Да и пять лет спустя поток приходивших к его могиле, хоть и несколько уменьшившийся, был еще огромен.

Берл навсегда остался в сердцах руководителей ишува. Единственной фотографией, стоявшей на рабочем столе Бен-Гуриона, была фотография Берла. Рассказывают, что через много лет после смерти Берла Бен-Гурион как-то сказал: "Не бывает дня,

чтоб я не почувствовал, как недостает мне разговора с ним”. Память о Берле бережно хранили Голда Меир, Моше Черток, Шаул Авигур и многие рядовые участники рабочего поселенчества.

Даже профессиональные аппаратчики Мапай часто ссылались на Берла в своих выступлениях, прибегая к его авторитету, чтобы доказать то или иное положение. С течением времени, когда сгладилась острота полемики, образ Берла снова занял почетное место в сердцах деятелей Ха-киббуц ха-меухад, даже более молодых среди них (которые, правда, успели пока что состариться).

С тридцатилетним опозданием даже руководители Ха-шомер Ха-цаир обнаружили в наследии Берла ярко выраженное сионистско-социалистическое мировоззрение, тот гуманный социализм, солнце которого засияло вновь в шестидесятые годы нашего века.

Но с годами образ Берла утратил живые краски. Место взаправдашнего Берла-бойца занял некий идеализированный лик отца и учителя, к которому его старые товарищи обращались всякий раз, когда партия переживала очередной кризис, горестно вздыхая и приговаривая: ”Ах, что бы сказал на это Берл?”

Увековечение памяти Берла в названиях воспитательных учреждений и городских улиц, многочисленные портреты, писанные ”под Герцля”, висящие во многих учреждениях, служащие которых его в глаза не видели, — все это в силу естественного диалектического процесса привело к отдалению от подлинного Берла — творческого человека, вождя, вступившего в противоборство с Богом и людьми.

Он превратился в символ, перестав быть человеком. В государстве, где произошла резкая смена социального состава, Берл стал чужд большинству населения. С тех пор, как появились у нас общественные деятели из слоев новой алии, имя Берла лишилось какого бы то ни было значения.

Через шестнадцать лет после смерти Берла Абба Ахимеир написал о нем последнюю свою заметку, где подвел итоги их многолетних отношений, отношений ненависти и любви. "Все позабыли его, все, кроме нескольких незадачливых празднословов — в том числе вашего покорного слуги. Даже Бен-Гурион, смотревший на него при жизни как ученик на учителя, — даже он позабыл о нем. Отсутствие его, кажется, никого не беспокоит. Все прекрасно устроилось без него. Берл! Твоим товарищам по партии ты не нужен, но мне не хватает тебя! Неужели наш диалог окончен?"

Сила и слабость

Ни одного человека в какой-либо отрасли общество не судит так, как общественного деятеля. О художнике судят по его таланту, о мыслителе — по его мудрости, о герое — по его смелости. Об общественном деятеле судят по тому, что он сделал и чего не сделал, по его чувству времени и духовному мужеству, по его нравственности и уму, по его характеру. Его судят ежедневно — и отнюдь не всегда праведным судом. И даже если вынесенный приговор окажется ошибочным и несправедливым — общественный деятель все равно подлежит наказанию.

Берл Кацнельсон. Записные книжки.

Накануне своего отъезда в оккупированную фашистами Северную Италию с секретным заданием, с которого он не вернулся, Энцо Серени послал прощальное письмо "Берлу, Давиду, Ицхаку — учителям и товарищам". "Бог даст, мы скоро свидимся, — писал Энцо, — если же нет, я хочу пожелать вам счастья и сказать спасибо за все, чем вы меня одарили, за свет, который открыли мне!" И далее шло последнее пожелание: "Будьте счастливы — и не гневайтесь в пути!" Короткая эта записка прекрасно отражает исключительность трех вождей рабочего движения Эрец-Исраэль.

Берл, Бен-Гурион и Табенкин были вылеплены из того же теста, что Ганди, Ленин или Троцкий. Это были руководители-практики и духовные наставники, оставившие, к добру или к худу, неизгладимый отпечаток в душах своих товарищей и учеников, на всей окружающей их действительности. Их деяния, их промахи придали рабочему движению Эрец-

Израэль, всей общественной жизни ишува своеобразный, неповторимый характер.

Разумеется, не только они, но и многие другие внесли значительный вклад в процесс создания народа Израиля и нового государства. И все же мы, вероятно, не отклонимся от истины, если выделим трех этих деятелей, ибо в широте влияния никто не мог соперничать с ними.

Они принадлежали к поколению, совершившему огромный скачок. Их родительский дом был пропитан религией, наивной верой, традиционным образом жизни еврейства, передававшимся из поколения в поколение. А дом, который создали их дети, уже был совершенно оторван от традиции и настолько укоренился в светской жизни, что оказался чужд прошлому еврейства.

Их же самих характеризовала амбивалентность, возникшая оттого, что они выросли в одном обществе, а ориентировались на другое. Во всем, что они делали, люди этого переходного поколения вольно или невольно ощущали на себе положительное или отрицательное влияние общества, из которого вышли.

Они были выходцами черты оседлости и являлись в детстве частью национального еврейского бытия, из которого впитали естественное чувство принадлежности к еврейскому народу и его судьбе, которое не нуждается ни в каких доказательствах и настоятельно требует от человека личного участия в процессе национального освобождения.

Все трое рано сбросили с себя бремя исполнения религиозных предписаний. Берл являлся среди них исключением по своей глубокой любви к древним страницам Талмуда, по погруженности в традиционную еврейскую культуру, по начитанности в старой еврейской литературе и истории, по чувству личной принадлежности к ней.

Если Бен-Гурион и Табенкин в области истории перепрыгивали от времени Бар-Кохбы прямо к билуццам, то национальное самосознание Берла пита-

лось вековым еврейским горем. Он всем своим существом ощущал двухтысячелетнюю историю галута и преклонялся перед мученичеством во имя веры. Его героями были не библейские богатыри, а жертвы погромов и гонений, преследуемые и загнанные евреи бесчисленных галутных поколений.

То чувство неловкости, даже стыда, по отношению к прошлому еврейства, которое неосознанно испытывали некоторые его друзья, было совершенно чуждо Берлу. В последние годы жизни он пришел к выводу, что существование национальной еврейской культуры невозможно без традиционной еврейской символики и обычаев — в этом отношении Берл также составлял исключение среди товарищей по партии*.

И Берл, и Бен-Гурион, и Табенкин выросли в тесном еврейском мирке, который извечно оборонялся от сильного и угрожающего мира гоев. Все они чувствовали себя легко только среди евреев. Бен-Гурион со временем приучил себя к обществу сильных мира сего и освободился от комплекса неполноценности по отношению к неевреям. Табенкин не вступал в непосредственные контакты с нееврейским миром, но его неприязнь к нему выражалась в подозрительности и враждебности к англичанам.

Особое отношение было у него лишь к российским революционерам, к которым он не испытывал той сдержанности, которую ощущал к неевреям. Берл же, хотя жизненные обстоятельства и сталкивали его с неевреями, никогда не пытался ни понять, ни объяснить их. Иногда у него завязывались личные связи с писателем или государственным деятелем-неевреем, но до душевной близости дело ни разу не

* Когда писатель А. А. Кабак предложил Берлу опубликовать в "Давар" свой роман, посвященный Иисусу Христу, Берл отказался, мотивируя свой отказ "неясным страхом", который он испытывает перед Иисусом. "Я не могу судить о нем хорошо или худо, я просто боюсь его".

доходило. Даже герои революции не составляли исключения. Со временем он стал со сдержанным одобрением относиться к демократическому и гуманному Западу. Но и это одобрение было скорее теоретическим, оно касалось не людей, а лишь идей и представлений.

Табенкин с юности активно участвовал в сионистском социалистическом движении, был членом варшавского отделения партии Поалей Цион, сподвижником Борохова. Бен-Гурион, попав в водоворот сионистско-социалистической работы почти случайно, тоже поспешил включиться в нее. И Табенкин, и Бен-Гурион родились в Польше и потому были несколько в стороне от бурь российской революции.

Они ни разу не усомнились в правоте сионизма, впитанного еще в родительском доме. Под воздействием учения Борохова, сочетавшего сионизм с социализмом, у них обоих сформировалось оптимистическое позитивистское мировоззрение, они оптимистически смотрели на будущее человечества вообще и еврейского народа в частности.

Со временем Табенкин отошел от бороховских концепций, стал высоко ценить Кропоткина и склоняться к анархизму, а затем вернулся к марксизму, который трактовал примерно так же, как в юношеские годы. Для Бен-Гуриона марксизм никогда не являлся неотъемлемой частью мировоззрения и в продолжение его политического развития потускнел почти незаметно.

Берл, в отличие от Табенкина и Бен-Гуриона, прошел через бури российского революционного подполья накануне первой русской революции и сразу после нее. Во время своих юношеских скитаний по Белоруссии и Южной России Берл соприкоснулся с многочисленными революционными течениями, будоражившими российскую общественную жизнь и, в частности, еврейство, причем центром этого бурлящего водоворота являлась Минская губерния, где был расположен родной город Берла — Бобруйск.

Смерть отца, пережитая Берлом, когда ему было всего двенадцать лет, оказала колоссальное влияние на поиски юношей своего места в жизни и привела к формированию личности, выразившей себя в бунте против общества, в котором он жил, и одновременно в отрицании идей, популярных в тех революционных кружках, куда его так тянуло.

Он с разочарованием отворачивался от всех встречавшихся ему политических партий, не находя удовлетворения ни в одном из многочисленных общественных движений, возникших тогда среди еврейства. Десять лет длился у Берла процесс возмужания, в течение этого периода он доходил до полного отрицания любви к Сиону, внушенной ему в детстве отцом, до деятельности в антиссионистских группировках и наконец нашел синтез между инстинктивным отцовским сионизмом и миром революции, который узнал и полюбил.

Это был социалистический сионизм, разрывавший все застывшие рамки усвоенных прежде воззрений, явившийся результатом процесса мучительных поисков истины, проверки идей практикой. Это было мировоззрение, исполненное сомнений, требовавшее непрерывного критического контроля, но в то же время в нем имелаась оптимистическая основа, подкрепленная антимарксистскими народническими идеями, — тем активизмом, или, по терминологии Бердичевского, "волей", который противостоит понятию исторического детерминизма, характерного для марксистских кругов.

Волюнтаристская основа мировоззрения Берла с самого начала являлась антитезой запрограммированного успеха, уверенности в будущем, которое дает марксизм. Знаменитое бреннеровское "несмотря ни на что" представляло собой литературное выражение того оптимизма без розовых очков, к которому пришел Берл.

Вероятно, в этом источник независимости взглядов Берла; его отказа смириться с общепринятыми

воззрениями, присущей ему тенденции рассматривать каждый вопрос в отдельности. "Это человек, который на все смотрит своими глазами. А много ли вы знаете людей, умеющих смотреть на мир своими глазами?" — так, по словам Агнона, определял Берла Кацнельсона Артур Руппин.

Превращение Берла в вождя Второй алии окутано туманом, в нем есть нечто неожиданное и внезапное, нечто от чуда, сопровождающего возвышение многих покоряющих массы личностей. В момент своего приезда в Эрец Берл был известен лишь единицам. Но вскоре один простой рабочий уже рассказывал другим, что после разговора с Берлом он ощутил ценность черной работы, которой занимался.

На Берла сразу обратил внимание Бреннер, выделивший его из всех, с кем ему довелось встречаться. Лунной ночью на берегу Киннерета увидел все богатство его души молодой Агнон. Разговор с Берлом врезался в память Залмана Рубашова как одно из самых сильных впечатлений его первой поездки в Эрец.

Берл не отличался ни успехами в работе, ни необыкновенной смелостью, в нем как будто не было никаких героических качеств. И несмотря на это, к концу Первой мировой войны он неисповедимыми путями превратился в признанного вождя той горстки упрямых энтузиастов, которая уцелела в стране от Второй алии. Перед ними произнес он свою пророческую речь "В преддверии грядущих дней". В глазах киннеретских товарищей, как и других представителей Второй алии, не принадлежащих ни к одной из двух существовавших тогда рабочих партий, Берл обладал обаянием, которое невозможно объяснить рациональными категориями.

Выступая с прощальным словом на могиле Берла, Ализа Шидловская, женщина из того аскетического племени, которое носило его на руках, назвала Берла воплощением идеи "сионистского трудового поселенчества", выразителем "независимости рабочего

движения в самых его истоках". Немногими словами обрисовала Ализа главные отличительные черты Берла: "Пламенная, пророческая вера в еврея-труженика, в еврейскую деревню, в иврит и еврейскую книгу".

Берл выражал надежды и устремления Второй алии, ее критическое отношение к официальному сионизму, присущую ей жажду деятельности. Для нее "трудящийся ишув" и "братство рабочих" были одновременно и целью и способом осуществления этой идеи. Лозунг единства рабочего движения, отражавший требования жизни и бросавший вызов всем идеологическим различиям, стал краеугольным камнем, на котором выросло здание охватившего всю Эрец-Исраэль рабочего движения.

Единство рабочего движения было для Берла тем, чем для других вождей служила определенная идеология: и оправданием власти над идущими за тобой людьми, и источником уверенности в правильности избранного пути, и предзнаменованием грядущей победы. Это был организационный принцип, возведенный в высшую ценность и уходящий корнями в антиидеологическую позицию Берла, к которой он пришел в результате долгих мучительных исканий, отвергнув характерные для еврейских интеллектуалов черты оседлости бесконечные разговоры и восприняв от русского революционного движения культ героического деяния.

Сила российского революционного движения, по мнению Берла, заключалась в жажде деятельности и самопожертвования — то есть именно в тех качествах, которых недоставало еврейским общественным течениям — как социалистическим, так и сионистским. Раз придя к заключению, что Эрец-Исраэль будет построена силами трудовых поселений, Берл стал считать трудовое поселенчество и сочувствующие ему культурные идеалы основой для широкого сотрудничества всех трудящихся слоев страны.

В этот период рабочие Палестины были разобщены, разделены на несколько партий, растрчивавших

силы на взаимную вражду. Лозунг единства призван был высвободить таящуюся в рабочих массах энергию и направить ее в единое русло.

Призыв к единству означал подчинение идеологии различий, возникших в диаспоре, новой идеологии, появившейся на почве действительности Эрец-Исраэль. Единство намечало столбовую дорогу рабочего движения страны — широкий поток, не ограниченный тонкостями формулировок партийной платформы, в котором сплавляются самые различные идеологические элементы, начиная от идеализма и кончая материализмом, но все участники которого сознают общность своей судьбы и исторической миссии.

В период, требовавший сложных социально-экономических и политических преобразований, единство было источником силы рабочего движения. Перемещение центра тяжести с теоретических споров на идеологию действия соответствовало духу того времени, когда под влиянием Декларации Бальфура и завоевания Палестины англичанами весь ишув был охвачен надеждами на скорое торжество сионистских идеалов. Активизм Берла предшествовал появлению тех волюнтаристских течений, которые привезла с собой Третья алия, и, безусловно, служил идеологическим фундаментом для включения молодежи Третьей алии в организационную структуру, возникшую накануне ее приезда в Эрец.

В лозунге единства находило также отражение тяготение Берла к широким организационным объединениям, не скованным жесткими рамками. Чем свободнее организационная структура, тем более просторное поле деятельности открывалось перед Берлом, тем более широкие и разнообразные слои общества она охватывала.

На протяжении всего своего политического пути Берл настороженно относился к группировкам, прибывавшим в страну с четкой идеологической программой, со своими лидерами. Он видел в них реальную или потенциальную опасность отклонения от наме-

ченной им столбовой дороги. Кроме того, эти группировки задевали личный авторитет Берла, ведь принятие принципа исторического единства рабочего движения, принципа, требовавшего гармонического разрешения всех противоречий, — означало по существу подчинение верховному авторитету Берла Кацнельсона. Личное обаяние Берла отождествлялось с лозунгом единства.

Макс Вебер определяет личный авторитет популярного вождя как авторитет, не обусловленный официальной должностью. По самой своей сути такой авторитет противостоит власти, покоящейся на силе закона, и, в особенности, бюрократической власти. Это определение словно специально подобрано для объяснения того особого авторитета, которым пользовался Берл среди своих товарищей.

Берл являлся некоей высшей инстанцией. Он всячески избегал официальной власти, которая ограничила бы его влияние. Если б его спросили об этом, он бы, наверное, мотивировал свое увливание от официальных постов тем, что у него к ним душа не лежит, — это, как мы далее увидим, было верно, но верно лишь отчасти.

На самом деле Берл, пожалуй, пытался непосредственно обращаться к самым широким массам, а потому четкое определение его полномочий, а следовательно, и аудитории, могло бы подрезать ему крылья, существенно ограничить его влияние.

Берл описывал отношение разных людей к себе эмоциональными терминами: он жаждал единения сердец, желая, чтоб авторитет его был основан на любви к нему. Столкнувшись с каким-либо противодействием, он объяснял его либо своими личными недостатками (он-де вызывает у людей подозрение или враждебность), либо недостатками противников. Полная уверенность в своей правоте мешала Берлу признать право на существование любых параллельных ему центров власти и притяжения.

Как всякий пользующийся широкой популярностью

вождь, Берл был по-своему авторитарен, нетерпим к другим мнениям и до фанатичности верил в правильность и справедливость своего пути. Чувствуя себя оскорбленным, он лишал партию милости своего руководства, а верные сподвижники спешили уговорить его занять свое место среди них. Берл не брезговал пользоваться своим авторитетом для того, чтобы навязать собственное мнение колеблющимся товарищам.

Вся эта система отношений основывалась на любви к Берлу и преклонении перед ним и могла действовать лишь до тех пор, пока сохранялась вера в его харизматическую инспирацию. На протяжении двадцатых годов система эта была незыблемой, но в тридцатые и сороковые годы апелляция Берла к чувствам людей, его неоднократные "просьбы о любви" воспринимались уже как попытка эмоционального шантажа, а некоторые даже обвиняли Берла в диктаторских наклонностях.

Среди членов партии Ахдут ха-авода Берл пользовался непреложным авторитетом. Он выражал то, что чувствовал каждый из них. Ум, находчивость и особенно умение точно выражать свою мысль выделяли Берла среди товарищей, делали его наставником. В революционной партии речь является стимулом действия. Сила Берла заключалась в способности четко анализировать социальные и политические процессы, формулировать цели и способы их достижения.

Речи Берла никогда не являлись абстрактной проповедью, в них всегда был призыв к действию, причем не только ясно намечались задачи, но и указывалась последовательность их решения и необходимые организационные средства: объединение сельскохозяйственных рабочих, "Машбир", банк Хапоалим, "Нир", поселенчество, Алия Бет — были обязаны Берлу не меньше, чем "Кунтрес", "Давар", "Ам Овед".

Он знал, что умеет зажигать массы. Практическое

осуществление своих целей он обычно поручал своим младшим товарищам, которые постоянно консультировались с ним в процессе работы. До предела рационалистичный и логичный во всем, что касалось разработки планов и анализа ситуации, Берл горел изнутри колоссальным энтузиазмом, который передавался его собеседникам, заставляя их делать то, что он предлагал. Эта способность вести за собою людей, зажигать их жаждой дела составляла еще одну грань обаятельной индивидуальности Берла.

Руководство обожаемого всеми "властителя дум" по самой своей природе противоречит установленному порядку, однако и оно, в конце концов, нуждается в некоем упорядочении, в некой бюрократизации, в выработке определенных организационных рамок. Табенкин, так же как и Берл наделенный даром покорять сердца, быстро сумел поставить свой моральный авторитет на прочный организационно-социальный фундамент Ха-киббуц ха-меухад.

Бен-Гурион шел обратным путем. Ему не хватало личного обаяния, не дано было возбуждать в людях инстинктивную любовь и безоглядную преданность, поэтому он строил свой авторитет на силе возглавляемых им учреждений: сперва в должности секретаря Гистадрута, затем — занимая ведущие посты в Правлении ВСО. С годами рос его авторитет — рациональный по характеру, основанный на верности ему возглавляемых им организаций, на преданности людей этим организациям и подкрепленный всей системой отношений между вождем и бюрократией.

Лишь после создания государства и Войны за Независимость засиял вокруг головы Бен-Гуриона ореол признанного вождя, чему способствовали его политические успехи, победы Армии Оборона Израиля и отношение к Бен-Гуриону новых репатриантов, видевших в нем "отца родного".

Берл не пошел дорогой Табенкина. Он претендовал на роль вождя всего рабочего движения, по меньшей мере — всей своей партии. С другой стороны, он не

нуждался в бюрократической системе, ибо потребность в ней как бы противоречила особому, высшему положению вождя, стоящего вне обычных организационных рамок. Кроме того, по самому своему характеру Берл был не способен развивать и поддерживать отношения, принятые между руководителем и поддерживающим его бюрократическим аппаратом, отношения, основанные на принципе "ты — мне, я — тебе".

Отношение Берла к людям вытекало из оценки их личных качеств, вне всякой зависимости от их положения. Заметив в неизвестном молодом человеке скрытые таланты, какие-то необыкновенные качества, Берл мог вывести его в первые ряды партийной иерархии. А к людям, занимавшим видные посты в его партии, но не соответствовавшим его личностным критериям, Берл относился, в лучшем случае, с холодной корректностью.

Представители все разраставшегося партийного и гистадрутовского аппарата не любили Берла. В двадцатые годы члены Ахдут ха-авода обычно поручали Берлу распределять назначения в партии и Гистадруте, признавая его особый талант оценивать людей по достоинству, умение формировать будущее руководство партии. И, несмотря на это, Берл не создал такой системы отношений, при которой избранные им люди питали бы личную преданность ему.

В тридцатые же годы, с возникновением Мапай, внутри которой существовали различные силы и блоки, в том числе такие, которые еще со времен Второй алии отказались признать главенство Берла, он был лишен права выбора ответственных работников, хотя с ним и советовались в этом вопросе.

Честолюбивому молодому человеку было пока еще трудно выдвинуться в Мапай, если Берл Кацнельсон открыто высказал отрицательное мнение о нем. Однако чем более укреплялись партийные учреждения, чем дальше развивался процесс формирования вну-

трипартийных группировок, тем уже становилась сфера влияния Берла.

Как упоминалось выше, авторитет Берла расцветал в открытых, незамкнутых организациях, ибо в этих условиях он воздействовал на людей своим особым личным обаянием. Тогда Берл побуждал людей поступать по своей воле, не вызывая в них ощущения принуждения. Но в организациях, где отношения базировались уже не на личных контактах, а на взаимной борьбе группировок, Берл лишался былого влияния. С тех пор, как группировка, занимая определенные позиции, обязывала своих членов отстаивать их, Берлу уже не оставалось возможности применять те свои таланты, благодаря которым он стал вождем партии.

Поэтому, воюя за объединение киббуцных движений или выступая против фракционерства в партии и Гистадруте, Берл отстаивал будущее рабочего движения, по существу защищая свое положение в движении. Открытая или тайная, борьба с концепцией единства наносила удар по его положению в рабочем движении, комментировалась как жажда власти.

То, что прежде считалось само собой разумеющимся, стало теперь восприниматься как проявление властолюбия со стороны Берла. Его попытки создать вокруг себя кружок преданных учеников (причем характерным для Берла неформальным, не связанным с определенным учреждением способом) были встречены в штыки теми самыми группировками, которые стремились сохранить за собою нераздельную власть над своими членами.

Главное, что угнетало Берла, доводило до отчаяния, — его оставила молодежь, которой он отдал столько душевного тепла. Тяжелее, чем потерю организационных полномочий или политического влияния, переживал Берл утрату влияния на души людей, сужение окружающего его "магического круга".

Одним из самых громовых лозунгов, выдвигавшихся противниками Берла, был лозунг борьбы за

демократию. Таким образом человек, провозглашавший свободу и народовластие, оказался мишенью тех, кто сгруппировался вокруг его собственного лозунга. К демократии зывали и фракционные группировки и партаппаратчики: и те и другие старались обосновать свою власть рациональными доводами, объективными и поддающимися измерению критериями, например числом голосов избирателей и количеством представителей в руководящих учреждениях.

Проповедуя демократию, Берл, по существу, строил свой авторитет вопреки ей, ибо стоял вне всяких организационных рамок. Теоретически он принимал принцип "глас народа — глас Божий", фактически же подрывал его; он отказывался поддерживать требования рабочих, если считал их несправедливыми, он не признавал партийных решений, если они, по его мнению, не отвечали моральным критериям, которые он избрал для себя и для всей партии.

Далее, Берл не принял принципа, согласно которому электоральная сила различных группировок — городских или киббуцных — должна определять их влияние в руководстве партии. Берл считал себя выразителем "общей воли" всего рабочего движения в противоположность тем, кто выражал устремления демократического большинства, которое, по его мнению, извращало исторически верный путь рабочего движения.

Следуя идеалу всеобщности и широкого единства, Берл стремился всемерно расширять рамки партии, охватывая все максимально возможные социальные слои и общественные группировки. А его власть по самой своей природе годилась для достаточно узкой организации, основанной на личных задушевных связях. Чем более солидной становилась созданная Берлом партия, тем больше нуждалась она в формальных правилах демократической игры. Отсюда следует, что идея единства, олицетворением которой являлся Берл, имманентным образом привела к

снижению его авторитета.

Берл был человеком противоречивым. Формулируя ситуацию, можно сказать, что человеческие слабости Берла происходили из тех свойств, которые составляли его силу как вождя; и наоборот — слабость Берла как вождя являлась проявлением его высочайших человеческих достоинств. Он был склонен к беспощадной критике по отношению к окружающим и к себе самому. Приняв для себя и своей партии строжайшие моральные нормы, он неколебимо требовал их пунктуального соблюдения.

Берл не останавливался перед актами возмездия против погромщиков, его не пугало кровопролитие в разгар ожесточенной борьбы (например, при защите обладания оружием или в деятельности Алии Бет). Он не колеблясь посылал молодых на задания, зная, что они могли не вернуться назад. И вместе с тем он создал систему ограничений, направленную на то, чтобы сдержать насилие, не допустить его превращения в общепринятое средство политической жизни ишува — будь то борьба против ревизионистов или отношения с арабами.

Правила "чистоты рук", довольства малым, простоты обращения и взаимопомощи не были характерны только для одного Берла. Но ни у кого никогда не возникало сомнений в праве Берла отстаивать их. Он требовал их соблюдения, выражая кодекс поведения всей группы руководителей рабочего движения. И если не все и не всегда действовали согласно этому кодексу, то Берл был в этом вопросе живым укором для них.

Табенкин, Берл и многие другие деятели Второй алии являлись, при всех своих отличиях, ярко выраженными индивидуальностями, творческими личностями, в своем духовном облике они навсегда сохранили отпечаток первой русской революции. В России их духовные наставники, попытавшись перевести свои идеалы на язык реальности, потерпели

сокрушительное поражение и сошли с исторической арены. А в далекой Эрец-Исраэль, в совершенно иных условиях, их учение стало основой создания нового общества и народа.

Высокая нравственность, отказ от террора, не отделяющего правого от виноватого, глубокая личная заинтересованность в жизни общества, жажда деятельности и "осуществления себя" — все это люди Второй алии впитали из атмосферы российского революционного движения начала века. Под влиянием свобододобивых идей русских революционеров сформировалось у деятелей Второй алии оптимистическое мировоззрение, ставящее своей целью создание свободного общества, восстающее против любого принуждения, стремящееся к такому социальному устройству, которое будет заботиться о слабых и нуждающихся, тянуться к справедливости. Таково было мировоззрение Берла.

И хотя к концу жизни оптимизм покинул его и он погрузился в глубокое отчаяние, Берл все же не перестал работать ради осуществления тех же идеалов. Упрямый отказ Берла следовать печально знаменитому правилу "цель оправдывает средства" — правилу, которое иногда брали на вооружение Табенкин и Бен-Гурион, — подчеркивает всю глубину гуманизма Берла, для которого в центре всегда стоял отдельный человек и его счастье.

Но несмотря на все это, Берл был по натуре пессимистичен и подозрителен, для него словно существовали две плоскости: сфера настоящего, в которой следует действовать с сугубой осторожностью, стремясь всеми силами избежать подстерегающих на каждом шагу опасностей, — и сфера безоблачно лучезарного будущего.

Всю свою жизнь Берл придерживался в отношении всех встречавшихся ему людей пословицы "доверяй, но проверяй" — пока они не доказывали ему, что на них можно положиться. А по существу Берл ни на кого не полагался вполне и потому сам влезал во

все подробности интересующего его дела. Этот изначальный пессимизм крепчал с годами, вступая в конфликт с верой Берла в человека.

Противоречие между двумя этими сферами жизни было лишь одним проявлением противоречия между воззрениями Берла и его натурой. Он проповедовал демократию, открытость, терпимость, гуманистический социализм. И вместе с тем отстаивал эти взгляды не менее фанатично, чем его противники — свои. А инстинкт, скрытые наклонности Берла вступали в резкое противоречие с широтой его горизонтов, с идеями, в которые он верил всей душой.

Фанатик постоянно воевал в нем с великим воспитателем, старавшимся привить своим питомцам веру в победу сил просвещения и прогресса. И потому мы не раз обнаруживаем противоречия между идеалами, которые прививал Берл молодому поколению, и его собственными глубинными чувствами. Например, для Берла мир был четко разделен на евреев и неевреев. К первым он относился с нежной, самоотверженной любовью, прощая все недостатки. А к гоям он испытывал отчуждение, смешанное с враждебностью и глубокой подозрительностью, нетерпимостью. Обсуждая ту или иную конкретную проблему, Берл, кажется, никогда не пытался поставить себя на место англичанина или араба. Он всегда видел лишь одну сторону медали.

В теоретических же выступлениях Берл всегда рисовал сложную, многокрасочную картину мира, с мельчайшими оттенками и переходами тонов — в отличие от Табенкина, чья картина мира была откровенно черно-белой. Берл никогда не считал, что одни народы должны наслаждаться благами цивилизации, а другие — заниматься черным трудом, никогда не заявлял, что весь рабочий класс наделен возвышенными добродетелями, а вся буржуазия — исчадие ада.

В своих лекциях и выступлениях Берл всегда

следил за тем, чтобы у молодых слушателей не выработывалось стереотипных представлений о социальных и национальных отношениях. Тот, кто делит весь мир и еврейство по принципу "кто не с нами, тот против нас", призывает, в конечном итоге, к войне между этими двумя лагерями, к войне не на жизнь, а на смерть, исход которой можно решить только силой. Так что Табенкин готовил молодежь к грядущей революции.

Иное дело Берл: он, по большей части, воспитывал у своих учеников такое представление о мире, которое учитывало всю сложность реальной жизни, где каждый элемент справедлив и виновен одновременно, а долю истины можно найти у всех. Такая картина мира не оправдывала актов насилия и агрессии ни с чьей стороны.

Рассматривая внутренние проблемы ишува, Берл сохранял чувство равновесия, которое стремился привить и своим воспитанникам. Однако в подходе к политическим проблемам остального нееврейского мира Берл не раз скатывался к той черно-белой поляризации, от которой предостерегал своих питомцев.

Значительно более сложные, чем у Табенкина, представления о мире являлись источником слабости Берла, тогда как сугубое упрощенчество придавало Табенкину силу. Берл не считал, что идеологией можно объяснить все на свете. Однажды он сам дал следующее афористическое определение своей философии: "Я в жизни не пользовался ярлыками "реалист" и "идеалист", и если б меня, не приведи Бог, заставили бы определить себя в этих терминах, я бы сказал, что я ближе к школе реалистов по признанию важности постепенной подготовки тех или иных мероприятий, но как только дело сделано, тут же бегу от них".

Берл полагал, что мир управляется как рациональными, так и иррациональными силами, а посему способность человека анализировать социальные, по-

литические и экономические процессы, а тем более предсказывать их — весьма ограничена. Берл не верил в то, что диалектический материализм в состоянии пролить свет на будущее, и не считал исторический материализм ни единственным, ни даже наиболее приемлемым объяснением событий прошлого.

Он вообще не обольщался социальными учениями, претендующими на то, чтобы дать панацею от всех болезней человеческого общества. Изначальный пессимизм, исходящий из учета инстинктивных порывов человека и сомнений относительно возможностей человеческого разума вообще, не позволяли Берлу обрести уверенности и покоя под сенью веры, как бы привлекательна она ни была.

С тех самых пор, как он прошел юношеский кризис мучительных поисков своего места в жизни, Берл более не ощущал потребности в наставниках. В условиях подмандатной Палестины эта черта ослабляла позиции Берла. Революционеру, жертвующему жизнью или обрекающему себя на постоянные лишения, хочется верить, что его страдания будут вознаграждены в будущем. Точно так же однозначное деление мира на добро и зло удобно для революционеров в трудный период. Оно позволяет ясно видеть врага, упрощает процесс обдумывания и принятия решений, помогает обрести "своих" и укрепляет готовность бороться с врагами этой "своей" группы.

Табенкин и прививал своим ученикам такую незамысловатую простодушную веру, к которой они невольно стремились. Берл этого не делал. Он не указывал им прямого пути в царство света и не обещал, что утопия осуществится. А в тот сложный и решающий для судеб ишува период сложность мышления Берла оборачивалась недостатком.

Чем дальше уходили в прошлое двадцатые годы, тем беспощаднее и трезвее смотрел Берл на мир, не теша себя особыми надеждами. Сам он пришел к брэннеровскому "несмотря ни на что". Но для

значительной части молодежи прийти к такому выводу было очень трудно, она впадала в смятение, сбивалась с пути.

Процесс возмужания революционного вождя сопровождается, как правило, обрывом личных связей, имперсонализацией отношений. Со временем он придает все большее значение идеям, целям, выбору пути, обращая все меньше внимания на личные отношения с окружающими его людьми, на душевную близость, дружбу и любовь. Такое отчуждение от окружающих дает ему возможность действовать, не чувствуя себя связанным личными взаимоотношениями.

Тот, кто проследит путь развития Бен-Гуриона до национального вождя, увидит, как он сознательно освобождался от сковывавших его душевных связей с членами семьи, потом шаг за шагом отдалялся от товарищей по партии, пока у них не создалось ощущение, что он в них не нуждается, ибо он — самостоятельная высшая личность, для которой не существуют такие второстепенные вещи, как любовь, долготелняя человеческая близость или судьбы простых смертных.

Пожалуй, Берл был одним из очень немногих товарищей по партии, к которым Бен-Гурион испытывал нечто похожее на любовь. Бен-Гурион не только уважал Берла за высокие интеллектуальные качества. Берл был для него неким самостоятельным, самобытным явлением, силой, которая, не угрожая позиции Бен-Гуриона, действовала с ним заодно в удивительном согласии и взаимопонимании. Всегдашняя готовность Бен-Гуриона защищать Берла свидетельствует о том, что он не видел в нем соперника.

Берл также переживал процесс имперсонализации отношений, но у него процесс этот был весьма неоднозначен, а результаты его — лишь частичными. Всю жизнь он сохранял глубокие эмоциональные связи со своей семьей. Он всегда проявлял сыновнюю почтительность к своей старушке-матери, оказывал

ей материальную поддержку. Смерть детей сестры причиняла ему острую боль, повергала в депрессию, длившуюся долгие месяцы. Теплое, любовное отношение к детям проявлялось у Берла при каждой встрече с ними. В присутствии детей исчезал Берл — серьезный, требовательный к другим руководитель и открывался человек широкой души, ищущий человеческого тепла.

Эти факты свидетельствуют о потребности Берла в личной дружбе и привязанности, которая не находила удовлетворения. Берл хранил верность близким людям: группа киннеретских друзей осталась дорога ему до конца жизни, любая встреча с ними была для него праздником. В душе его навсегда осталась теплота к товарищам по российской партии сионистов-социалистов, с которой он был связан в юности, он всегда пытался помочь им найти свое место в строительстве Эрец-Исраэль.

Людские горести и беды находили отклик в сердце Берла, и народ неисповедимым образом чувял это. Он был для многих последним адресатом, к которому прибегали, когда все прочие возможности были уже исчерпаны. К нему обращались с просьбами найти работу и помочь иммигрировать в Эрец, с жалобами на должностных лиц и различные инстанции, ему рассказывали о возведенной на человека клевете или неправом суде, о коррупции и произволе ответственных работников. И Берл всегда старался помочь, чем только мог*.

*Вот, например, письмо Берла к Цви Лавону, одному из руководителей тель-авивской подрядной конторы, написанное по возвращении с женевского Сионистского конгресса 1939 года.

Берл был склонен к комплексу вины. Чувство вины охватывало его всякий раз, как он терял близкого человека. Любя людей и умея радоваться жизни, Берл одновременно любил терзать себя, это постоянное чувство вины вытекало из ответственности за все происходящее

С годами Берл стал уставать от людей. Люди ему надоели, он более не испытывал к ним интереса. Хотя у него было много товарищей, с которыми можно было вести политическую полемику и интеллектуальные споры, но не было человека, в котором Берл видел бы личного, близкого, душевного друга. Зная Берла казалось, что роль эту исполнял Бейлинсон. Но на поверку отношения между ними сводились к отношениям учителя и послушного ученика.

Со временем Берл утратил былое терпение и, хотя сохранял внешнюю вежливость и всегда изображал во время разговора внимательного слушателя, стал нетерпелив и старался побыстрее уйти мыслями в иные миры. Внутри партии, с близкими ему людьми у него выработалась система отношений,

вокруг. Он испытывал не только абстрактное чувство ответственности, которое обычно бывает присуще крупным руководителям, но и чувство непосредственной ответственности из-за своего душевного отношения к людям.

"Цви, дружище, у меня сердце разрывается от вашего поведения в отношении старухи-вдовы, муж которой умер на работе, получив предупреждение об увольнении. Вы уже несколько месяцев кормите ее обещаниями, не дав ей ни гроша. А ведь ты обещал мне перед моим отъездом на конгресс уладить это дело и дать ей месячную пенсию хотя бы в четыре палестинских фунта и говорил, что я могу ехать спокойно. Я тогда пообещал ей от твоего имени и тем избавил ее от горьких слез.

Мне стыдно, что приходится писать тебе такие записки. Ты, разумеется, хочешь помочь, но если это не в твоих силах, скажи мне правду, не заставляя меня прибегать к новым звонкам и запискам. Тогда я буду знать, что мне надо пойти и попросить помощи у Рокеаха (тогдашний мэр Тель-Авива), или стукнуть по столу, или подать в суд, или обратиться к общественности. Я найду какой-нибудь путь. Если б речь шла о частном предпринимателе, я б давно уже уладил это дело. Да он бы и не осмелился вести себя таким образом.

Я к тебе по этому делу больше не обращаюсь". 19 ноября 1939 года.

основанная на личной преданности и взаимопонимании.

Это, безусловно, не были отношения равных, а лишь связь наставника с теми, кто идет за ним. Он интересовался личными делами товарищей, будь то болезни, семейные трудности или кризис мировоззрения, — старался помочь, выслушивал исповеди, давал советы, иногда даже использовал свое положение ради того, чтобы выручить кого-нибудь. В этих отношениях было много обаяния — они красноречиво контрастировали с безразличием Бен-Гуриона к товарищам и их проблемам.

Куда сложнее были отношения Берла с людьми, равными ему по масштабу. За годы жизни в Эрец Берл не раз пережил мучительный разрыв с товарищами, произошедший из-за противоречий во взглядах. Элиэзер Яффе, А. Д. Гордон, Табенкин — каждый из них сыграл свою роль в жизни Берла, с каждым из них он расстался по особым причинам. Всякий раз, когда Берлу приходилось выбирать между единственно правильной, по его мнению, дорогой, и близким человеком, он всегда, в конце концов, выбирал дорогу.

Элиэзер Яффе был для Берла задушевым другом, любовь к нему с новой силой вспыхнула в сердце Берла после смерти Элиэзера — но когда на карту было поставлено создание Ахдут ха-авода, он, не колеблясь, порвал с ним.

Еще более тяжело дался Берлу разрыв с А. Д. Гордоном. Для Берла много значила память о вечерних беседах с Гордоном на циновке перед его домиком в Эйн-Ганим. В определенном смысле Гордон являлся для Берла образцом безупречности — но когда Гордон выступил против объединения рабочего движения, Берл не свернул со своего пути, хотя их отношения с Гордоном так и не восстановились до самой смерти последнего. И хотя Берлу мучительно было причинять обиду Гордону и он долго терзался из-за разрыва с ним, но решающий шаг все же

совершил.

Но самым драматичным и болезненным из всех пережитых Берлом разрывов был разрыв с Табенкиным. Их связывала глубочайшая привязанность и душевная близость, общность воспитания и культуры, которая проявлялась в сходных ассоциациях, мыслях, манере держаться. Дружба их, завязавшаяся еще в юности, окрепла за годы совместной жизни в Киннерете. Пожалуй, ни один человек не был так дорог Берлу, как Ицхак Табенкин. И тем не менее с конца двадцатых годов и на протяжении всей своей дальнейшей жизни Берл выступал против Табенкина, защищая единство и всеобщность рабочего движения.

Отправившись в 1933 году в Польшу, Берл понимал, что ставит под угрозу свои отношения с Табенкиным. Но несмотря на возникшие у него колебания, Берл все же поехал. Первый выстрел в полемической битве за объединение киббуцного движения был сделан в "Письме к товарищам из Дгании", за ним последовали "Возражения на существующее положение вещей". Берл поддержал оппозицию внутри "Киббуца" и повел борьбу за объединение рабочего движения.

Процесс разрыва с Табенкиным был крайне болезненным и сопровождался у Берла глубочайшими душевными муками. Так же чувствовал он себя и накануне раскола Мапай — Берлу трудно было выступить за раскол. Он сидел угрюмый, разбитый от необходимости окончательного разрыва с людьми, дорогими его сердцу. Но, несмотря на это, Берл встал на сторону Бен-Гуриона, поддержав его всей силой своего авторитета.

Отметим, что во всех перечисленных случаях, когда Берл жертвовал личными отношениями ради принципа, принципом этим являлось единство рабочего движения. Как уже говорилось выше, он в то же время, не отдавая себе в этом отчета, защищал свой авторитет. Как и в других революционных партиях,

в Мапай происходила борьба за власть между главными вождями, причем обе стороны шли на раскол во имя единства.

Таким образом, хотя Берл и не испытал отчуждения от людей, он приносил в жертву личные отношения, выступая против дорогих ему друзей, когда этого требовали интересы партии (как он понимал их). Наряду с отзывчивостью и душевностью Берлу в немалой степени была свойственна и суровость, твердость. Он умел принимать тяжелые решения.

Такое сочетание чувствительности и твердости порождало особую ранимость. Берл всегда нуждался в теплоте отношений, в уважении и любви, хоть он и делал вид, что не желает слушать похвал и комплиментов. Его до глубины души задевало любое обвинение в лицемерии или злонамеренности. Так было и в дни мобилизации в Еврейские батальоны, когда он поссорился с Элияху Голомбом и его товарищами. И в период борьбы против Табенкина, когда он обрушивался на "Киббуц" с гневными речами, и в период полемики с Ха-шомер ха-цаир, руководители которого обвиняли Берла в непорядочности по отношению к ним.

Излюбленными средствами защиты Берла в таких случаях являлись ирония и сарказм, которыми прикрывалась ранимость, отличавшая его с юности и усилившаяся в последние годы жизни, — свидетельство того, что процесс имперсонализации у Берла не завершился. Чем больше задевали его нападки противников, тем резче делались его саркастические высказывания. Анализируя доводы противников, Берл доводил их до абсурда, пока они не лишались всякого смысла.

В полемике Берл не знал снисхождения, независимо от того, шла ли речь о достойном сопернике или жалком оппоненте. Прощать он тоже не умел. И хотя Берл утверждал: "Беспощадная критика, недоверие и подозрительность, обрушившиеся на меня с юности, помогли мне найти себя, закалили меня от

любых идейных невзгод”, — но сам тот факт, что он счел нужным подчеркнуть свою ”закалку”, якобы предохраняющую его от душевных ран, указывает на то, что он так и остался ранимым и чувствительным человеком.

Высокая нравственность, многокрасочное, чуждое упрощенчества представление о мире, душевное отношение к людям — все это на поверку оказалось слабостью Берла-вождя. К этим ”отрицательным” свойствам Берла следует присоединить широту горизонтов и потребность осуществить себя как личность.

Бен-Гуриона современники сравнивали с конем, глаза которого закрыты шорами для всего, что не относится к поставленной цели, и потому не сворачивающим с намеченной борозды. Посвятив себя какому-нибудь делу, Бен-Гурион видел в нем основное содержание своей жизни и жизни всего народа. Так вел он себя на посту секретаря Гистадрута, председателя Правления Еврейского агентства или министра обороны (должность премьер-министра в этом смысле не отличалась от должности председателя Правления Еврейского агентства).

Он не умел вести праздных бесед, не читал художественной литературы, не интересовался вопросами культуры и не высказывал своего мнения о людях. То, что происходило внутри его партии, тоже не вызывало у него никакого интереса, если это не ставило под угрозу основную его работу.

Совсем другое дело Берл: его интересовало, кажется, все на свете — политика и поселенчество, бытовые вопросы и разговорная речь, обычаи древние и только нарождающиеся, еврейская история и новейшая философия, еврейская и иностранная литература и поэзия, живопись из музейных собраний и древние рукописи, рабочие вожди и молодежь.

Безграничны были его любознательность, умение впитывать новые впечатления, тянуться к новым людям. Ни в один из периодов своей жизни (кроме разве периода огородничества в Киннерете) он не

отдавался целиком ни одному делу. Берл тратил энергию, умственные силы и время на внутрипартийную работу и политическую деятельность, создание новых общественно-культурных учреждений, редактирование и писание статей, огромную воспитательную работу, многочасовые беседы, расширяющие умственные горизонты, и простой житейский разговор, чтение без конца и краю.

Ему воистину "не было чуждо ничто человеческое". Но эти гигантские сокровища знаний, чувств, интересов были ему не на пользу как вождю движения. Берл оставил отпечаток своей личности на многих организациях и сторонах жизни ишува; еще более глубокий след оставил он в душах людей — но он никогда до конца не сосредоточивался на каком-нибудь одном деле. Политика никогда не занимала главного места в поле его интересов. Он всегда готов был высказать свое мнение по политическим вопросам, зная, что его ум и осторожность нужны при решении сложных политических проблем, — но лишь как гость, как советчик, а не как исполнитель.

Берл гнушался любой рутинной, нетворческой работой. Для Бен-Гуриона подобной дилеммы вообще не существовало: взявшись за какое-нибудь дело, он растворялся в нем без остатка, все, не относящееся к этому делу, переставало его интересовать. Берл вел себя совсем иначе — в тот момент, когда работа становилась для него неинтересной, шаблонной, он бежал от нее.

Он всегда принимался за новое дело с огромным энтузиазмом, охватывавшим и смежные области и мельчайшие детали. Но как только чувство новизны притуплялось, ослабевал творческий порыв, Берл тут же находил способ увильнуть, взявшись за новую задачу. В этом, между прочим, состояла одна из причин неспособности Берла работать с аппаратом чиновников, вся сила которого — в систематичности и постоянстве.

Многосторонность Берла контрастирует с целеуст-

ремленностью "профессиональных" революционеров, для которых в жизни не существует ничего, кроме революции. Такая односторонность придает им силы для неустанного стремления к своей цели и одновременно помогает выработать особые отношения с окружающими людьми. А Берл, не сумевший "расчеловечить" своих отношений с людьми, не сумел и сам превратиться исключительно в "орудие революции".

Он старался заниматься делами, которые его интересовали, в которых он видел возможность осуществиться как личность, независимо от того, что казалось важным или заслуживающим уважения людям его поколения. Берл считал себя воспитателем своей партии. В его жажде повлиять на формирование молодого поколения находила выражение тяга к преемственности, к передаче своего духовного багажа и авторитета тем, кто придет после него, — причем Берл везде мыслил такую преемственность вне формально-бюрократических рамок. Утрата влияния на души молодых была для Берла трагедией, ибо он воспринимал ее как поражение именно в той области, которую считал жизненно важной для самоутверждения.

Берл искал утешения в другой привлекавшей его сфере — литературной. "Ам Овед" вознаграждал Берла за все разочарования в более "практических" начинаниях, за все ограничения, стоявшие на его пути как вождя партии. При всем первостепенном значении издательства для культурной жизни ишува многие удивлялись тому, как мог Берл в страшные годы, когда еврейский народ подвергался систематическому уничтожению, а рабочее движение страны переживало глубокий кризис, — как мог он отойти почти ото всех прочих дел и отдавать все силы книгоиздательству. Но особенно удивляться не следует, ведь Берлу всегда было свойственно заниматься только тем, что ему нравилось, и отказываться от всего прочего.

Табенкина и Бен-Гуриона при всех их различиях объединяло то, что у каждого из них была ось, вокруг которой вертелась вся жизнь: у одного был "Киббуц", у другого — политическая деятельность. Для Бен-Гуриона даже не существовало личной жизни в отрыве от общественной. Берл тоже был до мозга костей общественным деятелем, но он все же оставлял себе личный уголок — его отношения с писателями, мыслителями, учеными составляли ту область личных связей, которую он ревниво оберегал.

Во всем, что он делал, Берл стремился к совершенству. Он был взыскательным судьей и по отношению к себе и по отношению к другим, педантом, замечавшим малейшие недостатки работы, будь то речь, статья, редакция книги, газетный номер или лекция. Такое стремление к совершенству по самой своей природе тормозит деятельность, мешает ей.

Но параллельно с этим Берл постоянно испытывал насущную потребность деятельности. Его обуревала неумная жажда двигать колеса истории, действовать самому и заводить других. Он любил переводить идеи и планы на язык практических поступков. Это свойство натуры не давало Берлу возможности стать писателем, ученым-социологом или другим кабинетным работником, оторванным от повседневной практической жизни.

Сочетание интеллектуала, стремящегося к совершенству, глядящего на совершающиеся события со стороны, и практика, который тянется к живой работе, создавало в нем постоянное внутреннее напряжение, противоречие между желаемым и возможным, между острым критическим взглядом и творческим импульсом, побуждающим идти на компромисс в отношении интеллектуального уровня людей, с которыми можно начинать крупное общественное, культурное или политическое мероприятие. Недовольство собой и окружающими, отравлявшее жизнь Берла, в немалой степени было обусловлено

конфликтом этих двух сторон его натуры.

Сомнения, самокритика, потребность в самоосуществлении, чуткая совесть, вечные разочарования, вытекавшие из противоречий между человеком и вождем, между мыслителем и практиком, между политиком и воспитателем, — все это создавало напряжение, мешавшее Берлу жить и работать. То, что так привлекало и очаровывало людей, соприкасавшихся с Берлом, что выделяло его среди всех, — в конечном итоге мешало ему быть настоящим народным вождем.

Наверное, только ради красного словца можно применить к Берлу описание трех ипостасей человека, о которых говорит царь Соломон. Влюбленный юноша из "Песни песней", оптимист и романтик, пламенно верующий в сионизм и строительство нового общества, — таков был Берл времен Второй алии и начала двадцатых годов. Серьезный, строго логичный человек, наставник поколения, направляющий рабочее движение к новым рубежам, взвешивающий и обдумывающий каждый следующий шаг, достигший какого-то равновесия между творческими импульсами и реальными возможностями, — так, пользуясь образами "Притчей", можно описать Берла в период между 1925 и 1935 годами. И наконец, — "Экклесиаст": старик, увидевший, как разрушается дело рук его, как судно его несется по волнам без руля и без ветрил, как рассыпается в прах его мир, а сам он, забившись в уголок, бормочет "Суета сует, все суета".

Правду сказать, Берл все же не пришел к сему нигилистическому заключению "Экклесиаста", но несомненно, что его последние дни были омрачены глубоким отчаянием, чувством бесполезности всего содеянного, безвыходности создавшегося положения. "Ты говоришь, я печален, — написал Берл одному из ветеранов "Давар" Ицхаку Яциву. — Да думал ли я лет пятнадцать назад, что так повернется к нам судьба? А поколения предков твердят нам: и ты

такое же крохотное звено в цепи, как и мы, ты похож на нас”.

Табенкин однажды бросил такое замечание о характерах трех вождей Мапай: ”Мое вечное замешательство, буря и натиск Бен-Гуриона и трагический, понимающий взгляд Берла”. Трагичность понимания Берла заключалась в том, что он мог, участвуя в общественно-политическом процессе, одновременно смотреть на него со стороны. Другие участники происходящего были свободны от самокритики; те же, кто критически оценивал события, не принимали в них активного участия.

Берл был одарен способностью, находясь в гуще события, понимать, куда идет созданная им партия, и эта ”дальнозоркость” лишала его того утешения, которое даровано неведающим. На обложке дневника Берла за 1943 год мы видим написанный его рукой эпиграф — строчку из стихотворения М. Шалома ”Вместе со всеми я одинок”.

Мы часто затрудняемся ответить на вопрос, в чем заключалась сила того или иного обожаемого народом вождя. Дело тут в том, что тайна его личности, секрет его обаяния, проявлявшегося в непосредственном контакте с людьми, исчезают из поля зрения историка, не видевшего его своими глазами. Человеку, читающему труды Табенкина, но не знавшему его лично, трудно понять его пылких приверженцев, восторженно аплодировавших речам вождя ”Киббуца”, черпавших в них веру и надежду. Замечание это справедливо и в отношении Берла.

Будучи идеологом рабочего движения, Берл не оставил после себя упорядоченного наследия. По существу, он даже не пытался никогда сформулировать письменно основные принципы своего учения. Не случайно, что он даже для себя кратко не сформулировал своего мировоззрения. Он читал лекции по истории рабочего движения, выражая по ходу свое кредо. Но у него не было ничего общего с теоретиками социализма.

Он проповедовал сионистский и социалистический фундаментализм во всей его простоте, не скованный никакими формулировками: массовую алию, народ трудящихся, халуцианское поселенчество, самоосуществление индивидуума, любовь ко всему еврейскому народу и национальное согласие.

Теперь, после тысячекратного повторения в партийных программах и лозунгах, принципы эти кажутся сами собою разумеющимися и чуть ли не примитивными. Но ощущая банальность этих идей, разделивших судьбу других некогда великих мыслей, которые, будучи восприняты всеми, утратили свежесть и стали избитыми штампами, мы не имеем права забывать об оригинальности Берла среди других социалистических лидеров его времени — времени, когда самоуничтожение перед "обществом будущего", создававшимся в Советском Союзе, лежало в основе любой социалистической философии.

Мировоззрение Берла можно определить как "национально-гуманистический социализм, подчеркивавший право каждого народа прийти к социализму своим путем, избрать собственные формы социалистического строительства, не навязанные "родиной Октября". Таким образом, Берла по праву можно считать одним из предтеч современного "социализма с человеческим лицом".

Объемность и богатство оттенков философии Берла, ее чуждость всякой замкнутости и упрощенчеству — то есть те ее особенности, которые в свое время воспринимались как недостаток, придают его взглядам теперь остроту и актуальность, которых так не хватает высказываниям других ведущих деятелей рабочего движения.

Однозначные истины, оказывавшие колоссальное влияние на души в героический, склонный к упрощенчеству период истории, начинают, по прошествии определенного времени, казаться бессодержательными, пустыми. А берловская путаница, метания в поисках пути, не свойственные его товарищам, и по сей день

дышат современностью, демократизмом, чужды всякой догматичности и пропитаны живым пафосом социально-национального созидания.

В период между двумя мировыми войнами в мире были предприняты две попытки строительства социалистического общества — в СССР и в Эрец-Исраэль. В обоих случаях процесс этот носил осознанный характер, это была попытка воплощения утопии. Россия пошла по пути насильственного насаждения нового образа жизни сверху, со стороны новых всемогущих организаций. В Эрец-Исраэль, несмотря на отдельные тенденции к большевизму, процесс строительства социализма носил волюнтаристский характер, протекал в плюралистическом обществе, где социалистические формы развивались бок о бок с капиталистической экономикой и буржуазным образом жизни.

Зодчим социалистического общества Эрец-Исраэль был Берл. Разумеется, такое гигантское начинание не являлось делом рук одного человека, даже столь замечательного, как Берл, оно носило поистине коллективный характер, в нем принимали участие видные лидеры и рядовые люди, простые рабочие и выдающиеся деятели культуры, принадлежавшие к различным общественным потокам, подводным течениям, незаметным взгляду очевидца, различающего лишь пену на поверхности социальной жизни.

И все же Берл более, чем кто-либо иной, достоин звания зодчего нового общества. В его личности счастливо соединились несколько черт, выделявших его среди товарищей: широкий, всеохватывающий взгляд на общественные процессы, умение разглядеть в крохотном зернышке могучее дерево, которое взрастет из него; способность думать и планировать на далекую историческую дистанцию.

Берла не слишком интересовали конституционные аспекты и понятие "государства", оно хоть и было ему дорого как свидетельство еврейской самостоятельности, но вовсе не имело для него той неотразимой

притягательной силы, как, например, для Бен-Гуриона. Мышление Бен-Гуриона, в значительной степени формально-юридическое, тяготело к определенности, к привычным политическим рамкам. Следуя естественному для него образу мысли, Бен-Гурион ставил перед собою четкую и однозначную цель — создание суверенного еврейского государства.

Берл же стремился к гораздо более многосторонней, ускользающей от строгого определения цели — он мечтал сформировать новое еврейское общество Эрец-Исраэль в духе тех социалистических идеалов, которые он воспринял от своих духовных наставников — деятелей первой русской революции.

Он шел к этой цели тысячью дорог и тропинок — своей общественной работой, беседами с простыми людьми, созданием "Давар" и "Ам Овед", борьбой за единство киббуцного движения, мечтами о воспитании молодежи. Мысль Берла не ограничивалась формальными категориями, она искала ответов на самые существенные вопросы. Его беспокоили такие проблемы, как образ жизни людей, манера их поведения в быту, их моральные ценности, человечность, личностные качества рядовых членов партии и ее руководителей, способность народа действовать как единый организм, обладающий общей целью.

Один из проклятых вопросов, непрестанно беспокоивший отцов рабочего движения Эрец, оставшийся для многих из них без ответа, состоял в том, способен ли еврейский народ по самой своей природе быть строителем государства. Еврейская история со времен Второго храма, непрерывная цепь внутренних распрей и гражданских войн в разгар беспощадной борьбы с поработителями не давала им покоя, они вновь и вновь, спрашивали себя, сможет ли все это сборище выходцев из разных стран и общин, принадлежащее к различным слоям общества, разным цивилизациям, воспитанных на совершенно различных культурных традициях, говорящих на несметном множестве наречий — сможет ли оно

найти общий язык и прийти к некоему согласию, являющемуся основой национальной жизни.

Берл не удовлетворялся лишь постановкой этого вопроса, но пытался в меру сил содействовать появлению того нового качества, которое отделяет нацию от простого множества людей. Он считал себя воспитателем в самом широком смысле этого слова. Он стремился привить своему движению терпимость к различным кругам общества — такая терпимость резко контрастировала с тем фанатичным упорством, которое проявлял Берл, отстаивая свои позиции во внутривнутрипартийной борьбе.

Прививая своим сторонникам терпимость к чужим взглядам, Берл исходил из сознания того, что рабочему движению принадлежит руководящая роль в ишуве и поэтому оно должно привлечь к себе даже весьма далекие от него общественные круги. Он смотрел на свою партию как на "аристократию, стоящую на службе общества", и потому придавал столь большое значение уровню образования и широте горизонтов ее руководителей, их моральному облику и преданности общему национальному делу.

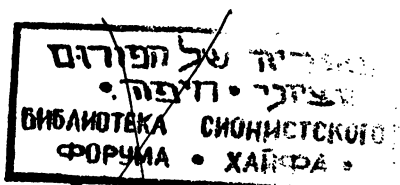
Если повнимательнее присмотреться к делам и поступкам Берла, то легко увидеть, что все они, как мозаичное полотно, сводятся воедино, ведут к общей цели — строительству трудящегося общества страны. Берл оставил свой неизгладимый отпечаток на облике ишува в период, предшествовавший созданию государства. Весь народ интуитивно оцущал это и, провожая Берла в последний путь, он выразил свою любовь к учителю, наставнику, создателю.

Со дня смерти Берла ни один из руководителей народа Израиля не сумел поставить в центр жизни нации главных проблем — качества общества и его руководства. Бен-Гурион пытался сыграть роль Берла, бросая время от времени в молодое общество такие хлесткие лозунги, как "избранный народ" или "заселение Негева". Но ему не доставало способности

прислушиваться к тому, что происходит в глубинах человеческих сердец.

То же относится и к последующим руководителям молодой страны. Все они были заняты строительством государства, укреплением армии, абсорбцией алии и другими неотложными заботами. Никто из них не унаследовал таланта Берла — не поддаваться напору будничной рутины, глядеть со стороны на поток событий и лиц, обдумывая и планируя, а потом приниматься за осуществление казалось бы незначительных, мелких дел, которые вкупе составляют единый грандиозный план.

А может, у Берла и не могло быть наследника — облик ишува изменился, группки идеалистов растворились в массе. Они замкнулись в себе, в заботах о своем малом доме. Пророчество Берла о партии и рабочем движении, об утрате их влияния на общество осуществилось. Настало время аппаратчиков. Разве мог бы найти себе место в государстве, управляемом иерархическим руководством и группировками, чуждыми всяких моральных и культурных принципов, тот, кто всю свою жизнь искал человека?

2757

עיריית חיפה
משרד תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעמים
בית ציונים - תל אביב
ט.ס. מלאי.....

775

КНИГИ СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

- 1—2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А. И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниковский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. Дневник
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. Ш. Й. Агنون. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести,
главы из романов
26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С. Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ

40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА М-РА СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник
И. Кауфман. Библейская эпоха.
Л. Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее
в жизнь
Ш. Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ

75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВБИ
79. Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД–ИЕРУСАЛИМ
С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. Муня М. Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ
103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ – ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2

112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. Давид Шраер и др. В ОТКАЗЕ
114. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ
МИСТИКЕ. Книга 1
115. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ
МИСТИКЕ. Книга 2
116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. А. Аппельфельд, А. Оз, А. Б. Иехошуа, И. Бен-Нер,
Д. Шахар и др. ТЕНИ ОБРАЗА
118. Владимир (Зеев) Жаботинский. ВОСПОМИНАНИЯ
119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
120. Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА
121. Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
122. Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки
израильского офицера
123. Израэль Таяр. СИНАГОГА – РАЗГРОМЛЕННАЯ,
НО НЕ ПОКОРЕННАЯ
124. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
125. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
126. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1
127. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2
128. Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
129. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР
И ЕВРЕИ. Книга 1
130. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР
И ЕВРЕИ. Книга 2
131. Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

Наши книги можно заказать

также по адресу:

Р.О.В. 4110

91041 Jerusalem

Israel

АНИТА ШАПИРА, профессор Тель-Авивского университета, родилась в Польше в 1940 году. В 1947 приехала в Израиль. Училась в Тель-Авивском университете. В 1974 получила степень доктора (в области истории народа Израиля). В 1974 опубликована и удостоена премии Бен-Цви ее первая книга "Безуспешная борьба", посвященная социальной

истории еврейского ишува в Эрец-Исраэль в 20-х—30-х гг.

Предлагаемая читателю книга "Берл", темой которой является биография Берла Кацнельсона, вышла на иврите в 1980 году и наряду с высокой оценкой специалистов вызвала большой интерес широкой читательской публики. Книга издана на английском языке издательством Кембриджского ун-та (1984), готовится к печати на немецком языке.

Аните Шапира принадлежат также многочисленные статьи в научных журналах (и газетах) по проблемам истории сионизма, истории израильского рабочего движения и истории еврейского ишува в Эрец-Исраэль.